ЖУРНАЛ «РОДИНА»

в 1993 году в основных рубриках публикует :

Наше исследование. *Земства в России. История казачества. Феномен старообрядчества. Великое Княжество Литовское. Жена Муссолини — подруга Ленина.*

Начало. *Праславяне — кто они? Была ли письменность у славян? Принятие христианства: благо или зло? Куда исчезли половцы и печенеги? Откуда пошла земля русская?*

Антигерои. *Марина Мнишек, Аракчеев, Шуйский, Берия...*

Из истории российских партий. *Анархисты. Дашнаки. Максималисты.*

Фото Виктора Грищука

Сто народов России. *Обычаи, быт, традиции и праздники народов. Русский национальный характер.*

Неизвестные войны России. *Два спецномера, посвященные первой мировой и кавказской войнам (Неизвестные страницы. Униформа. Знамена. Ордена).*

«РОДИНА»
— это 112 страниц увлекательного чтения для всех, кто любит историю.

Индекс 73325. Цена подписки на 2-е полугодие — 240 рублей (без стоимости доставки).

РОДИНА

3 — 1993

ISSN 0235-7089

Фото Александра Джуса

НИЖНИЙ ТАГИЛ

Правительственная экспертная комиссия решает вопрос о признании города зоной экологического бедствия.

Фотографии Юрия Козырева.

Фото Александра Шипилова

Смертность в городе превышает рождаемость. Количество разводов превышает количество браков. В четыре раза сократилось количество рабочих мест. Втрое увеличилась безработица. Город покидает работоспособное население.

Нижний Тагил основан в 1725 году.
На 1 января 1993 года в городе проживало 434600 человек, из которых трудоспособного населения 248000.

Фото Александра Шипилова

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 3—1993

Выходит с января 1989 г.

НОМЕР НАБРАН И СВЕРСТАН В КОМПЬЮТЕРНОМ ЦЕНТРЕ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

СОДЕРЖАНИЕ

В. Казарезов

Когда в России демократы боролись с коммунистами, трудно было ожидать объективности, да и не нужна была: слишком высокая ставка в этой схватке — судьба страны. Теперь, когда КПСС и тоталитарная система разгромлены, можно спокойно и беспристрастно разобраться в недавнем прошлом. Конечно, о КПСС написано немало. На Конституционном суде обнародованы документы, рассказывающие, чем была эта организация. И все же болезненное отношение общества к нынешним проблемам наглядно свидетельствует о том, что очень многие так и не поняли, что произошло, почему страна находится в глубочайшем кризисе. Это в определенной мере связано с тем, что фактически не была понята реальная роль партии в той системе, в которой мы прожили десятилетия. Уничтожая компартию, люди почему-то не догадывались, точнее никак не связывали дееспособность государства с деятельностью КПСС. Отсюда столь болезненное отношение к развалу страны, ухудшению экономического положения, кризисным явлениям во всех сферах общественной жизни. Но ведь все это — плата за свободу, за возможность возвращения к общепринятым ценностям и институтам. За все надо платить: и за прошлое, и за будущее.

КПСС была не партией. Она была и государственной структурой, и своеобразной церковью, и в какой-то мере общественной организацией, и судом... Она представляла собой достаточно мощную и по-своему эффективную систему управления социально-экономическими процессами. Одна из важнейших функций партии — управление на региональном уровне — в областях и районах. Многие нынешние проблемы обусловлены тем, что до сих пор не удалось создать нормальную систему самоуправления на региональном уровне. Вряд ли можно утверждать, что опыт обкомов и райкомов может быть непосредственно использован при решении этой проблемы. Тем не менее надо четко представлять, от какой системы мы уходим, какие функции в ней выполнялись и каким образом.

Итак, цель публикации состоит не в очередном разоблачении КПСС, а в том, чтобы раскрыть «механизмы», «анатомию» функционирования социальной системы в одном из ее аспектов — региональном.

О деятельности парткомов и их руководителей рассказывает бывший первый секретарь Новосибирского обкома КПСС (1988—1989). Предоставив ему слово, редакция руководствовалась не только стремлением к плюрализму, отражению различных точек зрения на прошлое. Главный мотив состоял в том, чтобы предоставить возможность профессионалу со знанием дела рассказать о том, что он прекрасно знает. Редакция не во всем разделяет оценки автором роли КПСС. Тем не менее мы считаем полезным познакомить читателей с опытом этого человека. В дальнейшем редакция предполагает дать возможность и другим «бывшим», имеющим опыт и знания в различных областях и связанным с функционированием политической системы «развитого» социализма, рассказать о недавнем прошлом.

ВЛАДИМИР КАЗАРЕЗОВ

ОБКОМОВСКИЕ ВОЕВОДЫ

ЗАПИСКИ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА

Особое место в партийной иерархии принадлежало первому секретарю обкома. Он обладал огромной властью, которая не определялась ни уставом партии, ни какими-то инструкциями, ни, естественно, законами.

Казалось бы, разница между первым и вторым секретарями партийного комитета небольшая. Всего одна ступенька разделяла их в партийной табели о рангах, зарплата отличалась только на десять-двадцать процентов, набор привилегий почти одинаков, места в президиумах активов, пленумов, конференций и за столом заседаний бюро рядом — одним словом, по всем видимым, да и невидимым признакам и критериям они почти равны. Но только человек, не посвященный во все тайны «мадридского двора», мог себе представлять статус первого и второго секретарей партийного комитета примерно одинаковым по тому влиянию, которое оказывали они на положение дел, и по тому почтению, которое оказывалось им.

Мне запомнилось шутливо-ироническое, покровительственное назидание старейшего аппаратного работника А. М. Трошина, ставшего одновременно со мной заведующим отделом обкома (я — промышленности, он — сельскохозяйственного). На правах знатока всех тонкостей аппаратной жизни он спросил меня, пришедшего с завода и только по слухам знавшего, что такое аппарат обкома: кто второе лицо в обкоме? Я сказал: второй секретарь, что за вопрос! Он снисходительно улыбнулся: дескать, какая наивность, если не сказать глупость, и объяснил, что таковым является зав. финхозотделом. «А за ним кто идет?» — пытает меня Трошин дальше.

— Ну, уж теперь-то второй секретарь, — говорю я.

— Ничего подобного. Зав. общим отделом. А дальше? — язвит Трошин.

Я уже отказываюсь угадывать, молчу. А он продолжает: зав. орготделом. И только потом в его табели следует второй секретарь и другие секретари обкома. Конечно, здесь имеет место быть, как говорится, сатира и юмор, но здесь и большая доля истины.

Очень часто вторыми секретарями пребывали люди, значительно уступавшие не только первому, но и многим партийным функционерам по уровню интеллекта, волевым качествам, авторитету среди партийного актива, руководителей предприятий и творческой элиты. И коль скоро это было не случайным, а довольно распространенным явлением, то, естественно, в основе лежала какая-то закономерность. Какая же? Очень часто первый не хотел иметь рядом с собой сильную личность, способную затмить его или тем более заменить. Он мог, и часто делал это, выставлять в невыгодном свете, а то и просто шельмовать, унижать второго в глазах коллектива. Аппарат очень тонко улавливал все эти нюансы в настроениях первого и отношении его ко второму и реагировал адекватно развитию ситуации. Создавалась атмосфера незаменимости первого. Хотя, конечно, не все и не всегда складывалось и развивалось по единому сценарию. Например, первый секретарь Новосибирского обкома Горячев, уникальная и по-своему талантливая личность, будучи интриганом, демагогом, лицемером, держал аппарат за счет стравливания одного работника с другим, наговоров и сплетен. Не делал исключения и в отношении вторых. Поэтому положение их при Горячеве не соответствовало фактической роли второго человека в области.

В то же время при А. П. Филатове, сменившем Горячева на посту первого, вторые секретари В. А. Боков и Н. Я. Федотов, оба имевшие примерно одинаковую биографию и оба пришедшие на эту должность из инструкторов ЦК области, играли совершенно разную роль в партийном аппарате и в управлении областью. Волевой, работящий, цепкий Боков и слабый, безвольный и никчемный подхалим Федотов были совершенно разными людьми и тем не менее последовательно сменили один другого на посту второго секретаря.

Первый секретарь — полновластный руководитель области, своеобразный воевода, хотя определение «полновластный руководитель», возможно, и не достаточно корректное и адекватное. Говоря о неограниченности власти первого секретаря обкома, мне бы прежде всего хотелось выделить его возможности в принятии управленческих решений, значительных по своим затратным масштабам, по влиянию на властные структуры, экономику, культуру, экологию и другие важнейшие стороны жизни области.

Легко можно было увидеть, как в различных областях и краях страны получали развитие те или иные направления экономики, культуры, инфраструктуры, а другие хирели, стагнировали, в зависимости от ценностных ориентаций, представлений о приоритетах, уровня интеллекта, моральных качеств первого секретаря партийного комитета. Конечно, помимо личностных критериев, большое значение имели его вхожесть в кремлевские и другие высшие московские кабинеты, пробивная сила, горизонтальные связи и т. д., хотя, в сущности, это тоже качества личностные. И в любезной моему сердцу Сибири подобные примеры лежат на поверхности.

Возьмем наш Новосибирск. Федору Степановичу Горячеву, проработавшему первым секретарем обкома более двадцати лет, обязаны новосибирцы созданием трех академий: Сибирского отделения Академии наук СССР, медицинской и сельскохозяйственной. Не будем говорить о целесообразности этой крупной государственной акции для страны — здесь разговор особый, но зададимся вопросом: правомерно ли было возлагать только на новосибирцев решение столь грандиозной задачи? Может быть, разумнее было бы разместить одно академическое отделение в Новосибирске, другое в Омске, третье на Алтае? Ан, нет! Тогдашние омский первый секретарь (Манякин) и алтайский (Георгиев) отказались играть в академические игры, и никто их не смог заставить, а Горячев во имя удовлетворения честолюбивых амбиций согласился.

Фото Игоря Лагунова

Что бы ни говорили о том, что сибирские отделения трех академий строила вся страна, основная нагрузка легла на плечи новосибирцев. Да, финансовые и материальные ресурсы выделялись централизованно, но академические стройки забирали рабочую силу с предприятий и других строек области (из села туда приоритетным образом направлялись местные строительные материалы). В результате стало резко отставать развитие социально-культурной сферы, свертываться строительство на селе, начала хиреть пищевая и легкая промышленность, остановилось приращение энергетических мощностей. То есть все то, что прямым образом влияло на жизненный уровень населения области, остановилось в своем развитии, начало деградировать. Затем стали сказываться последствия долгосрочного характера. Десятки созданных институтов и сфера их обслуживания, как губка, высасывали наиболее способную молодежь как из города, так и из села. Ведь сколько бы ни шумела пропаганда о массовой миграции ученых из центра России в сибирские академические отделения, приезжали только ведущие специалисты, десятки, в лучшем случае сотни человек.

Может быть, новосибирцы компенсировали свой особый вклад в развитие отечественной науки получением от нее быстрой отдачи, массовым притоком научных разработок, давшим импульс развитию производства? Ничуть не бывало. Ирония судьбы или полная некомпетентность руководителей, но Новосибирск — это прежде всего центр машиностроения, а именно такого профиля научных институтов и не было создано. Вот такую цену заплатили новосибирцы за то, что Горячев долгие годы упивался славой создателя крупнейшего научного центра, уступающего лишь Москве и Ленинграду по числу ученых на тысячу жителей.

В это же время Манякин, отказавшись от славы покровителя науки, увидел свое предназначение в развитии села и долгие годы сосредоточивал на этом направлении значительные бюджетные ресурсы и обкладывал данью все предприятия города, отрывая людей, материалы, финансы на село. Наверное, что-то было упущено и там, но то, что стол омичей был богаче и дешевле, чем у нас, новосибирцев, да, думается, и у других сибиряков, это было несомненно. Долгие годы наши земляки критиковали нас за то, что в так называемые застойные годы мясо на рынках Омска стоило два рубля девяносто копеек, а у нас до пяти рублей. Об этом же говорили в ЦК и правительстве, обвиняя нас в меньшем, чем омские руководители, радении о людях.

Пример с нашим соседом — Алтаем. В свое время его первому секретарю Георгиеву показалось исторически несправедливым, что Алтай никаким боком не имеет касательства к большой металлургии. Вообще-то, по-иному и быть не могло, так как Алтай не располагает ни железной рудой, ни коксующимися углями, а, как нас учили на уроках географии в школе, наличие одного из этих видов сырья является условием для создания металлургического производства. Но Георгиев рассудил по-

иному. И в центре Алтая в г. Зоринске был создан завод по производству кокса. Сюда из Кузбасса завозят уголь, получают кокс и увозят в основном назад. Что получило население Алтая от такой акции? Думается, ничего, кроме отвлечения трудовых и материальных ресурсов и создания экологических проблем.

Большой след оставил в Томской области Егор Кузьмич Лигачев. В отличие от новосибирских руководителей, он сумел дать импульс развитию Томской области, используя средства военно-промышленного комплекса. Давая место на томской земле для различных «почтовых ящиков», он, пользуясь своим влиянием в Москве, выколачивал из ВПК средства и много сделал для превращения провинциального Томска в довольно развитый научный, промышленный и культурный центр. В его активе — решение проблемы водоснабжения Томска. Ну и, конечно, «передовые» позиции Томска в антиалкогольной борьбе. Мы в Новосибирске только-только втягивались в эту кампанию, а Томск уже давно сосредоточил торговлю алкоголем в нескольких точках на окраине города. Приграничные с Томской областью новосибирские районы, да и сам Новосибирск, страдали от экспансии томичей, буквально выметающих все винные запасы и вздувающих цены на черном рынке.

Влияние первых секретарей горкомов и райкомов на состояние и облик подведомственного региона было менее существенным, но и на этом уровне они могли оставить следы своего пребывания.

Например, Краснозерский район Новосибирской области славился строительством жилья. Там на протяжении многих лет сдавалось в год квартир в расчете на одно хозяйство больше, чем в любом другом районе области. И это потому, что первый секретарь считал жилищное строительство в решении социальных задач, да и не только социальных, важнейшим делом. Тогучинский район известен хорошо развитой сетью автомобильных дорог, и прежде всего потому, что его первые секретари в течение многих лет выделяли это направление в своей работе. Барабинские секретари увидели свое предназначение в улучшении солончаковых почв, и весь район долгое время занимался их гипсованием. Не ручаюсь за точность, но на этот район падала чуть ли не половина всего гипса, завозимого в область.

Если первый секретарь райкома приходил к выводу, что секрет продуктивности животноводства в увеличении в рационе животных рапса, то все колхозы и совхозы района начинали сеять рапс. В то время как соседний район мобилизовывал население на поголовное участие в выращивании корнеплодов как наиболее эффективного молокогонного средства. Защита первым секретарем кандидатской диссертации или убежденность его в эффективности вложений в науку, а то и просто желание приобрести имидж прогрессивного руководителя приводили к массовым десантам ученых из Новосибирска в район, заключению договоров о сотрудничестве, отвлечению крупных средств на науку в ущерб другим делам.

Таких примеров можно приводить очень много, и не только из сферы основной деятельности. Если первый секретарь благоволил к живописи, в районе появлялась картинная галерея. Если он был лыжником, весь район или по крайней мере большинство партийно-хозяйственного актива становились на лыжи, причем не просто на лыжные прогулки, а для участия в соревнованиях на первенство района во главе своих коллективов. А случись, первый секретарь хорошо играет на баяне или наделен вокальными данными, — значит, район обречен на успех в смотрах художественной самодеятельности, здесь кипит жизнь в районном и сельском дворцах и домах культуры, открываются музыкальная и хореографическая школы и т. д.

Однако вернемся к личности первого секретаря обкома. Он — наместник Центрального Комитета в области, и нет никого рядом, кто бы мог сделать замечание, осудить его за что-то, потребовать отказа от одиозных решений. Личность первого секретаря фактически была неприкосновенной и неподсудной. Партийно-хозяйственный актив, ближайшее окружение, уж не говоря о населении области, вынуждены были терпеть любого «чудака» с набором практически любых качеств. Только с ЦК партии, а точнее с Генеральным секретарем и членами Политбюро, да и то не со всеми, серьезно считался первый секретарь. Ибо лишь они могли решить вопрос о его освобождении от должности. От них же зависело и выдвижение его на более важную и ответственную работу. Такой феномен трудно найти в мировой, как демократической, так и бюрократической, практике, когда бы лицо вначале ежегодно, а затем через два-три года регулярно избиралось и переизбиралось и при этом совершенно исключалась вероятность неизбрания. С секретарями парткомов предприятий и райкомов бывали истории, когда их прокатывали на выборах (может быть, один раз из тысячи), а вот чтобы с первым обкома или даже горкома крупного областного центра — такого что-то не слышал.

Как правило, первые обкомов работали по многу лет и оставались таковыми до весьма преклонного возраста. Часто они уже не только утрачивали силы и здоровье и в связи с этим не могли эффективно руководить, но и вообще впадали в чудачества, в старческий маразм. Увы, Брежнев был не одинок. Сколько их, одряхлевших, цеплявшихся за уходящую власть, было по стране — вызывающих смех и злорадство у одних, горечь и боль у других, равнодушие у третьих. Все это было на виду, компрометируя партию, претендующую на «ум, честь и совесть эпохи». И тем не менее, повторяю, только воля, исходящая из кремлевского кабинета самого высокого уровня, могла принять и осуществить решение о смене.

Почему неохотно шли на замену?

Мое видение ответа на этот вопрос такое. Какой ни на есть, пусть дряхлый, пусть маразматик, но уже проверенный, преданный принципам и меняет их только с изменением курса наверху, не способен на фронду и не претендует на замещение кого-то из вышестоящих. Не способен генерировать идеи? Не беда. Все постулаты движения вперед уже давно сформулированы, все эти «генераторы» могут лишь увести в сторону, исказить «линию». А это страшнее всего.

Почему сами не уходили на покой от всей этой хлопотной и суетной жизни? Наверное, потому, что, вкусив однажды власти и став «профессионалом-революционером», привыкнув быть первым, не прилагая особых усилий, чтобы отстаивать права на это, человек не может представить себе иной ситуации. А вот если бы он к посту первого пробивался через отчаянную предвыборную борьбу с десятком конкурентов, то подумал бы: стоит ли связываться? И уж ни один маразматик не только не добился бы победы, но даже и не отважился бы на борьбу.

Далее. Уход с поста первого означал сразу же создание вакуума вокруг себя. Вчерашнее окружение, особенно из числа наиболее «преданных», подхалимов, тут же отворачивалось, проявляя знаки преданности новому калифу. Человек, ставящий личное место на служебной лестнице превыше всего в своей иерархии ценностей, не мог этого пережить. Как не мог пережить и отсутствие знаков внимания, пусть даже и неискренних, после такого почитания, опять же в основном неискреннего. Таким образом, смена первого секретаря решающим образом зависела от воли верхов и менее всего от тех, кто его избирал. И потому часто кандидат на уход, стараясь задержаться как можно дольше, жертвовал интересами своих земляков, которыми управлял, во имя выполнения и перевыполнения планов и заданий Родины и партии.

Поводов для начала подготовки к уводу с поста первого могло быть несколько. Прежде всего, все более проявляющееся отставание области от соседних или от подобных по важнейшим показателям: темпы роста объемов производства, урожайность и надои молока, выполнение плана, положение со снабжением населения и др. Во-вторых, резкое возрастание числа жалоб, анонимок, а в последнее время и критических выступлений в печати (почему — в последнее? Потому что ранее трудно было представить критику первого в средствах массовой информации). Наконец, непочтение «родителей», то бишь секретарей ЦК, членов Политбюро и прежде всего Генерального. Это непочтение могло проявиться в малом числе раз упоминания фамилии Брежнева в выступлениях, в смелости суждений по отдельным вопросам, в излишнем радении за интересы своего региона в ущерб общегосударственным и т. д.

Когда один из этих факторов, а то и все сразу начинали все более и более обозначаться, территориальный сектор организационного отдела ЦК, курирующий данную область, начинал более основательно изучать ситуацию. Инструктор, а впоследствии — ответорганизатор, закрепленный за областью, выезжал на место и опрашивал десятки, а то и сотни человек — членов обкомов, секретарей райкомов, директоров заводов и институтов и т. д., то есть тех, кто составлял партхозактив. Результатом изучения являлась записка, которая шла «наверх».

В зависимости от содержания записки и отношения к ее содержанию и самому персонажу записка каждой инстанции (работники сектора, зам. зав. орготделом, зав. орготделом, секретарь ЦК, курирующий орготдел, второй секретарь ЦК и, наконец, Генеральный секретарь) останавливалась на какой-то ступени. Таким образом, остановивший брал ответственность на себя. Любая из названных ступеней могла и остановить записку, но могла также инициировать и появление новой. Однако, принимая решение «копать дальше» или пока отставить, каждая инстанция, помимо существа, ориентировалась и на отношение к данному секретарю обкома вышестоящих инстанций.

Часто с приездом «копателя» секретарь обкома мог через все головы позвонить сразу Генеральному, выразить свое неудовольствие — и тут же следовал отзыв в Москву ревнителя-аппаратчика. Но как бы то ни было, однажды начавшись, этот процесс, то вспыхивая, то затухая, уже, как правило, не останавливался, и всем становилось ясно: первого уходят.

Аппарат — штука сложная, живущая по своим законам, быстро и соответствующим образом реагирующая на все нюансы. Годами отлаженная и четко работающая машина начинала давать сбои. Даже подхалимы, а таковых в аппарате всегда предостаточно, показывали свою независимость и принципиальность. Все усиленно обсуждали возможных кандидатов на пост первого. Если таковой был среди своих, ему начинали демонстрировать верноподданнические чувства. Точь-в-точь как в сказке о Маугли — стая отворачивалась от обеззубевшего вожака. Искушенный в интригах, первый быстро оценивал ситуацию и принимал меры, хватаясь за соломину. Но часто вместо соломины в руки попадал и спасательный круг. Первое и самое верное — искать защиты у Генерального или близкого к нему члена Политбюро. Второе — устранить возможного претендента из своего окружения. А коль скоро скомпрометировать и убрать за «несоответствие» способного работника было трудно, хлопотно и требовалось много времени, а то и просто являлось невозможным, принимались решительные меры по его выдвижению — в аппарат ЦК, в министры или их замы, на дипломатическую работу. Обоими приемами успешно пользовался Федор Степанович Горячев.

Однажды, когда слухи о его уходе упорно муссировались и аппарат начал выпрягаться, он, приехав из Москвы, собрал представительный форум и как бы между прочим сказал: «Был у Леонида Ильича. Попросил его отпустить меня на отдых. Устал я, говорю, пусть те, кто помоложе, поработают. Леонид Ильич похлопал меня по плечу и сказал, что нет, Федя, иди и работай. Вместе уйдем». Все поняли, что Горячев остается, на какое-то время статус-кво был восстановлен.

Мне, будучи инспектором ЦК, пришлось выполнять

черную миссию: изучить ситуацию в Куйбышевском обкоме партии, сложившуюся вокруг тогдашнего первого секретаря обкома Муравьева. Передо мной была поставлена задача ответить на вопрос: оставлять Муравьева работать дальше или освобождать? Мы отправились туда вместе с инструктором орготдела и после опроса большого числа могущих оценить Муравьева куйбышевцев пришли к выводу: нужно срочно заменять. Наше предложение было оформлено соответствующей запиской и доложено руководству. Вскоре последовал пленум Куйбышевского обкома, освободивший Муравьева в связи с уходом на пенсию.

Что характерно, непосредственно на отчетно-выборных конференциях смены первых секретарей как обкомов, так и райкомов практически не производилось. Обычно это делалось до того, чтобы не вызвать на конференции ненужных страстей, не породить непредсказуемую ситуацию. Часто бывало, первый секретарь, ставший таковым несколько дней назад, делал отчетный доклад, давал оценку деятельности партийных организаций, коллективов, отдельных коммунистов, хотя и понятия не имел о предмете разговора.

Когда решение о снятии первого принималось, приступали к подбору преемника. В последние годы сложилась определенная система работы с резервом на выдвижение. Существовали списки резерва на номенклатурные должности, из которых прежде всего и пытались подобрать кандидата. Но очень часто, если не сказать как правило, означенные в списках лица почему-то оказывались неподходящими, и начинался поиск новых. Снова, если речь шла о первом обкома, в область выезжала бригада ЦК и путем тщательного опроса актива подбирала кандидата или нескольких кандидатов.

В записке давалась скрупулезная характеристика кандидата, показывались сильные и слабые его стороны. Если кандидатов было несколько, показывался баланс их качеств и вносилось предложение — на ком остановиться. Автору, опять же во время работы в ЦК, пришлось выполнять миссию подбора первого в Иркутске после ухода В. И. Ситникова на дипломатическую работу. Из целого ряда кандидатов было отдано предпочтение В. И. Потапову. Точно так же проходило изучение претендентов на должность секретарей горкомов и райкомов, хотя в этом случае дело значительно упрощалось.

Когда выбор был сделан, намечалась тактика проведения избрания. Поскольку, как правило, избрание проходило не на конференциях, а между ними, то по существующим положениям это должен был сделать пленум комитета. Чтобы дело было наверняка, перед пленумом проводилось минимум две встречи. Если речь шла о первом обкома, собирались все первые секретари райкомов и горкомов, и на их суд выносилось предложение. Затем отдельно по этому же поводу собирались члены бюро комитета. Вносил предложение представитель ЦК, прибывший на выборы. Поскольку до того с большинством собравшихся кандидатура уже обсуждалась приватно, то особых дискуссий не возникало. Кроме того, считалось правилом дурного тона что-либо возражать, если ЦК вносил предложение. Дело не в авторитете ЦК, а в сложившихся за многие годы правилах игры, когда предложениям вышестоящей инстанции не принято было возражать. Кроме того, выступить против, зная, что предложенный все равно будет избран, означало осложнить себе жизнь и вообще прослыть бузотером. Обычно обсуждение на встрече с активом или членами бюро шло вяло и не переступало за рамки уточнений биографии и взглядов на те или иные процессы. Я, во всяком случае, не помню, чтобы где-то когда-нибудь была выдвинута альтернатива кандидату. Хотя справедливости ради следует сказать, что я всегда волновался в ожидании итогов тайного голосования. Нет, опасности быть неизбранным не было, но получить большое число голосов против было неприятно.

На встрече с секретарями райкомов-горкомов и членами бюро, после того как обсуждение кандидата заканчивалось и приходили к всеобщему согласию, договаривались о единой линии поведения на пленуме обкома. Все расходились по местам и проводили соответственную работу со своими членами обкома. Затем собирался пленум, на нем предоставлялось слово представителю ЦК. Тот говорил о заявлении уходящего секретаря с просьбой освободить от занимаемой должности в связи с состоянием здоровья, говорил о его заслугах перед партией, страной и областью, благодарил и желал здоровья и долгих лет жизни. После этого, ссылаясь на тщательную проработку и изучение мнения многих, выносил на рассмотрение кандидатуру преемника. После нескольких коротких выступлений в поддержку проводилось голосование, и область получала нового первого руководителя.

А теперь посмотрим, откуда брались первые секретари обкомов, других партийных комитетов, какая предшествующая карьера или иные обстоятельства продвигали и подготавливали их к этой работе, где набирались они качеств, опыта, мудрости, без каковых, что бы мы ни говорили, полновластный руководитель области не мог состояться.

Однозначно сказать трудно, так как не по одному сценарию складывались их судьбы, но некоторые более или менее типичные схемы проследить можно. Впрочем, вначале нужно остановиться на карьерах вообще партийных функционеров крупного масштаба. Начнем с того, что какой-то сословности, кастовости, наследственности в партийной элите не было. Редко можно было встретить двух братьев партийных работников и практически никогда — отца и сына, в отличие от семейных династий деятелей искусства, инженеров, врачей, военных и т. д. Это можно было объяснить по-разному. Но прежде всего тем, что отец, став крупным партработником, не мог продвигать сына по своему пути, полагая это безнравственным. Что могли подумать люди, коллеги, вышестоящее руководство? Вот так — папаша, даже очень большой начальник, мог помочь своему дитяти стать дипломатом, научным работником, получить самую престижную специальность, но сделать из него себе подобного — нет! Более того, на детях лежала некая печать, усложняющая им жизнь, дающая повод учителям, друзьям, коллегам по работе отказывать в искренности отношений, проявлять сдержанность, а то и провоцировать конфликты и т. д. Поскольку, прежде чем начать карьеру партийного работника, нужно было как минимум стать членом партии, несколько слов о мотивах вступления. Разумеется, они были различными, но я убежден, что большинство, по крайней мере из нашего поколения, хотели стать коммунистами, чтобы не остаться на обочине процесса построения нового общества, общества высшей справедливости.

Партийный работник должен был иметь высшее образование, быть специалистом в какой-либо сфере народного хозяйства. Это первый критерий отбора. Очень хорошо, когда в трудовой книжке был отмечен рабочий стаж — хотя бы несколько лет, да даже несколько месяцев. Кстати сказать, поскольку специалисту (по партийной дифференциации — служащему) сложно было вступить в партию (строго соблюдалась пропорциональность — на одного служащего трое рабочих), многие молодые специалисты шли на рабочие должности, чтобы обойти ограничение. Они поступали таким образом и даже после окончания институтов. Следующее ограничение — выдвигаемый на партийную работу должен был быть молодым. Таким образом, эти два требования — образование и возраст — сразу сужали массив, из которого можно было выбирать.

Далее. Чтобы стать освобожденным партийным работником, хорошо бы пройти низовую неосвобожденную партийную или общественную работу (партгрупорг, член цехового бюро, очень хорошо — секретарь цеховой парторганизации, член парткома; хуже, но тоже ничего — профсоюзный или комсомольский активист и т. д.).

В последнее время большое внимание уделялось партийно-политическому образованию. В стране была широкая сеть региональных высших партийных школ (ВПШ) и Академия общественных наук (АОН) при ЦК КПСС. Давала ли что-нибудь учеба в партийном вузе? Строго говоря, нет. А на мою долю вообще выпал курьез, на котором следует остановиться подробнее.

Дело в том, что я поступал в академию на заочное отделение летом 1982 года, а закончил летом 1985-го. А это годы необычные. 1982 год— смерть Брежнева, 1985-й — становление Горбачева, а между ними — Андропов и Черненко. Таким образом, будучи в академии три года, мы проучились при четырех Генеральных секретарях. А курьез заключался в следующем. На первой установочной сессии нам дали списки работ классиков и Брежнева, которые нужно было законспектировать и приготовиться к семинарам по ним. Мы добросовестно все сделали (все-таки это была первая сессия), приезжаем в академию, а нам говорят: что касается классиков, все остается, а на заготовки по Брежневу — наплевать и забыть, срочно готовьтесь к семинарам по трудам Андропова! Давай скорее изучать Андропова, хотя изучать-то было нечего! Тем не менее нашли чего. Мусолим мы эти шедевры дома, пишем конспекты, а он умирает, и опять наши труды напрасны. Только взялись за Черненко — и с ним то же самое. И опять наши конспекты летят в корзину. А в дипломных работах у нас уже не было Брежнева, Андропова, Черненко — остался только Горбачев, хотя в роли Генерального он пребывал всего несколько месяцев.

Вот такие печки-лавочки! О каком нравственном воспитании могла идти речь?

И последнее о ВПШ и Академии. В партийном аппарате трудно было избавиться от непригодного работника, поскольку были размыты критерии оценки его профессиональной пригодности. Направление его на учебу в ВПШ давало шанс избавиться от непригодного работника хотя бы на несколько лет. Увы, многие грешили такой беспринципностью, в том числе и автор, и потому часто были проблемы с трудоустройством выпускников. Очевидно, повторяемость ситуации дала повод для появления анекдота-басни.

Заседает бюро какого-то звериного комитета. Принимается решение с оргвыводами о снятии с работы: Слона — за топтание на месте, Жирафа — за верхоглядство, Осла — за упрямство, Петуха — за многоженство, Барана — за глупость. Затем следует назначение на руководящую работу: Слона — за устойчивость, Жирафа — за дальнозоркость, Осла — за твердость характера, Петуха — за связь с массами. На Баране остановились. Что делать? Долго думали и приняли решение: направить Барана на учебу в ВПШ. Вот так и в нашей практике частенько «бараны» становились слушателями высших партийных учебных заведений.

Теперь о женщинах.

Где-то в середине 80-х годов крепко взялся за нас ЦК, требуя увеличения женской прослойки среди партийных работников. Это один из абсурдов, не поддающихся объяснению, каковых было немало, когда в ущерб делу приходилось выполнять указание и продвигать женщин. Остряки окрестили эту кампанию по феминизации партийных кадров «Операцией Юбка». С грустью смотрели новосибирцы на Черненко и Баровскую, первых секретарей Чулымского и Северного районов, в прошлом педагогов. Наверное, они были неплохими учителями, возможно — хорошими хозяйками, но совсем негодными руководителями районов. Крутило ими мужское окружение как хотело, а они, бедные, наверное, частенько проливали слезы от бессилия что-либо сделать, но несли крест, выполняя волю руководства, в сущности являясь пешками в этой игре. Зато обком мог отчитаться об определенном проценте женщин среди первых секретарей райкомов. Но первыми секретарями обкомов женщины не становились, это было сугубо мужское дело.

Однако вернемся к первым секретарям. Очень многие,

пройдя низовую работу, попадали в центральные органы Союза и России, а затем снова направлялись в области первыми секретарями. Из ЦК КПСС с должности зам. заведующего отделом был направлен первым секретарем Томского обкома Е. К. Лигачев. Ф. В. Попов оставил портфель министра коммунального хозяйства России и стал первым секретарем Алтайского крайкома. Считалось, и не без оснований, что хорошо, когда кандидат в первые уже знаком с центральными органами, знает руководителей, не подвержен синдрому стеснительности, не теряется в коридорах власти. И в значительной мере поэтому в последние годы был восстановлен институт инспекторов ЦК. Перспективных работников с должностей вторых или секретарей обкомов, председателей облисполкомов, первых крупных горкомов брали на работу в ЦК на непродолжительное время (от нескольких недель до одного-двух лет) инспекторами. Поступающий знал, что его в любое время могут направить в любую область первым или в одну из союзных республик вторым. Отказываться от предложения было не принято.

Автору немногим более полугода пришлось быть инспектором ЦК. Попал я на эту должность из первых секретарей Новосибирского горкома. Уже исходя из своего опыта, я думаю, что инспекторство преследовало несколько целей.

Во-первых, вблизи посмотреть на кандидата на выдвижение, насколько возможно изучить, чтобы избежать ошибки, доверяя ему область. Во-вторых, дать возможность провинциалу приобщиться к таинствам «мадридского двора», чтобы не робеть, не блуждать впоследствии по коридорам высших учреждений, отыскивая нужную дверь. Ну и, наконец, в случае непредвиденного появления вакансии в той или иной области всегда можно было взять более или менее проверенного человека на ее закрытие. Но первым секретарем обкома мог стать и человек, вообще не работавший на партийной работе, а прошедший хорошую хозяйственную школу. Пример тому — выдвижение В. И. Долгих первым секретарем Красноярского крайкома партии из директоров Норильского металлургического комбината. Хотя такие варианты все-таки следует считать исключением.

Особо следует сказать о трудоустройстве бывших партийных работников, которым еще далеко оставалось до пенсии. Добровольно уходили редко. Не только потому, что слишком уж престижной и выгодной была партийная работа, а еще исходя из своеобразного понимания партийной дисциплины и этики — работай в данной должности столько, сколько сочтет нужным вышестоящее руководство. Существовали правила игры, когда каждый, над которым нависала угроза ухода, мог примерно представить уровень и сферы своих притязаний. Все зависело от занимаемой должности в партийном аппарате и трудовой биографии, предшествующей партийной работе. Сначала о функционерах высшего (в областных, конечно, масштабах) уровня. Секретарь обкома, даже не первый и второй, редко мог получить работу в своей области и претендовал на Москву, в союзные или республиканские партийные, советские, профсоюзные, всевозможные общественные структуры. Взятые с промышленных предприятий становились профессионалами-руководителями, но уже более высокого уровня, чем были раньше.

Бывшие идеологи и организационники шли в редакции газет (разумеется, редакторами или замами), в политорганы сферы МВД, во всевозможные общественные организации (разумеется, руководителями), в систему просвещения, преподавателями ВПШ и всевозможных курсов усовершенствования и т. д. и т. п.

Многие, в чем-то не состоявшиеся или, наоборот, заслуживающие выдвижения, но сидящие на местах ввиду отсутствия соответствующих вакансий, направлялись на работу в профсоюзы. Я не проводил специального исследования и могу допустить неточность, но мне кажется, все заместители председателя Новосибирского облсовпрофа, как и сам председатель и абсолютное большинство председателей отраслевых обкомов профсоюзов, — бывшие партийные работники. Недаром шутили, что профсоюзы — отстойник партийных кадров.

И еще об одном мифе. В общественном сознании почему-то утвердилось мнение, что в обкомах и райкомах сидит видимо-невидимо чиновников, паразитирующих на теле общества, разъезжающих на черных «волгах» и бесконечно заседающих. Мне бы хотелось снять это обвинение. На самом деле, хотя все управлялось обкомами, горкомами, райкомами, общее число их работников было не так уж и велико. В частности, по Новосибирской области ситуация выглядела следующим образом. В обкоме было около 150 ответственных работников, в Новосибирском горкоме — 40, в райкомах — около 25 человек. В парткомах предприятий число освобожденных партийных работников существенно различалось в зависимости от количества членов партии, работающих в трудовом коллективе (от одного человека в парторганизациях численностью до 150 членов партии до 3—10 человек в первичках, где коммунистов было более тысячи). Вроде бы много. Но это и ничтожно мало по сравнению с ныне действующими гигантскими бюрократическими управленческими структурами.

Партийных работников можно было обвинять в том, что они являлись инструментом в попытках достичь недостижимой цели. Их можно обвинить в подмене хозяйственных и советских руководителей, во вмешательстве в производственные и другие процессы. Можно обвинить, и обоснованно, в регламентировании, навязывании людям своего понимания духовных ценностей. Но в массе ни в коем случае нельзя предъявлять претензии в лености, некомпетентности, безответственности. Это особенно стало ясно теперь, когда общество ввергнуто в хаос и неразбериху. Чиновников на всех уровнях стало значительно больше, а эффективность управления практически нулевая. Дело даже не в управляемости.

Раньше любой руководитель, большой или маленький,

любой гражданин знал, куда пойти в случае крайней нужды, когда хождения по всем другим инстанциям ничего не дали. Он шел в райком и получал там ответ. Секретарь райкома обязан был принять посетителя с любым вопросом. Если его решение входило в компетенцию района, давалось поручение соответствующей службе, жалоба-заявление регистрировалось, устанавливался контроль за его прохождением. При необходимости оно направлялось в городские или областные инстанции. Положительный или отрицательный, но ответ заявитель получал. И чаще всего все-таки положительный. Это, правда, порождало появление штатных жалобщиков, осаждавших начальственные кабинеты с заведомо невыполнимыми или необоснованными просьбами, а то и просто с навязчивыми идеями. Но и с такими приходилось терпеливо работать, снося обвинения в черствости, непонимании.

Хозяйственники, отчаявшись найти решение в споре с руководителями различных ведомств, только в партийных комитетах могли рассчитывать на понимание, поддержку и решение вопроса. Ибо райком был надведомственной инстанцией и в силу этого являлся объективным арбитром в спорах. А объективность плюс власть и давали возможность решать вопросы, не выходя из кабинета секретаря райкома.

Фото Геннадия Бодрова

Только теперь начинаешь понимать, что партийные комитеты были все же эффективными органами управления, несмотря на свою малочисленность и все описанные выше дефекты системы. Что же было в основе этой эффективности?

Самое главное, разумеется, уважение к партийному комитету. Вернее, даже не уважение, а уверенность в неотвратимости возмездия в случае игнорирования его распоряжений. Но это не все. И когда сравниваешь совершенно неэффективную работу нынешних управленческих структур, то видишь и другие причины. Крепкая дисциплина в партии, особенно среди партийных функционеров, формировала атмосферу готовности выполнить любое указание вышестоящего партийного руководства. И дело было не в страхе, вернее не только в нем.

В семидесятые — восьмидесятые годы уже не боялись, что расстреляют или сошлют, а вот дисциплина тем не менее оставалась. Можно было показать фигу в кармане своему руководителю или в кругу друзей перемыть ему косточки, но проигнорировать распоряжение или плохо сделать дело — никогда. Причем эта дисциплина обязательно ассоциировалась с долгом. Партийные работники еще на стадии перехода в эту категорию как бы давали обет безусловного подчинения, отказа от личного комфорта во имя общественного дела. Когда в районе случалось ЧП и первый секретарь узнавал о нем поздно, это был нонсенс. Допустим, зимой прорвало теплотрассу и под угрозой оказалось теплоснабжение целого микрорайона и здоровье проживающих там людей. Первый секретарь райкома — там, организовывает дело. Разумеется, специалисты решают — что делать, как заваривать. А дело первого — стянуть туда все необходимые материальные и людские ресурсы, организовать, взбодрить людей, создать условия для работы.

Сравнивая бесплодные потуги нынешних администраторов с четко работавшим ранее управленческим механизмом, видишь главные уязвимые места, не позволяющие им эффективно работать. Прежде всего, это отсутствие убежденности, той самой жертвенности. Затем — дисциплина, подчинение многих единой управляющей воле, без чего не может состояться эффективное руководство. И последнее — нравственная ущербность, отсутствие каких-либо идеалов... Что бы ни говорили о партийных работниках, но взяток, по крайней мере у нас, в Сибири, они не брали. А нынешние чиновники?!

В заключение надо было сделать какие-нибудь выводы. Но я от них воздержусь — пусть жизнь сама покажет, что мы потеряли и что мы приобрели.

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ

«ФРАНЦУЗ»,

ИЛИ СТИХОТВОРЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА, СОЧИНЕННЫЕ ИМ ПО-ФРАНЦУЗСКИ

Если мы дорожим каждой пушкинской строкой, то нам важны и стихи, написанные А. С. Пушкиным по-французски. Обычно они сопровождаются прозаическим подстрочником. В предлагаемом эссе поэт Алексей Смирнов дает свой поэтический перевод, возрождая ту атмосферу, в которой создавались стихи подлинника.

Склонностью к преувеличениям наш век наделен не более прежних. Светопреставление ожидалось в конце каждого столетия. 00 часов 00 минут в ночь с 31 декабря на 1 января всегда казались роковыми. Но по счастью благосклонная к нам фортуна щадила своих избранных, перевоплощая замысел всеобщего разрушения в интимные акты частных творений. И ничья рука не прикасалась к ее чутким весам, сберегавшим равновесие между чашами жизни и смерти. Люди конца XVIII века едва ли отличались от своих предшественников и потомков напряженным ожиданием неизбежного прикосновения.

Но по справедливости менее других поддались общему смятению майоры в отставке. Их было не так много, чтобы они делали погоду, но и не так мало, чтобы их стойкостью можно было пренебречь. Тогдашние майоры, нелишне заметить, выходили в отставку годам к тридцати и настолько полнились еще нерастраченной супружеской силой, что, казалось, предстоявший конец света не имел к ним ни малейшего отношения. Он связывался у них с ощущением совсем иного рода. Поддайся они общей сумятице, и оно охватывало бы их разве что после десерта. Но нет! Майоры держались молодцами. Они и думать не хотели ни о каком светопреставлении, а «конец света» создавали намеренно и буквально: наглухо задергивая шторы спален. Боевой дух вчерашних командиров невольно передавался их женам. Семейные узы крепли, ряды утраивались. А десерт, как поощрительную добавку, раздобывали себе наиболее отличившиеся в деле. К числу таких людей принадлежал несомненно и отставной гвардеец Сергей Львович Пушкин.

Будучи человеком скорей суеверным, чем верующим, он убедил, однако, свою супругу Nadin в том, что слухи о светопреставлении — вздор, что пока осторожные осторожничают, отставные майоры наступают на всех направлениях, особенно на дамском, и вообще, если уж конец света где и близок, так разве что в несчастной Франции, но никак не в благословенной России, спасшей от революции принцев крови, давшей милосердный приют потоку французских беженцев. Nadin уступила притязаниям красноречивого мужа, вследствие чего любезное Отечество обрело младенца, нареченного Александром. В лето 1799 по христианскому исчислению вместо ранее предполагавшегося конца света в России родился Пушкин.

Что касается отца будущего поэта, то он достоин того, чтобы на некоторое время удержать наше внимание.

Сергей Львович отличался тонкостью и легкомыслием, крайней скупостью по отношению к домашним и умением потрафить вкусам гостей. Лафит и херес он предпочитал русской водке, устриц не равнял с гречневой кашей и как просвещенный гражданин находился в разумной оппозиции к правительству, о чем, правда, весьма пожалел, когда воцарившийся в Петербурге император Александр I стал раздавать должности своим приверженцам. Одним словом, о Сергее Львовиче можно было бы сказать: москвич с французской душой, и это определение ему бы, вероятно, польстило. Да, Пушкин-старший любил Францию вообще, французскую поэзию в частности и француженок в особенности. По последней причине гувернантка его детей мадам Лорж не задержалась в доме ни минуты после того, как Надежда Осиповна заподозрила мужа в определенных намерениях относительно мадам. Вынужденно переключив внимание на географическую карту мира, Сергей Львович вздыхал, размышляя об исторических судьбах Франции. Наполеона он ненавидел, а эмигрантам сочувствовал искренне, тем более что французскую эмиграцию в России составили особы наиблагороднейшего происхождения. Русские дворяне получили прекрасную возможность совершенствоваться во французском и нанимать своим детям самых изысканных учителей.

Москва являла собой двуязычный город: народ говорил по-русски, господа — по-французски. Солдат в Лефортове окликал кухарку: «Девка!» Дворянин на Покровском бульваре обращался к барышне: «Мадемуазель». Русская речь считалась низкой, французская — высокой. На русском ругались, на французском сочиняли любовные послания. Впрочем, в гостях и ругаться предпочитали по-французски. Там, где неучтиво было сказать: «Дурочка», вполне допустимой оказывалась «лабетка». В моду входили стихи в альбом с пасторальной рифмой «амур — бонжур» или элегической «бульвар — оревуар». Эпиграммы парижского отлива летали между Москвой и Петербургом, как пули, опережая императорскую почту. Слава стихотворца соперничала со славой полководца, но при этом каждый научившийся остро затачивать гусиное перо почитал своим гражданским долгом напечатать в «Вестнике Европы» поэму с призывом к собратьям не публиковать более ничего и заняться наконец делами, полезными Отечеству.

Между тем Сергея Львовича подобные увещевания отнюдь не касались. Он и служил (одно время) и не стремился попасть в журнал (никогда). Испытывая денежные затруднения, а также нехватку в доме некоторых непременных вещей (как-то: столовой посуды), отставной майор обретался в кригс-комиссариате — ведомстве, распоряжавшемся денежным и вещевым снабжением армии. Но для того чтобы снабдить собственную семью, подобного обретания в тогдашнюю тяжелую эпоху было недостаточно.

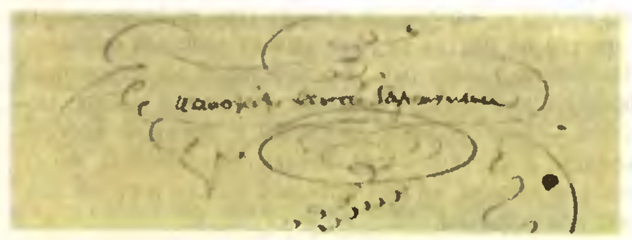
Оставив службу, не приносившую желаемого дохода, но досадно отнимавшую уйму времени, Пушкин-старший предался занятиям, более отвечавшим его художественной натуре, нежели заботы войскового снабженца. Его можно было встретить в модной лавке на Кузнецком или в книжной в Охотном ряду. Он выезжал с Надеждой Осиповной на балы. Делал долги, но выезжал. Любил сиживать в домашней библиотеке, окруженный лучшими поэтами Франции. Не раз примерял и собственное перышко к бумаге: французские стихи своего сочинения составляли предмет его тайной услады. Как понимал он тут старшего брата Василия Львовича, тоже стихотворца! Про того сказывали, что когда он сочинял, то казалось, будто грешник, дорвавшийся до запретного плода, становится небожителем. Basil наливался соком, как яблочко, глазки его косели, точно во хмелю. По части эротических фантазий братец превзошел Сергея Львовича, да и слог его достигал временами такой разнузданной отваги, что не гнушался самым крепким русским словом. Сергей Львович не был одарен столь счастливой игрой воображения, а потому и держался скромнее. В коротком стишке он мог по рассеянности спутать размеры. Вообще чувство ритма в нем оставляло желать лучшего. Там, где его сын сказал бы: «Среди измен большого света», папенька выводил своим изящным почерком: «Средь бурь, измен моднóго света», не подозревая, какого монстра «Буризмена» он произвел на свет и что самый свет из мóдного превратился у него в моднóго, ведь строгие правила стихосложения, которых Сергей Львович как бы не замечал, требовали именно такого прочтения: «Средь буризмен моднóго света». Увы, незначительность складывается из мелочей так же, как и величие. Сергей Львович мелочами пренебрегал. К слову он относился по-барски, как к лакею: сам никогда ему не служил, но постоянно желал его использовать. А слово этого не терпит. В результате Сергею Львовичу оставались лишь «потоки слез своих очей». Но для надписей в альбомы дамам сердца подобных излияний вполне хватало, а дам у отставного майора было много.

Романы составляли радость его жизни. Евангелие повелевало им лишь до тех пор, пока дремал амур. Дополнительное наслаждение доставляли стишки на случай. Сергей Львович обожал делать своим пассиям подарки «со смыслом» и каждый презент сопровождал рифмованной записочкой. Десятилетней девочке он слал букеты цветов. Семнадцатилетней девушке — пикантные размышления о преимуществах чувственной любви пред любовью платонической. Искушенной даме — породистого пса: символ собственной преданности. А матроне преклонных лет — настольную лампу. Если бы в ту пору существовало Литературное присутствие и Пушкин-старший отправлял в оном должность секретаря по стихам на случай, то, вероятно, он и был бы законодателем моды в этом своеобразном жанре, а Собрание его произведений почти сплошь состояло бы из посвящений очаровательным особам. Но «за отсутствием присутствия» секретарских вакансий не образовалось, записочки рассыпались по адресаткам и остались неведомы потомкам. Зато его остроты передавались из уст в уста. Одну из них не грех припомнить и сейчас. Господин NN славился четверкой таких дохлых кляч, что они — бедные — едва таскали хозяина в обшарпанном рыдване. Однажды на улице, завидев бредущего пешком Сергея Львовича, NN предложил ему проехаться, на что Пушкин ответил: «Не могу, братец. Слишком спешу».

Мольера он читал лучше всех в Москве, а в любительских спектаклях был просто незаменим! На сцене он жил, в жизни представлял. Эгоист изображал нежного отца; ветреник клялся в верности; скаред, зимой отказывавший сыну в гривеннике на извозчика, ради собственного удовольствия мог перед гостями раскошелиться и на шампанское. Любимой темой его рифмотворчества была простенькая — без лишних вычур — аллегория земного рая: на зеленом лугу с цветка на цветок перепархивает веселый мотылек. Изысканно галантный. Воспитанный на старинный французский манер. Зеленый луг — это жизнь; мотылек — благородный дворянин с богатым воображением; а цветки — прелестные капризницы, молоденькие девицы, во имя которых только и стоит порхать под солнцем.

Судьба даровала Сергею Львовичу милость влюбляться в двух столетиях. Император Павел на придворном балу знакомил его со своей фрейлиной. При императоре Александре он вздыхал по Анне Петровне Керн, а при Николае предлагал руку ее дочери Екатерине Ермолаевне. В 78 лет за день до смерти умолял выйти за него замуж, но Екатерине Ермолаевне нравился его сын Лев («Отказываюсь понимать! Предпочесть м н е какого-то Левку!»). Остается тайной, кому и какую посылку отправил он в день своей смерти: цветы, пикантный роман, пса или лампу, и какими стихами сопроводил последний подарок. Однако дополнинно известно, что старший брат Василий Львович, столь на него похожий, что их иногда путали, оставил сей мир лишь после того, как разбитый подагрой дополз до книжного шкафа, дрожащей рукой вытащил с полки томик песен Беранже, вернулся к дивану и раскрыл книгу... Оба брата видели в поэзии если и не источник жизни, то во всяком случае источник наслаждения жизнью.

По всей вероятности, такое отношение к поэзии передалось и малолетнему Александру Сергеевичу, когда под водительством непрерывно сменявшихся гувернеров — от графа Монфора до мадам Лорж — он научился читать и всерьез обосновался в отцовской библиотеке. Там на полках, как на параде блистая золотыми корешками, точно маршальскими эполетами, выстроились перед ним полководцы великой армии французской литературы: Расин, Мольер, Вольтер, Руссо, Вержье, Парни, Грекур... Античная классика — Гомер, Гораций, Вергилий, Еврипид — поддерживала их ряды, а русские пииты — Державин, Дмитриев, Крылов, Фонвизин — по мере сил дополняли. В таком окружении, да еще имея пред глазами постоянно каламбурившего отца; дядюшку, кстати и некстати декламировавшего свои стихи; даже камердинера Никиту, баловавшегося рифмой, трудно было не впасть в искушение. Девяти лет Александр импровизирует комедии, копируя своего любимца Мольера. Русский барчук выдумывает по-французски и тут же разыгрывает выдумки сестре Ольге — единственной зрительнице. Одна из импровизаций так буквально воспроизводит мольеровский текст, что Ольга протестует, обвиняя брата в «списыванье». И тогда Александр вместо того, чтобы встать в позу оскорбленного достоинства, сочиняет эпиграмму на самого себя. Ей суждено будет стать первой из дошедших до нас литературных проб Пушкина-младшего.

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas!c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molieré.

В чем «Похититель» виноват,
Освистан публикой партера?
Бедняга автор, сам не рад,
Похитил пьесу у Мольера.

Мечтательная эротика Парни и вольтеров сатирический скепсис довершают домашнее образование Александра, определяют его пристрастья, формируют вкусы. Спустя немного времени директор Царскосельского лицея Энгельгардт с неприязнью отметит, что всю эротическую поэзию Франции воспитанник Пушкин выучил наизусть еще в детстве, в семье. Директор действительно имел поводы для неудовольствия. Однажды на Пушкина ему попенял сам государь, живший в Царском. По существу, речь шла об анекдоте, но он слишком задел действующих лиц.

На бесцеремонность юнца пожаловалась царю княжна Варвара Михайловна Волконская — старая дева, служившая когда-то фрейлиной у императрицы Елизаветы Алексеевны. Пушкин влюбился в Наташу — горничную княжны и впотьмах, обознавшись, принял барыню за служанку. Объятия и поцелуй достались княжне. Та вознегодовала и указала царю на распущенность лицеистов. Историю замяли, но уязвленный и раздосадованный Александр, над которым, надо думать, вволю посмеялись приятели, отреагировал злым экспромтом.

Кж. В. М. ВОЛКОНСКОЙ

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ou pour une vieille guenon,
Mais pour une grâce, — oh, mon Dieu, non.

Сударыня, легко как раз
Со сводней было б спутать вас
Или с мартышкой зрелых лет,
Но с грацией, — о Боже, нет.

В доме Энгельгардта жила молодая вдова француженка Мария Смит. Пушкин сочинил в ее честь послание «К молодой вдове», прозрачно переименовав Марию в Лиду. Но именно ч е с т ь вдовы и ее усопшего супруга провоцировалась посланием. Автор откровенно призывал юную даму забыть о муже, не страшиться его «завистливой тени» и ответить на любовь своего обожателя. Энгельгардт так возмутился, как будто послание было адресовано ему. Но обиделась и Мария, к счастью, ненадолго. Тому свидетельством ее стихи, обращенные к Пушкину, в которых она с мягкостью и теплотой признает его ... стихотворное первенство. События разыгрались, видимо, на вольных вечеринках у преподавателя музыки Теппер де Фергюссона — автора духовных концертов, вдохновителя лицейского хора. Для исполнения на этих вечерах Александр предложил свои французские куплеты, написанные в ответ на куплеты Марии.

COUPLETS

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet,
....

КУПЛЕТЫ

Когда с безумием в очах
Терзает одой нас поэт,
Рассказчик вязнет в словесах,
А попугай твердит свой бред,
Когда смешного ни на грош
Из их речений не извлечь,
Зевнешь в платок, сказав: «Ну, что ж.
До новых встреч, до новых встреч».

И лишь с красавицей своей
Или в борьбе умов живой
Ты вновь доволен жизнью сей
И остаешься сам собой.
Настройте верную струну,
И если пир устанет течь,
Друзьям пропойте и вину:
«До новых встреч, до новых встреч».

Нам дан для жизни только миг,
А вместе с ним уходит все.
Как ласточки короткий крик,
Мелькнет любовь, и нет ее.
Она исчезнет меж ветвей,
Ее никак не уберечь,
А упорхнет, не скажешь ей:
«До новых встреч, до новых встреч».

Печально время, век жесток.
Мы все отправимся во тьму.
Но иногда незримый рок
По разуменью своему
Нас упасает от потерь.
Игра, ей-богу, стоит свеч.
И смерть стучит в другую дверь:
«До новых встреч, до новых встреч».

А я? Я слишком утомлен
И утомил, наверно, вас.
Пора покинуть славный склон,
Не расположен к нам Парнас.
Еще куплет стремится ввысь,
Еще в узде прямая речь,
Но ты, перо, угомонись!
До новых встреч, до новых встреч.

Ошибается тот, кто полагает, что розу легко описать французскими стихами. Когда лицеисты получили такое задание, многие из них попали впросак. И не только Федя Матюшкин, будущий адмирал флота, путешественник. Изрядно попыхтел и Алешенька Илличевский — записной лицейский поэт, и даже Антон Дельвиг, литературный талант которого могла затмить лишь его собственная легендарная лень. Лучшим был признан экспромт Пушкина. Не тогда ли товарищи присвоили Александру прозвище «француз», надолго к нему приставшее? Поначалу, может быть, и лестно было ежедневно ощущать свою принадлежность к великой нации, но отношения между Наполеоном и Россией обострились, и вряд ли Александру стало в радость его прозвище, тем более что в июне 1812 года французская армия пересекла русскую границу. Всю войну Пушкин оставался русским «французом», и вполне вероятно, что какой-нибудь насмешник взял да и воскликнул в 14-м году: «Плачь, Пушкин! Твой Париж пал». Рискую высказать мнение, что для Пушкина война между Россией и Францией была до некоторой степени гражданской войной. Он был дитя двух языков, двух культур, двух солнц, и закат любого из них не мог не потрясти его. Вместе с тем положение этих светил на пушкинском небосводе сильно разнилось. Первым солнцем всегда была Россия, главным языком — русский. И что представляют собой ранние пробы мальчика из Харитоньева переулка да десяток дошедших до нас эпиграмм и набросков, написанных им по-французски, по сравнению с великим корпусом его русских творений?! Но поскольку речь идет о П у ш к и н е, нас интересует в с е с ним связанное, а значит, и созданное на французском. Именно это обстоятельство побудило меня переложить на русский иноязычные стихи Пушкина, до того приводимые лишь в подстрочном переводе.

Между тем после удачного экспромта «на заказ» тема розы вновь мелькнула у Александра, на сей раз в стихах, написанных уже от души, а не по указанию профессора-француза. К лицеистам приезжали родственники, и все воспитанники влюблялись в сестер своих друзей. Так, двоюродная сестра Пущина Евдокия стала розой пушкинских «Стансов».

STANCES

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?
....

СТАНСЫ

Видали ль розу вы, когда,
Едва расцветшая весной,
Она является чиста,
Как образ нежности живой?

Такой же, но еще милей
Предстала Евдокия нам.
Весна соперничала с ней,
Они подобны двум цветкам.

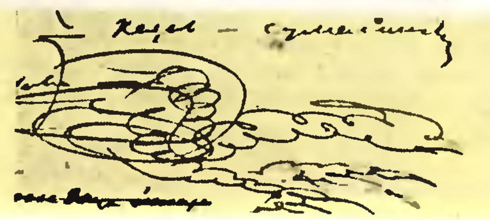
Но дети лютые зимы
Затеют скоро ветры вой,
И грянут трубы бурь,
И мы услышим их над головой.

Пора минует ясных дней,
Цветы увянут и увы!
Придется лишь грустить о ней —
Любезной дочери любви.

Спешите! Время рвется, мчась,
Глядишь — и счастья след простыл.
О, в старости ли хладный час
Дано нам ведать страсти пыл?

Такое отвлеченное, свойственное сумрачной романтике предсказание о «лютых детях зимы» — бурях жизни, наполнилось реальным смыслом после декабря 1825 года. Уже будучи замужем, сестра декабриста Пущина Евдокия Бароцци добивалась разрешения последовать за своим ссыльным братом на каторгу в Сибирь...

Ну а пока шел год 1814-й, и на одном из лицейских занятий воспитанникам предложили написать о себе. Каждый должен был изложить по-французски свой внешний и духовный портрет. Дружеские отношения между лицеистами и профессорами позволили Пушкину не чиниться и обращаться к преподавателю французской словесности со всей непринужденностью и чистосердечием, на какие только был способен пятнадцатилетний поэт.

MON PORTRAIT

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint p'après nature;
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.
....

МОЙ ПОРТРЕТ

Портрет вы попросили мой,
Чтоб верен был натуре.
Примите ж, друг мой дорогой,
Его в миниатюре.

Я здесь повеса и школяр,
Фривольный забияка,
Но только не глупец-фигляр,
Жеманник и кривляка.

Нет, не родился тот крикун,
Тот говорун Сорбонны,
Что был бы более болтун,
Чем ваш слуга покорный.

Я в долговязые не рвусь,
Мне это не по праву.
Зато я свеж, зато я рус,
Зато курчав на славу.

Всегда толпе шумливой рад,
Я не терплю разлуки.
Мне препирательства претят,
Отчасти и науки.

Но балы!.. Вот что я пою.
И если ближе к цели,
Сказал бы, что еще люблю,
Когда б ... не был в Лицее.

Предоставляю вам предлог
Узнать меня повсюду.
Каким создал меня мой Бог,
Таким я и пребуду.

В озорничаньях сущий бес,
В ужимках обезьяна.
И ветрен, ветрен — вот, как есть,
Весь Пушкин без изъяна.

Последнее желание вернуться к французским стихам возникло у Александра в 1821 году. Вернее, это было даже не желание, а короткий и резкий порыв. Он совпал со временем южной ссылки. Условия позволяли ссыланному, пребывая в основном в Кишиневе, тем не менее отлучаться, и подолгу, то в Киев, то в Одессу, то в Каменку — имение двоюродного брата Дениса Давыдова Александра Львовича. Богатый барский дом всегда был полон военными. Богатырь-хозяин (по Пушкину Фальстаф) обожал веселье, гостей, обильную снедь. Говорили, что, командуя летучим отрядом русской оккупационной армии во Франции, наш гурман нарочно норовил оккупировать самые лакомые провинции с прославленной кухней. И жена у него была, естественно, француженка, причем «весьма хорошенькая, ветреная и кокетливая» (лишь этим русский Фальстаф и отличался от своего прообраза, который, как известно, не обзавелся супругой). Полвека спустя журнал «Русская старина» сообщал о мадам Давыдовой, что «как истая француженка, она в Каменке была магнитом, привлекавшим к себе всех железных деятелей александровского времени. От главнокомандующих до корнетов — все жило и ликовало в селе Каменке, но главное — умирало у ног прелестной Аглаи». Академический комментарий к пушкинским сочинениям скромно упоминает: поэт «встречался с ней в Каменке». Есть все основания полагать, что глагол «встречаться» имел в данном случае нагой библейский смысл: такие встречи ветхозаветным героям служили для продолжения рода. В ту пору Каменка являла собой центр тайного общества «южан» — будущих декабристов. Об этом знали далеко не все туда наезжавшие. Радикальные вопросы об изменении политического строя в России, о вооруженном восстании решались под звон бокалов, гастрономические тосты Фальстафа и пряный смех его головокружительной француженки! Так начиналось русское революционное движение. По молодости лет к серьезному делу Пушкина не допускали, но стол и Аглая... Александру не исполнилось и двадцати двух, тогда как урожденной герцогине де Граммон было (да простится нам сие маленькое разоблачение) хорошо за тридцать. Один изображал безумную любовь, другая напускала на себя вид наивной невинности, якобы принимая все за чистую монету. Когда Александр остыл и, недолго думая, сменил предмет увлечения, последовала вспышка женской ревности. Он разозлился и расквитался с Аглаей Антоновной сперва по-русски, посоветовав ей оставить пыл страстей своей старшей дочери. Послание «Кокетке» сопроводила неприличная «Эпиграмма». Однако Аглаю это, по-видимому, не остановило. Чтобы покончить с ее притязаниями, Александр «добил» ее двумя французскими эпиграммами.

Вначале было сказано:

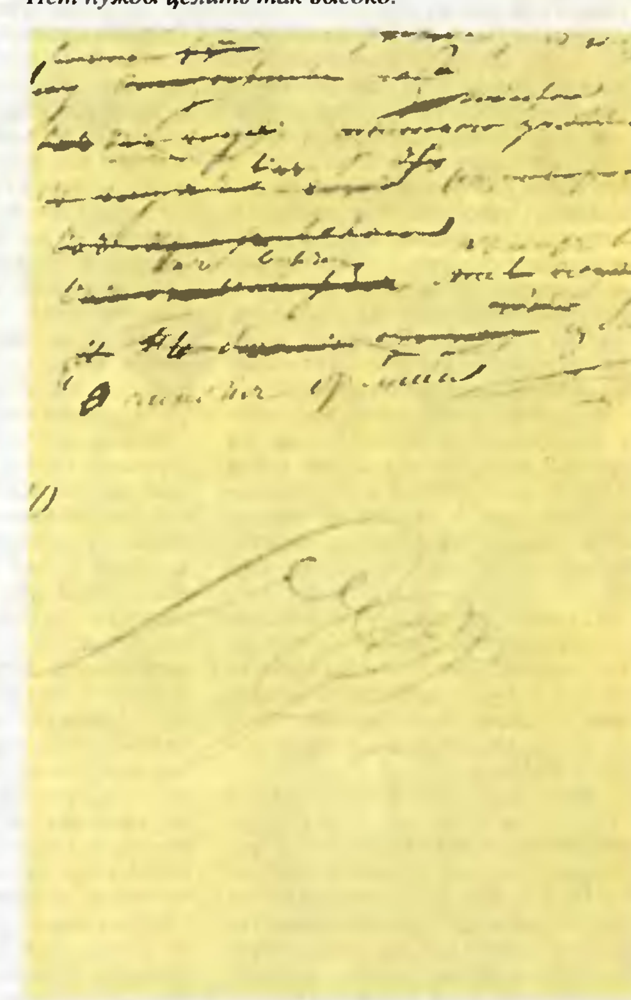
A son amant Eglé sans résistance
Avait cédé — mais lui pâle et perclus
Se démenait — enfin n'en pouvant plus
Tout essoufflé tira ... sa révérance, —
....

Аглая, не упрямясь, отдалась.
Зато любовник выбился из сил.
Он побледнел, и пот его покрыл.
Осталось пыла лишь на... реверанс.
«Месье, — ему Аглая, — всякий раз
Мой вид вас совершенно леденит.
В чем дело? Отвращенье?» — «Нет, не то».
«Чрезмерное влеченье?» — «Нет». — «Так что?» —
«Избыток уваженья мне вредит».

А напоследок прозвучало:

J'ai possédé maîtresse honnête.
Je la servais comme il lui faut,
Mais je n'ai point tourné de tête, —
Je n'ai jamais visé si haut.

Отменной даме я служил,
Как подобает, без упрека.
Но головы ей не кружил.
Нет нужды целить так высоко.

Этой вольностью практически и заканчиваются стихи Александра Пушкина, написанные по-французски. В собраниях сочинений воспроизводят еще несколько строк — черновые наброски, оборванные на полуслове. За вычетом того немногого, о чем здесь рассказано, все, что пело в душе этого человека; все, что его восхищало, мучило и томило; все, что требовало стихотворного воплощения, — он доверял только русской речи.

ПТИЧИЙ ПОЛЕТ

Фотографии Александра ДЖУСА

Птичий полет — величина постоянная в скачущем соревновании скоростей.

Едет князь новгород-северский на свидание с князем ростово-суздальским, правит в сельцо Кучково, что при впадении реки Неглинной в реку Москву. Птица летит, нагоняет и обгоняет всадников, смотрит сверху, как их дорога петляет по берегам.

Шестьдесят шесть поколений сходит прочь. Двумя чугунными мостами прыгает дорога через две реки — к тому самому берегу. Река уже в трубе; дорога — прямая, как выстрел; по ней уже газуют, шуруют, шпарят, и только при самом повороте в Кремль притормаживают разогнавшиеся князья нашего времени: президенты и генсеки, премьеры и спикеры, прибывшие или встретившие друг друга. А птица летит и смотрит сверху, как они газуют, шуруют и шпарят от аэропорта до Боровицких ворот, и скорость у птицы — та же, как восемьсот лет назад.

На десятке небоскребов, выросших в сталинской Москве, выставлены красные огни, чтобы стальная птица не наткнулась. Живая же птица продолжает жить на своей извечной высоте, вряд ли соотносясь с лайнерскими потолками, скоростями и трассами.

Птичий полет вечен, старомоден и соразмерен, как природа. Оттого он так завораживает: с птичьего полета мы тщимся разглядеть лицо, распознать в родном городе вечное сквозь нагромождаемый камень и нарастающее железо.

Первый кремлевский собор встал по указу первого Грозного царя там, где раньше было только дерево: город «срубился» без гвоздей. Дерево горело, гнило. Но и камень стоял плохо. Церкви заваливались; на старых фундаментах выраствли новые, лезли упорно вверх; колокольня Ивана Великого надстроена Годуновым аж на 12 саженей — рекорд простоял три с половиной столетия; оберегая непревзойденность Годуновского Столпа, Павел I срезал целый ярус с проекта колокольни Андроньева монастыря, — чтоб не превышали! Что же до Елоховского, то он и не претендовал превысить: сразу вписался. Не высотой вошли эти камни в историю города, а тем, что в Андроньевом укрыл работы Рублев, в Елохове же коммунистические лидеры впервые принародно взяли в руки свечки.

С птичьего полета такого не разглядишь. Птице более внятен шатер в Коломенском, не затиснутый в каменные лабиринты, овеваемый ветрами посреди зеленой земли. Этот шатер — тоже памятник Грозному царю, только не тому, первому (а номером — Третьему), а второму, внуку первого (а номером — Четвертому). Не знали строители, когда ставили колокольню в честь рождения младенца, что по грозности он превзойдет деда и что рекорды его жестокости падут разве что четыре века спустя.

Рекорды грозности растут по ходу истории. И растут, лезут в небо каменные и стальные пальцы, пики, стрелы — выше, выше. Возносятся к небу все новые эмблемы: вместо орлов — звезды, вместо крестов — веночки, а в них те же звезды. Шпиль делается символом прогресса, скорости, задранной вверх.

Помню, за Бородинским мостом достраивали первый московский небоскреб; камнем заделывали вычерченный в небе стальными балками силуэт — поражала смелость и плавность взлета линий. Я был тогда студентом; мы часто обсуждали контуры первенца, именно силуэт, стремительно взбегающий к строгому обрезу кровли. Как вдруг поверх обреза, поверх кровли строители стали громоздить еще какую-то будку со шпилем... Это было ужасно: ритм нарастающей высоты оказался сломан, шпилек выглядел маленьким, претенциозным. Мы, конечно, помалкивали: ходили слухи, что шпиль над готовым зданием велел надстроить сам Берия, и Гельфрейх, естественно, подчинился.

До сих пор режет мне память этот шпилек над МИДом. А глаз привык... Ко всему привыкаешь, со всем сродняешься. Москва хаотична, громоздка, нелогична, но и — мила в хаотичности, трогательна в громоздкости, понятна в нелогичности.

Москва — как древо с годовыми кольцами: нарастает и нарастает. И в плане — срез дерева: кольца, кольца, трещины от краев к центру.

Владимир Иваницкий (кажется) еще и так сказал: Москва — салопница, надевшая на себя семь шуб. Кутафья! Вот уж родная душа: не поймешь, где исподнее, где верхнее. И глаз не оторвешь.

Раньше как можно было открыть систему в этом безумии? Полететь птицей! С птичьего полета — и кольца видны: Садовое, Бульварное,— и логика проходов от кольца к кольцу. И генеральные направления тропок, петляющих понизу без всякого видимого смысла, но, по наблюдению Ключевского, единственно приводящих путника к цели.

Теперь, кажется, и птица не схватит направления. Редкая птица долетит до середины Москвы... а долетит — не узнает. Что-то «питерское» видится сверху в родимом хаосе, что-то даже космополитическое. Каменные всплески кремлевских соборов отчеркнуты ровными линиями дворцов. А эта рейсшинная прямизна околокремлевского автобана, из-под которого робко смотрит подавленная вода! Куда врезается эта стремительная дорога — там же Пашков дом! Вон он, маленький, теплый, еле видный в лесах.

А грозный, державный, осененный гербом рухнувшей Империи гранитный колосс МИДа, с привычным уже шпильком над обрезом — он не столько взбегает от арбатских волнистых крыш, сколько давит их, рифмуясь с двумя такими же грандиозными кирпичинами гостиницы «Белград», этими отечественными «близнецами», похожими на «близнецов» Нью-Йорка. Только наши все-таки поменьше, все-таки подурнее (в смысле страиности этих граненых столпов посреди московского межтропья) и потому — роднее.

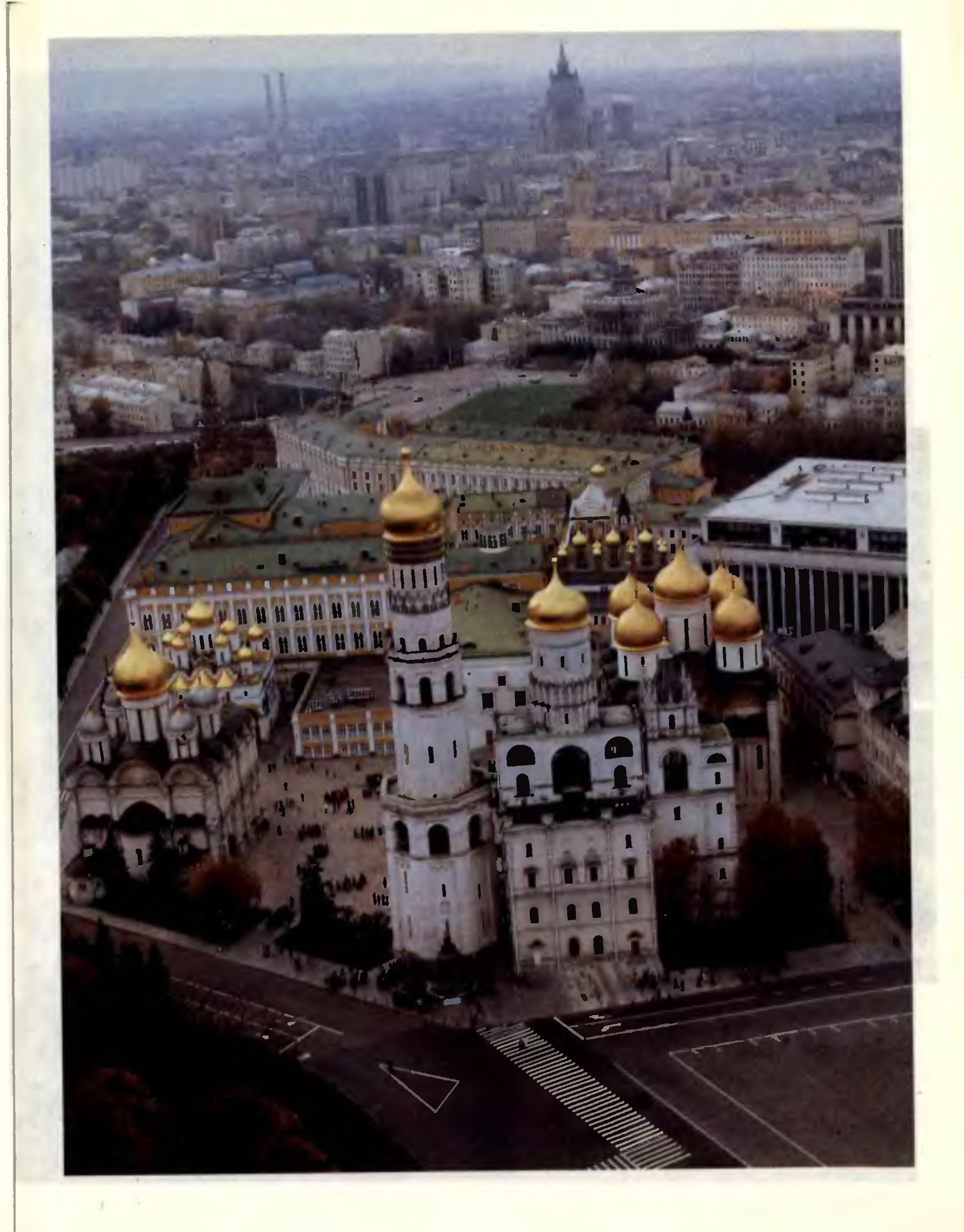
Что такое Москва? Сорок сороков соборов, утопленных в позднейшей гигантомании. Шестьдесят шесть поколений, уплотненных в непрерывном набегании гостей, иммигрантов, лимитчиков, завоевателей, спасителей. Мафия, зарывшаяся в бывшие чекистские подвалы. Девять миллионов душ, топчущих и выручающих, ненавидящих и прощающих друг друга. И миллионы птиц над ними.

С птичьего полета не видно Москвы подпольной, подспудной, подземной. Птица — сверху.

Кто в небе место ей укажет, примолвя: там остановись?

Объяснить Москву невозможно. Можно полюбить.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

НЕЯ ЗОРКАЯ

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН, ПОКОРИВШИЙ ПАРИЖ

В штормовую ночь на 3 февраля 1920 года от ялтинского мола поспешно отчалило греческое грузовое судно «Пантера». Курс был на Константинополь, отъезд походил на бегство. «Уехала за границу почти вся кинематографическая фабрика Ермольева: Мозжухин, Протазанов, Лошаков, управляющий Попов, Вермель и др.»[1], — скупо, не без скрытой скорби сообщала назавтра местная газета. К эмиграции уже привыкли, исход продолжался более года. Кровавые и трагические страницы вписала гражданская война в историю благословенной Ялты, этой «жемчужины Крыма», города, овеянного именем Чехова: непрестанные переходы власти из рук в руки, жестокие расправы красных над белыми, белых над красными, оставшиеся страшным воспоминанием бесчинства на молу — с тяжелыми камнями людей сбрасывали в воду, мертвецов встречали потом водолазы на дне морском[2]... Крымские порты Севастополь, Феодосия, Ялта стали последними берегами Родины для многих и многих русских людей, для выдающихся деятелей культуры — цвета нации; урон окажется невосполнимым. Черной февральской ночью пароход увез красу и гордость русской кинематографии, верхушку творческого коллектива «Товарищества И. Н. Ермольева», самого процветающего киноателье предреволюционных лет.

Покинул Россию и Иван Ильич Мозжухин — общепризнанный «король экрана», кумир публики, в свои 30 лет достигший пика славы и успевший за чуть более чем десятилетнюю карьеру в кино сняться во множестве фильмов, в том числе знаменитых именно его, Мозжухина, игрой.

В его творчестве, в увлекательной и драматичной его биографии, в складе натуры, в характере, в образе жизни причудливо и конфликтно соединилось многое. «Век нынешний и век минувший», древнейшее искусство сцены и новорожденное зрелище экрана, классика и модерн, самоотверженное служение профессии и бесшабашность, трудолюбие и богема. Таким предстает Иван Мозжухин в своих экранных ликах, а сыграл он около ста ролей, которые (почти все!), к счастью, сохранились в Госфильмофонде СССР. Таким видится он и своим друзьям, коллегам, современникам, запечатлевшим обаятельный облик Ивана Ильича, или «Ванечки», как любовно называли его близкие до самой смерти. И в биографических документах его богатого архива тоже узнается оригинальный, обаятельный, неповторимый образ человека исконно русского, точнее — истинного «русского европейца», пензяка по происхождению, крестьянина из русского черноземья, покорившего Париж.

...В Пензенском музее сценического искусства есть уголок Мозжухиных. На стенде церковное свидетельство Саратовской консистории о рождении и крещении в 1878 году первенца — сына Александра. Родители: «Вольноотпущенный г-на Бахметьева, имеющий постоянное место жительства в селе Киселевка Илья Иоаннов Мозжухин и законная жена его Рахиль Иоанновна, оба православные». Вот что сообщила нам Р. Н. Иванова, директор мозжухинского музея в Кондоле:

«Село Кондоль возникло в 1721 году. Основано оно было бригадиром А. Г. Киселевым и было владением господ Киселевых в течение всей первой половины XVIII века... В 1799 г. с. Кондоль становится административным центром Кондольской волости, входившей до 1928 года в состав Петровского уезда Саратовской губернии. Князь Оболенский Н. А. и его потомки владели землями и крестьянами сел Сергиевки и Колышлейки. Долгое время имением Оболенских в с. Киселевке (с 1778 г. — Сергиевка), начиная с конца XIX века до Октябрьской революции, управлял Мозжухин Илья Иванович, сын крестьянина-вольноотпущенника родом из Пензы, который сам превратился в помещика»[3]

Кондоль, Киселевка, Сергиевка — это, по сути дела, разные названия благословенных плодородных мест в пензенской глухомани — 60 верст по тракту до губернской, процветающей и живой, Пензы. Бахметьевы, Киселевы, Оболенские — знатные и богатые дворянские семейства, владельцы черноземных земель и вековых усадеб, разбросанных здесь густо и щедро.

Семья Мозжухиных — старожилы пензенских раздолий, укорененные, солидные. Фамилия происходит от слова «мозжуха» — вид можжевельника (по Далю). Сохранились фотографии[4]. Вот Илья Иванович на фото 1912 года — красивое лицо с правильными и благородными чертами, пышные седые волосы и борода, добротный камзол. На фотографии подпись: «На память дорогому Ване от папы». Иван Ильич — в отца.

Илья Иванович женился на девице Рахили Ласточкиной, сестре священника Анисифора Ивანови-

ча Ласточкина, который служил в Киселевской церкви, построенной также И. И. Мозжухиным. Кроткая, добрая, с милым нежным лицом и пышными белокурыми волосами (в нее пошел сын Александр), Рахиль Ивановна рано умерла, похоронена здесь же на погосте. Спустя годы родное село посетит Александр Ильич Мозжухин, уже всеевропейски знаменитый певец, и посвятит памяти матери трогательное стихотворение, также хранящееся в Кондоле:

За церковною оградой
Бугорок еще там цел...

На краю Сергиевки у Мозжухиных было два дома, кирпичный и деревянный. Один из них стоит и сейчас, а в саду жива черемуха, о которой вспоминал в одном из французских писем Иван Ильич. Старики кондольчане хорошо помнят и самих хозяев, рассказы о Мозжухиных[5] передавались следующим поколениям. Нет, не похожи эти воспоминания на жалобы и проклятья «кулаку-мироеду», они совсем иные! Вспоминают, каким добрым и справедливым был Илья Иванович, как честно расплачивался с отработавшими на его полях и бахчах, тут же на крыльце, в конце дня, как прощал бедным долги, как позволял взять, если у крестьянина пала скотина, овцу из своего собственного стада. Настоящий хозяин, рачительный, неусыпно следящий за каждым колоском, на ногах от зари до зари, наживший свое немалое богатство трудовыми руками и ясной головой — сколько таких было на Руси! Но главной ценностью своей считал Илья Иванович сыновей, и было чем гордиться!

Их четверо, все красавцы, все сельчане, крестьянские дети — окончили Пензенскую гимназию и продолжали учиться дальше. Александр обладал басом редкого тембра и силы (в Кондоле вспоминают, что когда он в церкви читал «Апостола», стекла дрожали)[6], с успехом окончил Саратовскую консерваторию и с 1911 года пел в Санкт-Петербурге, в Музыкальной драме (новаторском театре, увлекавшемся поисками реализма на оперной сцене), был и тонким, артистичным камерным певцом.

Отец — Илья Иванович

Мать — Евдокия Ивановна

Константин Ильич решил стать моряком, окончил в Астрахани училище, выпустившее его капитаном речного флота.

Алексей Ильич предпочел остаться в селе, изучал сельское хозяйство.

Иван Ильич, Ванюша, любимец отца, был младшим. На здании второй Пензенской мужской гимназии (по Лекарской, ныне ул. Володарского) сейчас установлена мемориальная доска: «Здесь с 1899 года учился Иван Мозжухин». Жил он в Пензе у крестного, служившего в управе, но любил удрать под матушкино крыло в Кондоль, там отсыпался и отъедался. Он всегда называл себя «крестьянином», в его паспорте, выданном 1 марта 1917 года, в графе «звание» так и стояло «крестьянин». В парижских и голливудских своих интервью на вопросы о происхождении, о родителях всегда не без гордости говорил, что он сын земледельцев, собственников, работников на полях.

Если же нам сегодня попытаться дать социальную и психологическую характеристику семейства Мозжухиных, то, наверное, придется ввести понятие «сельской элиты», «культурного слоя» русской деревни. Там реализовалась национальная разносторонняя одаренность, там всходили семена Добра и Красоты, вовсе не враждовавшие с грубым, жестким, сугубо «материальным» делом землепашца или пахаря. Зерна артистизма и таланта щедро брошены были Господом и сюда, в житницу России. Илья Иванович Мозжухин хорошо играл на скрипке, вспоминают кондольчане. Почему? Как? Кто его обучил? Не знаем. Но можно предполагать, что еще в крепостные времена его предки, люди господ Бахметьевых, сплетенных с семейством Лермонтовых-Арсеньевых, блистали на сцене, играли в оркестрах, участвовали в постановках классицистических трагедий. Наверное, отсюда, от наследственности, и музыкальный талант Александра, и ранняя, юношески горячая влюбленность в театр младшего сына Ивана.

Мозжухин говорил, что играть на сцене он начал «в гимназической куртке», и это не только метафора, но и факт. Рубеж веков, начало нашего века в России — век Театра, пора повсеместного любительства, когда после отмены театральной монополии (1882) самые разнообразные, большие и малые антрепризы, труппы, товарищества плодились как грибы. В одну из таких кочевых трупп, возглавляемую неким Петром Заречным, и поступил юный Иван Мозжухин, сбежав из дома — в буквальном смысле слова.

Родители мечтали, чтобы Иван, смышленый, неплохо успевавший в гимназии при всей своей отчаянной страсти к театральным любительским кружкам, пошел по юридической линии и стал адвокатом. С тем и послали его в Московский университет. Но первокурсник так отчаянно скучал на лекциях, так нетерпеливо ожидал вечера, чтобы бежать на галерку Московского Художественного, Малого, Большого (всех соблазнов русской театральной Мекки — Москвы — и не перечислишь!), что на каникулы в Кондоль явился не только отчаянно отощавшим, но и с глубоко запрятанным на груди контрактом с театральной антрепризой Заречного. В то лето 1907 года труппа играла в городке Черкассы Киевской губернии, туда-то, отдохнув и во всем признавшись Илье Ивановичу, и направился беглец.

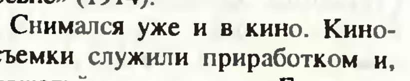
Родители умоляли, отец в отчаянии предрек непокорному сыну позднее раскаяние, нищету и гибель, но Иван был неумолим. Страсть к сцене пересилила привязанность к отчему дому и родным.

Семья Мозжухина в Черкассах среди театральных актеров. 1910 г.

С сыном Александром.

В Москве же Иван Мозжухин поступил во Введенский народный дом, маленький, но постоянный и надежный театр близ Елоховского собора (здание существует и сейчас. — *Н. З.*). Среди демократических культурных заведений такого ранга, предшественников будущих клубов и дворцов культуры, Введенский народный дом, руководимый режиссером Н. Ф. Аксагарским, пользовался хорошей репутацией: репертуар был ориентирован на классику и современные пьесы высокого качества. Юный Мозжухин отличался добросовестностью, скромностью — никаких претензий на премьерство! Играл преимущественно роли своих ровесников: Петю Трофимова в «Вишневом саде» (1911), Незнамова в «Без вины виноватых» (1912), студента Беляева в «Месяце в деревне» (1914).

Снимался уже и в кино. Киносъемки служили приработком и, пожалуй, развлечением. Есть много свидетельств, что уже с 1909 года Мозжухин снимался часто, получая рубль в день.

Было ли то кино искусством?

Как известно, «Синематограф-Люмиер» пришел в Россию через несколько месяцев после первых киносеансов в Париже (конец декабря 1895 года) — в Санкт-Петербурге и в Москве уже в мае 1896-го состоялись «премьеры» нового зрелища. И хотя вспыхнувшая страстная любовь к нему публики вызвала к жизни тотальную кинофикацию бескрайней России, собственное русское производство началось только в 1908 году, первое же десятилетие как в сфере производства, так и в прокате целиком оставалось под засильем иностранных, более всего французских, фирм («Братья Пате», «Гомон», «Эклер» и др.). Отстав на первых порах от европейских стран (американские фильмы получат популярность в России позже), отечественное производство брало реванш, двигаясь вперед буквально семимильными шагами: за 1908—1918 годы совершен был поистине прорыв, рекордный прыжок. Выдвинулась целая когорта предпринимателей, среди которых были люди одаренные, с широким размахом и хозяйственной сметкой, выросли и свои, отечественные сценаристы, режиссеры-постановщики, художники, операторы, кинокритики и кинотеоретики. «Инфраструктура», как это модно теперь говорить, русского ки-

нематографа уже полностью сложилась.

Если вначале киноленты имели длину от 150 до 300 метров, что равнялось лишь нескольким минутам демонстрации, то вскоре объем фильмов стал достигать 1000 метров, приближаясь к часовой — полуторачасовой проекции. Фонд русских дореволюционных игровых картин (из которых сегодня в наших архивах сохранилось лишь 300 с небольшим) дополняется гигантским фондом хроники, видовых лент, научно-просветительных, мультипликации — эта долгая, многотысячеметровая кинолента есть своего рода автопортрет эпохи, исторический документ, неопровержимый в своей наглядности и еще, к сожалению, мало освоенный историками.

Биография и творчество Ивана Ильича Мозжухина могут служить отражением и выражением раннего русского кино в его лучших свойствах и особенностях, в его творческих исканиях, в самой его трагической судьбе. Силу и слабости, достижения и поэзию русского кино словно бы аккумулировала в себе эта артистическая личность. Становление Ивана Мозжухина-киноактера и есть становление, мужание искусства немого экрана.

А. А. Ханжонков, по сути введший артиста в мир кино, рассказывает:

«В течение нескольких лет, с 1909 года, Мозжухин настойчиво изучал все тайны киносъемки, медленно, начиная с маленьких выходных ролей, завоевывая себе все больший и больший успех. В 1915 году уже каждая картина с участием Мозжухина являлась украшением программы. Он сам к этому времени был опытным и блестящим киноартистом»[7].

Это поражает: от статиста — к «королю экрана».

Как известно, в кинорепертуаре 1910-х годов преобладала так называемая «психологическая драма», или, попросту говоря, мелодрама с ее резким делением героев на положительных и злодеев, с перипетиями и сломами судеб, виной и расплатой и т. д. Силой своего таланта и темперамента Мозжухин часто поднимал мелодраму до уровня трагедии, всякий раз отыскивая даже в сюжетах искусственных истину страстей. Его артистический диапазон был удивительно широк, в особенности для той ранней поры кино, когда премьеры и любимцы публики — «короли» и «звезды полотняного неба» — стремились к узнаваемости, старались в новой роли закрепить прошлый успех. Мозжухин же увлекался как раз обратным — неузнаваемостью, казалось бы, столь невыгодной для его славы. Страдальцы, одержимые роком, наподобие пастора в «Сатане ликующем» или поэта в «Нищей», соседствуют с персонажами веселой комедии («Дядюшкина квартира»). Клинически точное, натуралистическое воспроизведение распада личности в научно-просветительной ленте о вреде алкоголя соседствует с резко характерными, гротескными образами колдуна из «Страшной мести» Гоголя и даже черта из его же «Ночи перед Рождеством» — обросшего черной шерстью, с зубами-клыками. Мозжухин был мастер грима, обладал так и не разгаданными секретами полного физиономического преображения (это впоследствии поразит и европейских зрителей в мозжухинских картинах «Костер пылающий» или «Дом тайн»).

Но, наверное, главной заслугой артиста было приобщение кинематографа к русской классической литературе. Пушкинские творения: гусар-Мавруша в «Домике в Коломне» (1913), Германн в «Пиковой даме» (1916), роли в фильмах «Руслан и Людмила», «Братья-разбойники», Райский в «Обрыве» по Гончарову, купчики и приказчики из пьес А. Н. Островского, наконец, Николай Ставрогин из одноименной экранизации «Бесов» Достоевского, осуществленной Я. А. Протазановым в 1916 году, — вот далеко не полный перечень фигур и лиц, перенесенных Мозжухиным на экран из русской литературной сокровищницы.

Особое место в творчестве актера заняли персонажи Л. Н. Толстого.

Ранние — Анатоль Курагин в «Наташе Ростовой» («Война и мир»), Трухачевский из «Крейцеровой сонаты» — оставили Мозжухина неудовлетворенным — слишком беглым и иллюстративным было кинопереложение. Следовало искать специфические средства экрана, способные реализовать если не адекватную (что невыполнимо!), то достойную версию. Таковой стала постановка «Отца Сергия» Л. Н. Толстого. Фильм, снятый Протазановым на фирме Иосифа Ермольева с Мозжухиным в заглавной роли, был выпущен на экраны в 1918 году и стал заметным событием не только в мире кино.

Тем временем в жизни России происходили поистине эпохальные изменения, чего, впрочем, еще не вполне понимали современники.

В 1914 году начался «настоящий двадцатый век». Последовавшие события были стремительны, как смерч. Русский частновладельческий кинематограф поначалу не только не пострадал от войны, но расцвел благодаря резкому сокращению импорта иностранных лент. Но ощущение смертельной тревоги висело в воздухе. Все кипело, бурлило и в кинопромышленности. Миллионные состояния, наживаемые дельцами, не давали покоя чиновникам, возникали проекты монополизации, например вызвавшая бурю в обществе брошюра-декларация В. Дементьева «Кинематограф как правительственная регалия» — фактически это был абрис будущего государственного кинематографа СССР. Да и ленинский декрет о национализации был скорее не началом, а завершением некоего процесса, завязавшегося еще в годы войны. Скрытые трещины в экономике расширялись, обнажались, поднимала голову общественность кинофабрик, началось социальное размежевание, рождались разнообразные союзы — творческие, производственные, профессиональные. Патриархальный склад раннего русского кинематографа, главой которого был Александр Ханжонков и его процветающее товарищество, сменялся неким иным режимом, где лидировали более молодые и оперативные фирмы.

Иван Мозжухин не был человеком политических страстей. Его психологический тип уже в московские годы целиком и полностью укладывался в представление о человеке искусства, богемы, если снять с этого слова негативный оттенок. Поглощенный творческими делами, несомый, как щепка, бурным потоком событий — таким видится он на переломе эпох.

Патриотический порыв августовских дней 1914-го делает из Ивана Мозжухина вольноопределяющегося — бойкие фотографы немедленно выпускают серию открыток артиста — любимца публики — в военной форме. Но угар быстро проходит: Мозжухин возвращается в театр и в кинопавильон. Подвело и здоровье — то самое, о котором так пеклись родители, любящие своего Ванюшу. В феврале 1917 года Ивану Мозжухину дали освобождение от воинской повинности, и его приходилось возобновлять; последнюю отсрочку призыва выдали ему уже в Ялте до 1 марта 1920-го, накануне прощания с Родиной[8]. Так или иначе, ни общественного деятеля, ни воина из артиста не получилось, и еще более страстно — как наркотику — предается Мозжухин киносъемкам. В 1917 году он оставляет Московский драматический театр, с которым еще недавно заключил длительный контракт. Еще раньше покидает киноателье А. А. Ханжонкова и переходит в труппу И. Н. Ермольева.

Причина ухода — не ссора и не щедрые гонорары, которые платил своим артистам и режиссерам яркий предприниматель, великолепный организатор Ермольев. Скорее всего, здесь преобладают интересы и соображения художественного порядка: предложенные Мозжухину «звездные» роли, работа с Я. А. Протазановым, «актерским режиссером», то есть постановщиком, для которого главным объектом в кадре служит артист, испол-

нитель. У Ермольева снят первый классический «триптих» Ивана Мозжухина: «Пиковая дама» — «Николай Ставрогин» — «Отец Сергий» (о «Ставрогине», уже французском фильме, речь пойдет ниже). Роль князя Степана Касатского в «Отце Сергии» по справедливости признана наивысшим успехом актера.

Премьера вызвала фурор. Революция (съемки шли в Москве после февраля 1917-го) отменила цензурные запреты с показа на экране особ царствующего дома и священства. Обличительный пафос повести Л. Н. Толстого получил особо актуальное звучание: растление царского двора и фальшь официальной церкви. Упоительные дни успеха! Но... Ермольев спешит свернуть свое отлично налаженное производство в Москве. В газете «Ялтинский голос» от 6 августа (24 июля) 1918 года появляется реклама: «Кинематографическое ателье Т-ва И. Н. Ермольева по адресу Ялта, Николаевская 7 приглашает жителей города на съемки». Куплен и спешно обстроен прекрасный участок земли близ моря, по дороге на Ливадию.

Еще раньше ателье-фабрику, кинотеатр на набережной в Ялте выстроил А. А. Ханжонков, мечтавший создать здесь «Ялтинский Голливуд»: Ялта вправду могла стать кинематографической обетованной землей благодаря своему климату, уникальным красотам природы, морю. К Ханжонкову присоединились Ермольев и поднимающий голову глава фирмы «Русь» Трофимов. Мечте не суждено было осуществиться ни тогда, ни в 1930-х, когда в «генеральном плане» развития города Ялты архитектора Гинзбурга вновь забрезжил уже «советский Голливуд» — идея коммунистического кинoруководителя Шумяцкого.

Разумеется, не только прекраснодушные мечтания предпринимателей о море и солнце как декорации для кинолент гнали фирмы на юг. В Москве — столице кинопроизводства — зима 1918/19 годов выдалась страшной, холодной, голодной. Ни Ялта, ни Одесса (где еще один киноделец из новых — Харитонов — выстроил стеклянный кинопавильон на фешенебельном Французском бульваре) счастья русскому кино не принесли. Нависали грозные тучи, пошли знамения. Летом 1917 года в результате нелепой случайности в Ялте умер лучший русский режиссер, опора дома Ханжонкова Евгений Бауэр (именно он первым раскрыл трагедийное дарование Мозжухина, снимая с ним фильм «Жизнь в смерти» (1914). В феврале 1919-го Одесса схоронила «королеву экрана», 26-летнюю красавицу Веру Холодную: подорванный невзгодами организм не смог побороть грипп-испанку. Смерть косила людей кино. К Мозжухину судьба была еще благосклонна.

Счет, однако, шел тогда не на «периоды», не на годы — на месяцы, на дни! Апогей актерской славы — он же кризис всего русского кино, подъем — он же крах, ибо катастрофа свершилась.

Печальные новости шли из Пензы. Город был окружен процветающими дворянскими усадьбами, очагами богатства и культуры; тучные стада и щедрые поля крестьян-«кулаков» быстро оказались на подозрении у советской власти. Как известно, именно в Пензу в 1918 году Ленин отправил телеграмму губкому о перемещении сомнительных элементов в концентрационные лагеря вне города. Естественно, что первым, чье богатство было реквизировано в Кондоле, оказался Илья Иванович Мозжухин, отец. Правда, памятуя о немалом добре, которое делали он и покойная жена его односельчанам, его не расстреляли, не надругались над стариком. Но крепкая, справная, могучая семья Мозжухиных, поистине цвет русского народа, была растоптана, безжалостно загублена, как миллионы иных по всей Руси великой. Впереди были лишь бедствия.

Ялта — последняя съемочная площадка Ивана Ильича на Родине. Город переживает дни жестоких расправ, каждая новая власть начинает с расстрелов на месте. Уже началась потихоньку-полегоньку и национализация дворцов, имений, вилл, а также и киноимущества ханжонковской фирмы. Но, перелистывая ялтинскую прессу, обнаруживаешь, что крымчане и в этих условиях тянутся к искусству: почти каждый вечер в Городском театре, в зале благородного собрания, в клубах — концерты Ивана Мозжухина, декламация, водевили, скетчи, которые он играет вместе с Натальей Лисенко[9]. И все же отъезд неизбежен, Мозжухин не может идти против товарищей, да и Европа манит!

Манит не зря. По меньшей мере пятнадцать лет самой яркой славы ожидают «великого русского артиста», как до смерти будут называть Ивана Мозжухина. Да, работая в Париже, Берлине, Голливуде, снова в Берлине, снова в Париже, Мозжухин остается русским во всем.

И даже в том, что его лучшими, общепризнанно классическими творениями были те, в которых артист перевоплощался в героев иной национальности, и прежде всего составившие его второй (после российского) звездный триптих (1923—1925): «Костер пылающий», «Кин» и «Покойный Матиас Паскаль». В первом он играл француза, сам выступал также сценаристом и постановщиком — всю свою горячую влюбленность в прекрасный город Париж сумел Мозжухин воплотить в этом оригинальном, истинно «авторском» фильме-фантазии. Во втором Мозжухину предназначено было воскресить образ знаменитого английского актера XIX века Эдмунда Кина — романтического властителя дум и кумира толпы. В третьем (по сценарию Луиджи Пиранделло) его персонажем оказывался маленький итальянский провинциал, коему выпало на долю прожить две жизни в результате фальшивого известия о его смерти. Мозжухин остался в истории кино также и исполнителем роли блестящего аристократа и авантюриста Казановы; эту роль артист сыграл дважды — в 1926-м и в 1934-м.

Здесь сказывалось то особое свойство русского художественного гения, которое Достоевский называл «всемирной отзывчивостью», видя идеальное воплощение этого в Пушкине. Русский умеет не только понять, но и стать англичанином, французом, итальянцем, «влезая в его шкуру».

И все же Иван Мозжухин, несомненно, оставался русским артистом и русским человеком во всех своих проявлениях, чертах характера и нраве: беспредельная широта натуры, неуемная щедрость, лихость, бескорыстие и... увы! крайнее легкомыслие. К деньгам он относился с полным презрением: терял их, швырял, капитала не нажил.

А подкрадывалась старость. Здоровье, на которое Иван Ильич внимания не обращал, сдавало. А главное: в кино пришел звук — враг «Великого Немого».

«Великий русский артист Иван Мозжухин собирается снимать говорящий французский фильм» — под этим броским заголовком газета «Пари-Суар» 22 марта 1936 года поместила большое интервью с «незабываемым Кином», с «блистательным Казановой», как продолжали все еще именовать актера, уже уходящего в тень забвения. Интервью взял некий Марсель Лапьер, специально посетивший Ивана Ильича в одном из его последних приютов в фешенебельном квартале Пасси, где смелые конструкции современной архитектуры причудливо сочетаются со старинными домами бывшей деревни и мрачным фасадом музея Бальзака.

Беседа начинается с воспоминания: первые триумфы в Париже 1920, эра немого кино, оригинальный «Костер пылающий» — авторское творение Мозжухина, русские во французском кино. Грустно. Спутница Мозжухина Наталья Лисенко, которая в течение пятнадцати лет была звездой экрана, сейчас лишь фигурантка. Звук в кино произвел революцию, и многие не сумели освоить новые законы. Однако, несмотря на неудачи и разочарования, Мозжухин горячо увлечен снова: он готовится к постановке звукового фильма.

— Мой сюжет, — говорит он, — объединит двух великих русских писателей. Он складывается из поэмы «Цыганы» Пушкина и повести «Отец Сергий» Толстого. Мне необходимо было придумать прошлое персонажу, воспетому Пушкиным. Это прошлое я нашел у Толстого. Поверьте, речь не идет о страшной компиляции столь различных тем, это не будет смесь. Нет. Оба творения представляют нам единый характер, и герой Толстого прекрасно объясняет того, кто у Пушкина.

...Фильм будет называться «Алеко». В первой части будет показан Санкт-Петербург эпохи Александра I. Здесь будет катастрофа на Неве, которая должна произвести впечатление. Вторая часть перенесет нас к цыганам, возможно, что они будут кочевать по Венгрии. Я хочу снять фильм красивый, живописный. Поскольку это сюжет русский, я хотел бы погрузить действие в специфически славянскую атмосферу, но чтобы это трогало и интернационального зрителя.

— Кто же исполнители?

— Еще не знаю...

Вспомнив снова старые картины Мозжухина, где он блистал в трагических ролях, интервьюер решился задать вопрос несколько бестактный:

— Не думаете ли вы, что было бы грустно, если бы вы посвятили себя целиком режиссуре?

— Я прежде всего актер, и самое большое мое желание еще играть. Сейчас это нелегко, но...

И он стал искать толстую синюю тетрадь:

— У меня есть другой сценарий, над которым я с любовью работаю уже много лет. Это мое дитя. Здесь есть роль для меня.

Мозжухин мне объяснил, что это сюжет очень современный, человечный, простой, драма трех персонажей.

— Но я прошу вас держать это в секрете, — прибавил артист[10]

В архиве сохранилась рукопись нескольких вариантов сценария «Алеко», писавшегося Мозжухиным совместно с С. Рафаловичем. Ни сценария из синей тетради, ни самой этой тетради пока обнаружить не удалось. Но весть о ней вновь явилась на страницы французской газеты, на сей раз «Бордо-Сине» от 10 февраля 1939 года. Новая корреспонденция того же Марселя Лапьера так и называлась «Синяя тетрадь Ивана Мозжухина». Снова был пересказан тот трехлетней давности разговор в тихом Пасси. Самого артиста, скончавшегося 17 января в парижской клинике Нейи от скоротечной чахотки, уже похоронили. С искренним чувством автор корреспонденции закончивал ее такими словами:

«Художник унес с собой свою мечту и, возможно, самый прекрасный свой фильм»[11].

Прах Ивана Ильича Мозжухина покоится на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа, рядом с Буниным, Тарковским, В. Некрасовым, а фильмы его идут и идут по экранам мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Ялтинский курьер» № 142 от 4(17) февраля 1920. Протазанов Я. А. (1881—1945) — выдающийся русский кинорежиссер (в 1923-м вернулся в Россию, активно работал в советском кино); Лошаков А. В. — кинооператор, постоянно работавший в 1910 году с Протазановым (фильм «Отец Сергий» и др.).

2. См. Набоков В. В. Другие берега; трагические дни Ялты объективно и тщательно воспроизведены В. А. Оболенским в его мемуарах «Моя жизнь. Мои современники». YMKA-Пресс. Париж, 1988.

3. Письмо Р. Н. Ивановой от 3 июля 1992. Личный архив автора.

4. Здесь и далее без специальных сносок даются материалы Кондольского музея и архивного фонда И. И. Мозжухина в РГАЛИ: Ф. 2632. Оп. I.

5. Воспоминания П. А. Карпухина, А. И. Стрельцовой, П. И. Митина и других, предоставленные Р. Н. Ивановой и записанные автором в Кондоле в сентябре 1990 года.

6. Речь идет о чтении «Деяний» в вечер Страстной субботы (перед Полуночницей), в котором принимали участие миряне, обладавшие хорошими голосами.

7. Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. Л. — М., 1937.

8. Вся документация воинских справок тщательно хранилась Мозжухиным и имеется в его личном фонде № 2632 в РГАЛИ.

9. См.: «Ялтинский голос», 1919, 19 февраля: «...Концерт в пользу Народного университета в Гор. театре. Среди участников: И. И. Мозжухин».

10. Paris-Soir, 22.III. 1936.

11. Bordeaux-cine, 10.II.1939.

АЛЕКСАНДР МЫЛЬНИКОВ,
доктор исторических наук

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Все предвещало ему блестящее будущее. Внук Петра Великого, племянник Карла XII, он был потенциальным наследником сразу двух престолов — России и Швеции, а также правящим герцогом в Киле. Но фортуна вскоре отвернулась от него. Ранняя смерть родителей, фактическое похищение из родного дома, затворническая жизнь в Петербурге, затем 186 дней царствования и насильственная смерть — таков жизненный путь Петра III. Но злой рок продолжал преследовать его и после смерти. В памяти потомков он оставался и остается глупым, ничтожным солдафоном, заслужившим ужасную смерть своими же действиями. Давайте разберемся, так ли это.

ПЕТРЪ III ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ВО ВЛАСТИ СТЕРЕОТИПОВ

«Этот монарх еще до воцарения успел прославиться своими шутовскими выходками, грубыми попойками, полной неспособностью заниматься государственными делами и, что особенно оскорбительно для подданных, пренебрежением ко всему русскому. Император приказал переодеть гвардию в новую форму по образцу прусской, а православным священникам велел обрить бороду и носить немецкое платье, наподобие протестантских пасторов. Будущее этого царствования было предопределено. Спустя 5 месяцев после воцарения Петра III против него был составлен заговор».

Данные строки написаны современным историком и как нельзя лучше синтезируют сложившееся отношение к этому императору. Справедливости ради хотим заметить, что не все относились к Петру III столь негативно. Например, высоко оценивал его крупнейший русский историк XVIII века Татищев, уважал Ломоносов. Много интересных сведений оставил о нем его воспитатель академик Штелин. А Державин назвал уничтожение Петром III репрессивной Тайной канцелярии *«монументом милосердия»*. Психологией этого императора очень интересовался Пушкин, называя его «несчастным».

Екатерина обвинила Петра в трех пороках: в развале государственного управления, в намерениях истребить основы православной церкви и в заключении мирного договора со «злодеем» (имеется в виду Фридрих II). Насколько верны все эти обвинения?

АНЕКДОТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

За период правления Петра III было издано немало законодательных актов и распоряжений. В сохранившемся архивном реестре именных указов зафиксировано 220 записей, сделанных за время правления Петра III. Бурная законотворческая деятельность правительства и лично Петра III оборвалась буквально на полуслове.

Не столь уж важно, все ли эти акты были следствием его личной инициативы или результатом деятельности советников. Понятно, что Петр III, как и любой монарх, опирался на определенный круг доверенных лиц. Главное, что все эти акты санкционированы и подписаны императором и отражали достаточно завершенную систему правительственного курса.

Уже в то время вокруг Законов о вольности дворянской и ликвидации Тайной канцелярии рождаются анекдоты, цель которых — дискредитировать Петра III, показать, что все эти документы возникли совершенно случайно, без прямого участия Петра III.

Вот, например, анекдот о том, как родился Манифест о вольности дворянской. Намереваясь уйти ночью на тайное свидание, Петр III под предлогом занятий государственными делами взял с собою Волкова, запер его под охраной собаки в своем кабинете и наказал сочинить какой-нибудь важный закон. За одну ночь его секретарь написал манифест, который и был утром утвержден. Этот анекдот в конце XVIII века записан историком М. М. Щербатовым со ссылкой на Волкова.

Анекдот второй. Однажды, заранее сговорившись, во время застолья К. Г. Разумовский крикнул на одного из собутыльников *«слово и дело»* за то, что тот не выпил за здоровье императора бокал до дна. Кончилось тем, что придворные убедили императора ликвидировать Тайную канцелярию, о чем им тут же был подписан манифест, услужливо подсунутый все тем же Волковым. Не может не возникнуть вопрос: почему такую сценку Разумовский со товарищи не разыграли несколькими годами раньше, при Екатерине Петровне? Как-никак, он приходился братом ее давнему фавориту!

Что же на самом деле стоит за этими анекдотами? Первый манифест датирован 18 февраля 1762 года. За месяц до этого, 17 января, как видно из камер-курьерского журнала, *«в четверток, по утру в 10-м часу»* Петр III *«изволил высочайше иметь выход в Правительствующий Сенат»*. Здесь он сообщил о намерении освободить дворян от обязательной государственной службы. Эти слова были встречены с ликованием. А на следующий день генерал-прокурор А. И. Глебов предложил Сенату от имени благодарного дворянства воздвигнуть золотую статую императору. Узнав об этом, Петр III ответил: *«Сенат может дать золоту лучшее назначение, а я своим царствованием надеюсь воздвигнуть более долговечный памятник в сердцах моих подданных»*.

Обычно, характеризуя манифест 18 февраля, отмечают, что дворяне получили право свободно вступать или, наоборот, не вступать на военную и гражданскую службу, выходить по желанию (с присвоением очередного чина) в отставку, свободно выезжать за границу и даже поступать на службу к иностранным государям. Правда, это допускалось только в *«Европейских союзных нам державах»* с обязательным возвращением в Россию, *«когда будет объявлено»*. Своеобразно и, надо сказать, демократично решался вопрос о службе дворян в Сенате и его конторе. Обязательность службы в этих органах высшего управления должна была решаться самими дворянами путем выборов *«ежегодно по пропорции живущих в губернии»*. Весьма строгая ответственность возлагалась на родителей за воспитание сыновей. По достижении ими 12 лет родители должны были ставить органы власти в известность, чему их сыновья обучены и желают ли учиться дальше как в России, так и за рубежом.

Не прошло и месяца с того достопамятного дня, когда растроганные сенаторы собирались воздвигнуть золотую статую императору, а при очередном официальном посещении Сената 7 февраля Петр III объявил о намерении ликвидировать зловещую Тайную канцелярию розыскных дел и все ее дела передать на разрешение Сенату. Вскоре его повеление получило законодательное оформление в манифесте от 21 февраля, написанном Волковым. Суть документа заключалась в необходимости перестройки репрессивного аппарата в аппарат законодательный, регулярный. До той поры достаточно было крикнуть «Слово и дело», как и подозреваемого, и заявителя волокли в застенок, и там под угрозой пыток оба должны были подтвердить или опровергнуть обвинение.

Интересна мотивировка необходимости такой перестройки. В манифесте говорилось, что Тайная канцелярия возникла при Петре I, которого побудили на это *«тогдашних времен обстоятельства»* и *«неисправленные в народе нравы»*. Но Тайная канцелярия всегда оставалась в своей силе и самим фактом своего существования оказывала развращающее воздействие. Ибо *«злым, подлым и бездельным людям подавала способ или ложными затеями протягивать в даль заслуженные ими казни и наказания, или же злостнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей»*. Желание пресечь возможность чудовищных злоупотреблений *«оправдывалось»* принципами человеколюбия и милосердия. Исходя из них, декларировалось *«крайнее старание»* императора *«не токмо неповинных людей от напрасных арестов, а иногда и самих истязаний защищать, но паче и самым злонравным пресечь пути к произведению их в действие из ненависти мщения и клеветы, а подавать способы к их исправлению»*. В манифесте торжественно провозглашалось: *«Ненавистное изражение, а именно «слово и дело» не долженствует отныне значить ничего»*. Тех же, кто станет употреблять их в пьяном виде или драке, подлежало наказывать как *«озорников»* или *«бесчинников»*.

Оба эти манифеста имели большое общегражданское значение. В них отражались социальные симпатии самого законодателя, который прежде всего действовал во имя интересов дворянства. Зачастую в законодательных актах Петр III подчеркивал: крепостное право остается незыблемым, а слухи о том, что крепостные крестьяне, принадлежащие помещикам, будут освобождены, не соответствуют действительности. Тех же, кто их распространяет, надлежит наказывать.

Наиболее полно и четко позиция по этому вопросу сформулирована 19 июня в акте, который был издан в связи с бунтами крепостных в Тверском и Клинском уездах.

ДЕЛИКАТНЕЙШЕЕ ДЕЛО

«С великим гневом и негодованием уведомились мы, что некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своим повиновения... Мы твердо уверены, что такие ложные слухи скоро собою истребятся и ослепленные оными крестьяне... о том раскаются и стараться будут отныне безмолвным повиновением своим помещикам заслужить себе прощение».

Вступив на престол, Петр III распорядился пересмотреть все бумаги от предыдущего царствования, и те из них, которые заслуживали внимания, ввести в действие или доработать. Наряду с февральским Манифестом появляется ряд значимых актов. Например, законодательное закрепление свободы совести в России.

Вопрос этот очень непростой. В одночасье решить его, конечно же, нельзя. Петр Федорович начал с урегулирования одного частного и очень болезненного вопроса — положения старообрядцев. Староверческое движение, во многом отражавшее настроения крестьянства и купечества, периодически то запрещалось, то разрешалось. Репрессии приводили лишь к бегству этих слоев населения, в частности, в соседнюю Речь Посполитую. Уже 29 января Петр предписал Сенату разработать положение о свободном возвращении старообрядцев, которым по их усмотрению предлагалось поселяться в Сибири, Барабинской степи и некоторых других местах. Им разрешалось пользоваться старообрядческими книгами и обещалось *«никакого в содержании закона по их обыкновению возбранения не чинить»*.

В ближайшие же дни, 1 и 7 февраля, специальными указами подтверждалось прекращение розыска и уничтожение дел о самосожжении и о защите старообрядцев от местного духовенства. Круг указов императора, которыми он обещал защитить старообрядцев *«от чинимых им обид и притеснений»*, был скреплен торжественным манифестом 28 февраля. Бежавшим за рубеж *«великороссийским и малороссийским разного звания людям, также раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам»* разрешалось возвращаться до 1 января 1763 года *«без всякой боязни или страха»*.

Для России это были смелые меры. В основе такого курса в конечном счете лежали экономические соображения: стремление удержать значительную часть трудоспособного городского и особенно сельского населения. Характерна мотивировка Указа. В России, говорилось в резолюции Петра III, наряду с православными *«иноверные, яко магометане и идолопоклонники, состоят, а те раскольники — христиане, точию в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что отвращать должно не принуждением и огорчением их, от которого они, бегая за границу, в том же состоянии множественным числом проживают бесполезно»*. Эта аргументация во многом повторяет соображения,

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ПЕТРЪ ТРЕТІИ, ИМПЕРАТОРЪ
И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІИСКІИ.

и прочая, и прочая, и прочая.

объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ.

Чтобъ многія НАШИ къ пользѣ и славѣ Имперіи НАШЕЙ, и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ принятыя намѣренія наилутче и скорее въ дѣйство произведены быть могли; то избрали МЫ трудится подъ собственнымъ НАШИМЪ руководствомъ и призреніемъ, надъ многими до того принадлежащими дѣлами, Его Высочество НАШЕГО Любезнаго Дядю Герцога Георгія, Его Свѣтлость Принца Голштейнбекского, Генерала-Фельдмаршала Графа Миниха, Генерала-Фельдмаршала Князя Трубецкого, Канцлера Графа Воронцова, Генерала-Фельдцейгмейстера Вилбое, Генерала-Поручика Князя Волконского, когда онъ здѣсь находится, Генерала Поручика Мельгунова, и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и НАШЕГО Тайнаго Секретаря Волкова, о которыхъ усердіи и ревности удостовѣрительныя имѣемъ МЫ опыты, и которыхъ снабдили МЫ особливыми наставленіями, не смотря на то что и сами всегда собственнымъ НАШИМЪ примѣромъ и трудами ихъ единодушныя старанія подкрѣплять станемъ. Сего ради повелѣвая МЫ имъ собиратся ежедневно при дворѣ и въ Апартаментахъ НАШИХЪ, Канцелярскихъ служителей набрать достойныхъ и способныхъ сколько потребно, и жалованье опредѣлить по ихъ разсмотренію, исходящіе изъ сего мѣста указы будемъ МЫ подписывать НАШЕЮ рукою, но о дѣлахъ меньшей важности будутъ и они сами подписывать отъ НАШЕГО имяни во всѣ мѣста, по чему исполнять какъ по НАШИМЪ собственнымъ указамъ, а рапорты на то писать реляціями просто на имя НАШЕ, адресуя въ конвертѣ къ НАШЕМУ Тайному Секретарю Волкову, Сенатъ поступая посему указу, публикуетъ оной въ полномъ его содержаніи; о темъ во всемъ НАШЕМЪ государствѣ чрезъ сіе и публикуется.

Подлинной за подписаніемъ собственныя ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА руки.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. Маія 22 дня 1762 года.

изложенные Ломоносовым в трактате **«О сохранении и размножении российского народа»**. Совпадение многозначительное: идеи русского ученого-патриота оказались чрезвычайно близки размышлениям императора еще в бытность его наследником престола. Ломоносов и — Петр III! Соединение этих столь разных имен, далеко, впрочем, не случайное, позволяет по-новому осветить многие действия как правительства Петра III, так и его самого.

Не ограничиваясь этим, он задумал экономически подкрепить дело секуляризацией церковно-монастырских земель с передачей управления ими из ведения Синода, как это было с 1720 года, в руки государства. На такой путь в 1701 году пытался вступить его дед, но даже он вынужден был временно отступить. Возникал этот вопрос и при богомольной Елизавете Петровне. В ее присутствии Конференция в 1757 году одобрила новый порядок управления церковными имениями. Однако и тогда ввести его в действие не удалось. Выполнить ранее принятое решение Петр III и намеревался, рассуждая об этом в Сенате и оформив особым указом 16 февраля.

Насколько задуманное предприятие было деликатным, ответственным и взрывоопасным, можно судить по формулировкам указа. В нем подчеркивалось, что новый порядок вовсе новым не является, что он был лично одобрен покойной императрицей, заботившейся о соединении *«благочестия с пользой Отечества»*. При всей велеречивости и благолепии стиля в указе прорывались то чисто вольтерианские нотки, то скрытые угрозы в адрес Синода.

Рубль Петра III

Цена у собирателей 1000 руб.

СТАВКА НА ТРЕТЬЕ СОСЛОВИЕ

Петр делал определенную ставку не только на дворян-предпринимателей, но также и на купечество и городских мещан. Штелин записывает: *«Рассматривает все сословия в государстве и имеет намерение поручить составить проект, как поднять мещанское сословие в городах России, чтобы оно было поставлено на немецкую ногу, и как поощрить их промышленность»*. Исходя из такой ориентации, Петр решительно выступил против стремления возглавлявшего Комиссию по составлению нового уложения Р. И. Воронцова закрепить дворянскую моноло-

лию на промышленность и землевладение. В составленном Волковым указе о коммерции значительное место уделено мерам по расширению экспорта хлеба (*«государство наше может превеликий хлебом торг производить и что тем самым хлебопашество поощрено будет»*) и других продуктов сельского хозяйства. В этом и ряде других указов обращалось внимание на хозяйственное отношение к лесам, сбережение которых *«почитаем мы за самый нужный и важный государственный артикул»*. Одновременно запрещалось ввозить из-за рубежа сахар, сырье для ситценабивных мануфактур и другие виды продукции, производство которых может быть налажено в России. Этот вполне очевидный протекционистский курс сочетался с попытками (впрочем, единичными и робкими) регулирования территориального размещения отечественной промышленности. Примечателен, в частности, сенатский указ 31 января, которым разрешалось заводить фабрики по производству парусной ткани в Сибири, чтоб здесь, *«а особливо для Охотского порта полотна парусные умножены были и чрез то перевозок по дальности от Москвы расстояния, а от того казенного убытка избегнуть было можно»*. А потом Сенат, основываясь на именном указе 29 марта, запретил владельцам фабрик и заводов покупать к ним деревни. И впредь до утверждения нового уложения приказано *«довольствоваться им вольными наемными по паспортам за договорную плату людьми»*. Тем же способом — сенатскими указами от 28 февраля и 26 апреля — предлагалось произвести очистку порогов на Волхове и ремонт знаменитой дороги из Петербурга в Москву. Строго повелевалось *«работным людям никакого... напрасного озлобления не чинить... чрез что уповательно впредь к найму в ту работу охотников более сыскаться»*. Разрешалось привлекать к подобным обязанностям пашенных крестьян, но лишь из ближайших деревень, по окончании полевых работ и с обязательной оплатой за выполненную работу.

При Петре III был создан Государственный банк России, куда он вложил часть своих средств. Он предполагал выпускать бумажные деньги, ассигнации.

«ПРЕДАТЕЛЬ» ИНТЕРЕСОВ

Петра упрекали в том, что он пытался предать интересы страны. Он считал, что Семилетняя война России не нужна и что Австрия и Франция пользуются Россией ради собственной выгоды. Действительно, единственная страна, которая выигрывала от этой войны, была Австрия. Россию же Австрия рассматривала не в качестве партнера, а лишь как поставщика пушечного мяса.

Для Фридриха же предложения Петра Федоровича были не только выгодны, но и спасительны. Петр III, со своей стороны, получил от короля ряд гарантий, в том числе обещание *«действительно и всеми способами»* содействовать ему в возвращении Шлезвига из-под датской оккупации, а также избрать курляндским герцогом принца Георга Людвига, дядю императора, а на королевский престол Речи Посполитой — дружественного России кандидата. Таким образом, создавался некий санитарный кордон вокруг Пруссии, исключающий возможность агрессивных действий с ее стороны.

Однако нельзя утверждать, что Петр III ограничивался только уступками Фридриху. Австрийский посланник Ф. К. Мерси, вовсе не расположенный к Петру III, в депеше от 14 апреля передавал: *«ОН сделал уже очень много на пользу короля прусского; теперь ему, государю русскому, нужно подумать о себе и позаботиться о том, как ему подвинуть собственные свои дела и намерения. Теперь он не может выпустить из рук королевства Пруссию, разве только если король поможет ему деньгами»*. Это не случайно брошенная фраза и не пустая застольная болтовня. В подписанных Россией и Пруссией 24 апреля и 8 июня трактатах содержалась оговорка, что в случае обострения международной обстановки вывод русских войск с территории Пруссии приостанавливается. Хотя мирный договор не был ратифицирован Петром III, практические выводы из этой оговорки он сделал довольно рано: уже 14 мая им был подписан указ Адмиралтейской коллегии. В нем говорилось, что по причине *«продолжающихся в Европе беспокойств не может армия наша из нынешних ее мест скоро возвращена быть, но паче же принуждена неотложно пополнять отсюда заведенные единожды для нее магазины»*. В соответствии с этим повелевалось подготовить к выходу в море кронштадтскую эскадру, а ревельскую эскадру под командованием контр-адмирала Г. А. Спиридова, наоборот, как можно скорее послать *«крейсировать от Рижского залива до Штетинского, прикрывая транспортные суда»*. В этой связи обратим внимание на важную, но чаще всего упускаемую из виду деталь. Хотя Петр III едва ли обладал полководческим талантом, в военном деле он все же не был дилетантом. И, придя к власти, обратил серьезное внимание на укрепление армии и военно-морского флота, посвятив этой теме серию указов. В феврале и марте под его председательством учреждаются комиссии для повышения боеспособности военно-морского флота и армии, чтобы, как было подчеркнуто в одном из указов, привести *«военную нашу силу сколько можно в лутчее еще и для приятелей почтительнейшее, а для неприятелей страшное состояние»*.

О каком же предательстве интересов России идет речь?

12 февраля 1762 года свершилось нечто неожиданное: представителям иностранных держав была вручена декларация об установлении в Европе всеобщего мира. Во избежание *«дальнейшего пролития человеческой крови»* стороны должны были прекратить

военные действия и добровольно отказаться от сделанных в ходе Семилетней войны территориальных притеснений.

В документе, разосланном 12 февраля, говорилось о необходимости прекратить кровопролитие, собраться на конференцию и обсудить все вопросы взаимоотношений в Европе с предварительным отказом от всех приобретений, подписать мирный договор с Берлином и начать обмен военнопленных с частичным отводом войск в Россию. Русские предложения встретили более чем сдержанный прием со стороны правительств антирусской коалиции, особенно в Вене и Париже.

А как быть с третьим обвинением, что Петр хотел заменить православие на иноверные законы? У нас нет сколько-нибудь четких свидетельств ни за, ни против. Несколько указов, посвященных религиозным делам, носят очень частный характер.

Петр был сторонником свободы вероисповедания и добровольности выполнения установленных обрядов. В архивах Шлезвига со ссылкой на французскую депешу сообщалось, что император якобы советовался с французским королем о возможности введения в России лютеранства. *«Фридрих II*, — говорилось в ней, — *назвал это щекотливым и предлагал привлечь в качестве консультанта ученого богослова»*. О том, что у Петра существовал замысел реформы, говорили и некоторые немецкие авторы того времени.

Но сегодня нет оснований ни принимать, ни отвергать эту версию.

Такие реформы уже принимались: в XVI веке — в Англии, в XVIII-м — в Пруссии. Подобные настроения существовали и в России. Известен проект реформы русской православной церкви, в котором предлагалось снять ограничения на количество браков для вдовцов, запретить пострижение в монахи мужчинам до 50 лет и женщинам до 45-ти, поскольку они еще могут вступать в брак и иметь потомство, крестить младенцев не в холодной, а в теплой воде, предполагалось перенести время празднования великого поста на позднюю весну и начало лета, исходя из того, что *«это сообразно климату России, ибо посты учреждены не для самоубийства вредными пищами, а для воздержания от излишеств»*, и что *«не человек для*

праздника, а праздник для человека». В конце подобного проекта говорилось о том, что русские церковнослужители малограмотны, многие из них пьянствуют с прихожанами, участвуют в драках, нужно, чтобы священнослужители были образованны, брали пример с лютеранских пасторов, которые учат детей грамоте, не ходят по обедам и крестинам, не напиваются и не участвуют в драках. В конце содержался призыв: *«Пусть примером будет Германия!»*

Этот проект принадлежал отнюдь не «русофобу» Петру III, а великому русскому патриоту Ломоносову (прочитать это можно в 6-м томе его собрания сочинений).

ПОГИБНУТЬ ИЛИ СПАСТИСЬ?

В цитате, которую мы привели в начале статьи, говорится, что неумная политика Петра III привела к тому, что против него был составлен заговор. Заговор якобы был необходим, чтобы спасти Россию от пропасти, в которую она катилась под управлением Петра III.

Так ли это? Екатерина II заявляла, что летом 1762 года встала дилемма: *«Или погибнуть вместе с полуумным, или спастись с толпою, жаждавшей от него избавиться».* Но одновременно в ее записках сохранилась и такая запись. Когда в конце 1761 года Елизавета Петровна умирала, к Екатерине явился капитан-гвардеец Дашков и заявил, что он и его подчиненные готовы возвести ее на престол. На что Екатерина ответила следующим образом: *«Я приказала ему сказать: «Бога ради, не начинайте вздор; что бог захочет, то и будет, а ваше предприятие есть рановременная и несозрелая вещь».* Эти слова чрезвычайно важны в понимании последующих событий.

В последние годы царствования Елизаветы время от времени возникала мысль о том, что необходимо отстранить Петра Федоровича от наследования, мотивируя это его неспособностью к руководству. Предполагалось, что преемником будет объявлен Павел Петрович, а Екатерина станет регентшей при нем. Сторонники этого варианта не учитывали, что Екатерина не намеревалась быть регентшей, она хотела быть правящей императрицей. Именно этот смысл и заключался в ее словах. Это было *«рановременно»*, так как она пока еще не могла претендовать на престол. Ей было важно, чтобы на него вступил Петр и своими действиями скомпрометировал себя перед теми людьми, на которых она собиралась опереться.

Спустя 16 лет после июльских событий опальный наследник престола Павел (ему шел 24-й год) делился мыслями с П. И. Паниным о причинах свержения своего отца. *«Здесь,* — писал он, имея в виду кончину Елизаветы Петровны, — *вступил покойный мой отец на престол и принялся заводить порядок; но стремительное его желание завести новое помешало ему благоразумным образом приняться за оный; прибавить к сему должно, что неосторожность, может быть, была у него в характере, и от ней делал вещи, наводившие дурные импрессии, которые соединившись с интригами против его персоны, а не самой вещи, погубили его и заведениям порочный вид старались дать».*

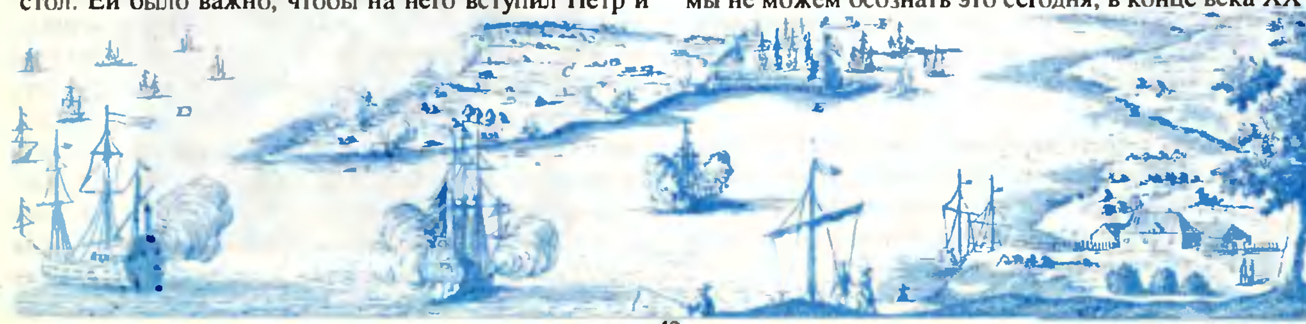
Уже в первом манифесте, оглашенном 28 июня 1762 года в Казанском соборе, когда Петр был в Ораниенбауме, после приведения основных пороков говорилось: *«Того ради, убеждены будучи всех наших верноподданных таковою опасностию, принуждены были приняв бога и его правосудие себе в помощь, а особливо видов к тому желание всех наших верноподданных явное и нелицемерное, вступили на престол наш Всероссийский самодержавно, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественно учинили».*

Если мы посмотрим последующие манифесты, то увидим, что в своих апелляциях к Богу Екатерина доходила до откровенного богохульства.

В манифесте о предстоящей коронации говорилось уже не о том, почему Екатерина взошла на престол, а о том, что она вынуждена была так поступить по повелению Бога и под угрозой ответственности в будущем *«пред страшным его судом»*, поскольку-де того *«самая должность в рассуждении бога, его церкви и веры святой требовала».* А посему ее действия благословил *«он, всевышний бог, который владеет царством и кому хочет, дает его».*

В 1797 году Карамзин, касаясь оценки Петра III, писал: *«Прошло более 30 лет с той поры, как печальной памяти Петр III сошел в могилу и обманутая Европа все это время судила об этом государе со слов его смертельных врагов или их подлых сторонников».*

Карамзин понял это в конце XVIII века. Почему же мы не можем осознать это сегодня, в конце века XX?

ВЕЧНАЯ РОССИЯ ИЛИ ПОСТОЯНСТВО ВЫБОРА?

Георгий Владимирович Вернадский (1877—1973), сын великого ученого и общественного деятеля Владимира Ивановича Вернадского и один из крупнейших русских историков XX столетия, пока у нас даже в просвещенных кругах мало известен или известен понаслышке. Его знают прежде всего как участника входящей ныне в моду евразийской школы русской мысли. Но статья, предлагаемая читателям этого номера журнала, — не «евразийская». В ней Вернадский выступает как историк-правовед, исследователь хотя и очень важной, но все-таки не находящейся сейчас в центре общественного внимания темы — крепостного права.

Вопрос о том, является ли этот институт частноправовым или публичноправовым, может и в самом деле показаться на первый взгляд сугубо специальным, академическим. Способствует такому впечатлению и сухая манера изложения, лишенная публицистичности. И тем не менее эта статья и сам подход, положенный в ее основу, чрезвычайно существенны для понимания всей русской истории, для поисков выхода из современного интеллектуального кризиса и того кризиса, в котором находятся сегодняшние реформаторы, в общем не знающие, «куда ж нам плыть».

Существуют как бы два типа интерпретаций русского интеллектуального наследия. Сторонники одного типа интерпретации, — имя им легион, — утверждают, что русская философия, русская мысль есть способ освоения и понимания мира, принципиально отличный как от европейского, так и от «восточного» и отражающий совершенно особый исторический путь развития России, и что именно этот тип философствования должен прийти на смену дискредитировавшему себя марксизму-ленинизму. Второй тип интерпретации представлен такими достойными людьми, как Борис Гройс, Евгений Барабанов, в какой-то мере Борис Парамонов. Они утверждают, что русская мысль была порождена глубокой «невротической» травмой от встречи с западной философией, прежде всего шеллингианско-гегельянской чеканки, в первой трети XIX столетия. В рамках этого подхода, который покоится на методах психоанализа, русская философия квалифицируется как философски сформулированная антифилософия, а сама Россия и ее историческая судьба — как анти-Европа, анти-Запад.

При внешнем различии этих подходов, на глубинном уровне они очень схожи. Для приверженцев и того и другого русская мысль, русская культура, вообще Россия есть «вечная», неизменяемая субстанция, всегда равная самой себе и противостоящая западной культуре и западной мысли. Правда, для одних — к великой радости и гордости, для других — к огорчению. Оба эти подхода есть разновидности некоего мифа об органических способах существования и развития национальных культур. В конечном счете человек здесь опять-таки оказывается функцией тех или иных исторических законов и детерминант.

Но возможно и другое видение. Видение истории как процесса открытого, не имеющего заранее заготовленного сценария. Как бы это парадоксально ни звучало, история действительно непредсказуема. Непредсказуема в том смысле, что мы обречены постоянно открывать какие-то ее новые измерения и возможности. Предлагаемая статья Вернадского как раз и дает нам возможность увидеть русскую историю в совершенно новом ракурсе.

Принято считать, что Россия запоздала с отменой крепостного права и что оно было тормозом социально-экономического и политического развития. Есть и другая точка зрения: отмена крепостного права и разрушение общины были в числе основных причин русской революции. И в том и в другом утверждении есть доля исти-

ны. Но, как правило, основой таких подходов является неадекватное представление о генезисе института крепостного права и его юридической природе. Между тем в работах таких различных по своим взглядам исследователей, как Юрий Самарин, Василий Ключевский, Петр Струве, Александр Изгоев, Георгий Вернадский, природа крепостного права вскрывается весьма убедительно и адекватно. С каждым из этих имен связано углубление понимания крепостного права, наращение подлинного знания. Заслуга Вернадского состоит в том, что он сумел показать сложность составных элементов этого института, эволюцию его интерпретаций русской юридической мыслью и зависимость от этих различных интерпретаций политики правящих кругов России.

Дело в том, что крепостное право у нас в каком-то смысле вводили, как картошку, и это было связано с чертой, подмеченной Ключевским: в России государство создает классы и сословия, — сначала закрепощает, а потом освобождает. И институт крепостного права — что упускается большинством наших исследователей — был элементом закрепощения не только крестьянства, но и дворянства. Это была определенная сделка, исторический компромисс самодержавия и дворянства. Получив почти абсолютную власть над многомиллионным российским крестьянством, дворяне были лишены политических прав. Это понял Сперанский, когда писал, что у нас все сословия находятся в рабском состоянии, разница состоит лишь в степени рабства. И освобождение крестьян было одновременно эмансипацией дворянского сословия. Благодаря Вернадскому становится яснее, что решение проблемы крепостного права не зависело от добрых намерений или от злой воли правящих кругов. Царствование Николая I, которое большинством специалистов понимается как одна из ключевых эпох русской истории, — и это действительно так, — было не только периодом торжества полицейского абсолютизма и периодом расцвета русской культуры, но и временем становления в России если не института частной собственности, то по крайней мере представлений о частной собственности как об одном из конститутивных элементов в жизни человека и общества. На протяжении всего этого царствования лучшие умы России — представители как общества, так и бюрократии — бились над проблемой почти неразрешимой: как освободить крестьян и при этом не подорвать нарождающийся институт частной собственности. Ведь одной из версий юридической природы крепостного права было понимание его как частноправового института. В этом смысле все упреки по адресу Николая I и его администрации, в общем, несостоятельны, поскольку сама их нерешительность была связана с сознанием ответственности за будущее страны.

Со времен Сперанского и еще задолго до Столыпина будущее России связывалось с созданием земледельческого сословия частных собственников. И это не было исторической химерой, не было плодом рецепции западных идей. Впоследствии Александр Изгоев убедительно показал, что в рамках крестьянской общины в условиях крепостного права шел процесс формирования частной собственности на землю. Но небезопасной была и позиция славянофилов, опасавшихся, что неумелая отмена крепостного права разрушит общину, мир, выбьет крестьянина из системы традиционных связей, лишит его привычных психологических и духовных ориентиров и приведет к социальному взрыву.

Сама реформа 1861 года и была компромиссом между этими двумя подходами, двумя пониманиями крепостного права — как института по преимуществу публичноправового и частноправового.

Так статья Вернадского оказывается одним из множества возможных «пограничных пунктов», через которые мы можем «войти» в русскую историю, и одним из способов формулирования нового видения русской истории — такого видения, в рамках которого вопросы о том, Запад мы или Восток, самобытная Евразия или некая пограничная зона между Европой и Азией, не то чтобы отвергаются, но «снимаются» и становятся периферийными. Периферийными в том смысле, что при всей их оправданности они уводят нас от понимания конкретно-исторического развития России. Это новое видение предполагает понимание России не как некоей «вечной» субстанции, а как страны, имеющей, подобно всем другим, собственный алгоритм развития, но в то же время — одной из многих. Страны, у которой в каждую историческую эпоху ее будущее оставалось и поныне остается открытым, и выбор ею того или иного пути зависит от типа самопонимания, который восторжествует в данный момент, и от того, насколько адекватно будет осознано или осознается реальное положение вещей, реальная природа ее основных социальных институтов. Обнаруживая различные стороны института крепостного права и соответственно различные возможности его интерпретации, Г. В. Вернадский дает нам образец такого понимания, понимания принципиально плюралистического.

ЮРИЙ ПИВОВАРОВ

ГЕОРГИЙ ВЕРНАДСКИЙ

ЗАМЕЧАНИЯ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

I

Крепостное право в России составляло предмет внимания длинного ряда исследователей русской истории. Однако эти исследователи занимались преимущественно эпохою Московского Государства до XVIII века, и особенно до Уложения Царя Алексея Михайловича. Как раз эпоха, ближайшая к нам, оставившая значительно большее число документов всякого рода, подвергалась несравненно меньшему вниманию и осталась менее разработанною. Притом эта разработка шла преимущественно по пути изучения экономической стороны крепостного права[1], а также его бытовой стороны. Юридическая же природа крепостного права осталась очень мало освещенною. Крепостное право XVIII—XIX вв. представляет собою чрезвычайно сложное явление, слагающееся из совокупности нескольких более простых. Притом крепостное право этой эпохи не было чем-то законченным и определенным. В нем боролись различные тенденции. Обычною является точка зрения (вошедшая в обзоры и учебники по истории русского права), что крепостное право XVIII века явилось результатом слияния (окончательно в эпоху Петра Великого) прежнего крепостного права XVII в. и прежнего холопства. Прежние крепостные и прежние холопы, слитые вместе производством первой ревизии, образовали новое состояние крепостных крестьян. Вопрос, однако, не может быть разрешен так просто. В итоге слияния двух различных разрядов населения не образовалось, в сущности, такого третьего, который бы заимствовал содержание свое наполовину из первого, наполовину из второго. Образовавшийся в итоге слияния разряд населения носит черты одновременно обоих составных элементов, причем сначала более заметен один элемент, а затем другой. Первым элементом является крепостное право XVII века; вторым — холопство. От слияния их образуется новый юридический институт (крепостное право XVIII—XIX вв.), который в начале XVIII века носит публичноправовой характер и близок к крепостному праву XVII в., а в первой половине XIX века носит частноправовой характер и близок к холопству XVII в. Для наглядности, сказанное можно изобразить с помощью алгебраических знаков. Обозначим «крепостное право XVII в.» через a, «холопство» через b; сумма их не может быть прямо и безотносительно ко всему периоду XVIII—XIX вв. изображена $(a+b)/2=c$. Дело усложняется тем, что в разное время a и b входят в сумму с разными коэффициентами m и n; сумма должна быть выражена, как $ma+nb$, причем в начале XVIII века n почти равно нулю, поэтому ничтожно влияние b, и сумма может быть обозначена через a_1 (т. е. как видоизменение элемента a). В начале XIX века, наоборот, почти равно нулю m, и поэтому почти исчезает элемент a, а сумму можно обозначить через b_1 (т. е. видоизменение элемента b). К середине XIX в. положение опять меняется. Оставим a пока в стороне. Явление же $(a+b)$ и затем b_1 соответствует тому, что Сперанский называл[2] «прежним» и «новым» крепостным правом. Содержание того и другого Сперанский определял следующим образом.

Прежнее крепостное право — т.е. $(a+b)$:

1. Крестьяне составляют принадлежность вотчины и не могут быть отделены от нее ни продажей, ни залогом; но с одной земли на другую тем же помещиком они могут быть переселены.

2. Дворовые люди, т. е. старинные и полные холопы и их потомство, принадлежат помещику лично в собственность, а потому могут быть проданы и заложены поодиночке.

3. Дворовые люди из кабальных принадлежат помещику лишь до его смерти и ни проданы, ни заложены быть не могут.

4. Дворовые люди, взятые во двор из крестьян, принадлежат вотчине и считаются наравне с крестьянами.

Новое крепостное право (т. е. b_1):

1. Крестьяне, так же, как и земля, на которой они живут, принадлежат помещику. Земля составляет недвижимое его имущество, а крестьяне — движимое. И хотя это движимое имущество приписывается по ревизии к недвижимому, к деревне и земле, но как земля без крестьян, так и крестьяне без земли могут быть проданы, заложены, а крестьяне кроме того переселены, взяты во двор и даже по воле помещика без суда сосланы в ссылку.

2. Дворовые люди, из какого бы состояния первоначально они ни происходили, точно такое же движимое имущество помещика, как и крестьяне; между теми и другими нет существенного различия по закону. Владелец, не имеющий земли, может приписать их во время ревизии к дому, но как дом без них, так и они без дома проданы быть могут.

Прежнее крепостное право $(a+b)$ Сперанским охарактеризовано по Уложению Царя Алексея Михайловича (гл. XI о крестьянах, XX о холопах и др.). Для характеристики нового крепостного права (b_1) Сперанским произведено юридическое претворение практики его времени. Но практика эта была сама результатом не официальной юридической теории, а отражением распространенного среди дворянства взгляда на сущность крепостного права, как на институт не публичноправового, а частноправового характера: как на холопство. Официально же в среде государственных деятелей продолжала еще во времена Сперанского держаться точка зрения правитель-

Текст печатается по кн.: Сборник научных трудов, посвященных 35-летию научной деятельности и 50-летию со дня рождения Петра Бернгардовича Струве. Прага, 1925. Орфография приведена к современной норме.— *Ред.*

ственной политики Петра Великого, которая соответствует обозначению a_1 нашего алгебраического примера, т. е. представляет собою видоизменение элемента *a*: это прежнее крепостное право, но, однако, с несколько усиленною, благодаря слиянию с холопством, степенью личной зависимости крепостного от владельца (продажа крепостных без земли). Во всяком случае крепостное право понимается в Петровскую эпоху как институт публичного права. Весь сословный строй этой эпохи построен на одном принципе государственного интереса, а практически — на всеобщем закрепощении: царь крепок государству, дворянство — царю, крестьяне — дворянам. Крепостное право основано на велениях всенародной пользы. При ревизии берутся сказки на крестьян и холопов всех наименований «ради расположения полков армейских на крестьян всего государства»[3]. Мысль о государственной пользе, как основании крепостного права, ярко выражена в указе 18 янв. 1721 г. о покупке деревень к заводам. «Понеже, — говорилось в этом указе, — хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по Нашим указам, *как всем видно*[4], что многие купецкие люди компаниями и особно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому же и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уж и в действо произошли. *Того ради*[5] позволяется сим Нашим указом, для размножения таких заводов, как Шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг- и Мануфактур-Коллегии, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно»[6]. Владельцы крестьян являются поэтому лишь держателями их по уполномочию государственной власти, которая (в теории) может это полномочие всегда взять назад (как и действительно взяла в 1861 г.). Такой взгляд, как известно, прямо и выражен был Посошковым: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их берегут а вековой их владелец Всероссийский Самодержавец, а они владеют временно»[7].

II

В своей яркой характеристике «нового крепостного права» Сперанский отбросил все публичноправовые черты крепостного права. Однако, вместе с тем, Сперанский предложил принять некоторые «первоначальные или основные меры» для того, чтобы «новое крепостное право» (b_1) начать постепенно изменять в направлении к «прежнему крепостному праву» (*a*) и таким образом вернуть ему публичноправовой характер. Меры эти следующие:

1. Запретить крестьян без земли продавать, закладывать, дарить и отдавать в приданое; запретить и продажу их на своз от одного владельца к другому.
2. Считать недействительными: продажу одной земли без крестьян, которые на ней водворены, продажу деревни с малым количеством земли из той, которая к ней принадлежит, продажу известного числа дворов деревни с участком земли менее того, какое на них причитается по расчету из всего ее количества, и, наконец, продажу земли с крестьянами и потом перепродажу одной земли без крестьян тому же владельцу.

Намеченная Сперанским программа отчасти действительно была осуществлена нашим законодательством конца 1820-х до 1830-х гг. Ранее этого периода, именно 27 ноября 1814 г., состоялся по мнению Государственного совета сенатский указ «о назначении срока владельцам на своз крестьян с земли в случае продажи оной людям, не имеющим на владение крестьянами дворянского права, и о несовершении продажи крестьян без земли по верющим письмам»[8]. В декабре 1826 г. (высочайше утверждено 22 дек.) принято было мнение Государственного совета о том, чтобы: «1) силу указа 20 (27) ноября 1814 г. по предмету продажи земель, населенных крестьянами, распространить и на земли, отдаваемые помещиками в залог; 2) действие сего указа обращать на тех помещичьих крестьян, у коих после вышеозначенной продажи или по просрочке закладной, будет оставаться земли менее 4 $^1/_2$ дес. на душу». На основании этого мнения Государственного совета состоялся по этому предмету сенатский указ 15 февраля 1827 г.[9]. 2 мая 1833 г. запрещено было отдавать в залог крепостных людей без земли, а также запрещено при продаже раздроблять семьи крепостных[10]. В 1840-х и 1850-х годах в законодательстве не раз прямо подчеркивался публичноправовой характер крепостного права. В Уложении о наказаниях 1845 г. было сказано (ст. 288): «Восстанием *против властей, правительством установленных*, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений»[11]. Согласно инструкции генерал-губернаторам 1853 г. генерал-губернатор обязан был наблюдать, «чтобы помещики с должною отеческою заботливостью исполняли в отношении своих крестьян *все возложенные на них законом обязанности*»[12].

III

В итоге законодательных мероприятий Николаевского царствования юридическая природа крепостного права средних десятилетий XIX в. (1830-е — 1850-е годы) чрезвычайно трудно поддается единой характеристике и единому определению. Значительная спутанность и неясность по этому вопросу чувствуется и в Своде Законов. Определения Свода Законов проникнуты двойственностью и часто — недоговоренностью. Двойственность понятия о крепостном праве и самого положения крепостных крестьян видна уже в том, что о крепостных трактуют и законы о состояниях (IX т.) и законы гражданские (X т.). Не случайно, конечно, именно X том, рассматривающий крепостных как имущество, посвящает им более внимания, нежели том IX. Сперанский в упомянутой записке 1826 г., как мы видели выше, рисуя «новое крепостное право», высказывался в том смысле, что крестьяне составляют движимое имущество помещика, а в намеченных тою же запискою мероприятиях стремился, наоборот,

к тому, чтобы установить неразрывную связь крестьян с землею, т.е. включить крестьян в состав недвижимого имущества. Ни та ни другая точка зрения не нашла себе выражения в Своде Законов.

О имуществах недвижимых и движимых говорит гл. I, раздела I, книги II Свода Законов Гражданских (X т. по изд. 1857 г., как и всюду ниже). Ст. 383 устанавливает: «Имущества суть движимые и недвижимые». Определения того и другого понятия в X томе, как известно, не дается, а содержание понятий характеризуется перечислением обнимаемых ими предметов. Именно, согласно ст. 384, «*недвижимыми* имуществами признаются по закону земли и всякие угодья, деревни, домы, заводы, фабрики, лавки, всякие строения и пустые дворовые места».

«*Движимые* имущества (по ст. 401) суть: мореходные и речные суда всякого рода, книги, рукописи, картины и, вообще, все предметы, относящиеся к наукам и искусствам, домовые уборы, экипажи, земледельческие орудия, всякого рода инструменты и материалы, лошади, скот, хлеб сжатый и молоченый, всякие припасы, выработанные на заводах наличные руды, металлы и минералы и все то, что из земли извлечено».

Таким образом, в основных статьях, раскрывающих понятие движимого и недвижимого имущества, о крепостных крестьянах вовсе не говорится. Крестьяне упоминаются лишь в объяснительных статьях, следующих за этими основными. За статьею 384-ю, объясняющею понятие недвижимых имуществ, для разъяснения слова «земли» помещена ст. 385: «земли суть населенные или ненаселенные». В объяснение понятия «населенных земель» помещена следующая, 386-я статья: «Принадлежности населенных земель суть: состоящие на них церковные строения, господские и крестьянские домы, дворы, мельницы, мосты, перевозы и гати». Следовательно, не сами крестьяне, а лишь «крестьянские домы» относятся к недвижимому имуществу помещика. И только крестьяне посессионные относятся прямо к имуществу недвижимому. Ст. 388: «Принадлежности фабрик и заводов суть: все заводские построения, посуда и инструменты, приписные деревни и крестьяне, земли, леса, покосы, руды, соляные рассолы, трубы и все вещества ископаемые». Примечание к этой статье: «Посему деревни и крестьяне, купленные и приписанные к заводам и фабрикам не могут быть от них отделены».

Если обратимся теперь к статьям, развивающим понятие «движимых имуществ», то найдем прежде всего ст. 402: «Наличные капиталы, заемные письма, векселя, закладные и обязательства всякого рода принадлежат к имуществам движимым»; затем ст. 403[13]: «Золотосодержащие прииски, отводимые частным лицам на казенных землях для одной лишь разработки, признаются в отношении к золотопромышленникам имуществом движимым; а потому и в переходе от одного владельца к другому по наследству или иным случаям подлежат тем же правилам, какие, вообще, для имуществ движимых постановлены». Наконец, ст. 404: «К движимым имуществам причисляются и права на крепостных людей без земли; семейства их суть неделимы, разумея под семейством мужа и жену, отца и мать, а из детей разумея сыновей неженатых и дочерей незамужних, как малолетних, так и совершеннолетних, хотя бы они не имели ни отца, ни матери, и потому семейства сии раздроблять дарением, продажею, залогом, разделом или выключкою в пользу владельца при продаже и залоге имения и всеми другими способами запрещается; но владельцу предоставляется отпускать крепостных своих людей на волю порознь, как с землею, так и без земли». К движимым имуществам относятся здесь не сами крепостные (или вернее: семейства крепостных — после закона 2 мая 1833 г.), а лишь «права на них»? Что значит, в данном случае, «права на крепостных»? Этот термин можно толковать по аналогии с предыдущей (403) статьей (о золотосодержащих приисках, отводимых частным лицам на казенных землях): как право хозяйственной эксплуатации («для разработки»). При таком понимании логически представляется труднообъяснимым выделение крепостных людей из принадлежностей недвижимых имений. Если термин «право» понимать формально, как письменные доказательства прав, то и в том случае трудно установить разграничение от недвижимых имуществ, ибо (по ст. 390) «в числе принадлежностей недвижимых имуществ полагаются и крепления на владение, или как то: владенные указы, грамоты, крепости, межевые планы, книги и прочие документы». Что касается письменных доказательств на обладание крепостными, вообще, порядка укрепления прав на крепостных людей, как на всякое имущество, то здесь нужно отметить, что в отношении крепостных людей порядок этот ближе к порядкам, касающимся недвижимого имущества, чем движимого. Именно, это порядок *крепостной* (откуда и самое название крепостных людей), между тем как движимые имущества, по общему правилу, «могут быть приобретаемы законными способами и без всяких письменных актов, по одним словесным договорам и соглашениям» (ст. 710) и из этого общего правила изъемлются лишь немногие виды имуществ (ст. 711, ср. также ст. 728). Крепостные акты, согласно ст. 728, могут быть двух родов: акты «крепостным порядком совершенные» (или «совершаемые») и акты «явочные» (или «являемые у крепостных дел только для засвидетельствования их»). Ко вторым принадлежат, между прочим, рядные записки на движимое имение, крепостные заемные письма, закладные в движимом имении и пр. К первым принадлежат: «крепости, купчие и закладные, дарственные записи и, вообще, всякого рода акты, коими производится переход от одного лица другому права собственности на недвижимое имущество, на крепостных людей и на рекрутские зачетные квитанции, равно как и окончательные акты об увольнении крестьян в государственные, водворенные на собственных землях и в обязанные крестьяне». Впрочем, согласно примечанию к этой статье, «отпускные на увольнение людей из крепостного состояния лично без земли совершаются крепостным или домашним порядком, но с явкою у крепостных дел». Точно так же «обряд совершения купчих крепостей» (Св. Зак. Гражд. кн. III, разд. III, отд. 2-е) предписывает (ст. 1417): «Продажа всех недвижимых имуществ совершается

посредством купчих крепостей» и вслед за этим (ст. 1418): «Крепостные люди без земли и рекрутские квитанции (в дозволенных случаях) не могут быть продаваемы иначе, как крепостным порядком».

Тесная связь крепостных крестьян с недвижимым имением заметна в различных местах Свода Законов Гражданских. В книге IV («о обязательствах по договорам»), раздел II («о обеспечении договоров и обязательств вообще») содержит, между прочим, главы «о залоге недвижимых имуществ» (гл. III) и «о закладе движимых имуществ» (гл. IV). В главе о закладе движимых имуществ крепостные крестьяне не упоминаются, о них говорит глава именно о залоге недвижимых имуществ. Ст. 1637 (основанная на законе 2 мая 1833) устанавливает: «Крепостные люди без земли, как крестьяне, так и дворовые, не могут быть представляемы или принимаемы в обеспечение никаких частных долгов: посему и совершение закладных на крепостных людей без земли не может иметь места. При залоге имений не дозволяется владельцам выговаривать или оставлять за собою людей, отделяемых от семейств». Здесь можно провести полную аналогию с положением посессионных крестьян: согласно ст. 1634, «деревни, мастеровые и рабочие люди, леса и земли, состоящие при заводах и фабриках посессионных не могут быть отданы в залог особо от оных».

Та же связь крепостных с недвижимым имением выражена в главе о найме имуществ (разд. III, гл. II, ст. 1695): «запрещается отдавать в арендное содержание имения, населенные состоящими в помещичьем владении крестьянами». Ст. 1397, основанная в нижецитуемой части на манифесте о восьмой ревизии 16 июня 1833, говорит: «покупка людей без земли целыми семействами дозволяется и лицам, имеющим право дворянское, не иначе, как с припискою их к собственным населенным крепостными людьми имениям; посему воспрещается совершать купчие крепости на дворовых людей и крестьян безземельных, обоего пола, таким покупщикам, которые не имеют населенных имений». В соответствии с этим стоит и ст. 972 (в главе о дарении): «Дворянам, не имеющим за собою недвижимого населенного имения, не дозволяется приобретать даром дворовых людей и крестьян без земли». Далее, в видимое противоречие со ст. 386, не устанавливающей, что крепостные люди суть принадлежность недвижимого имения, ст. 1451 говорит: «В случае продажи населенного имения, надлежит показать: губернию и уезд, в которых оно состоит, название продаваемых деревень, количество при них пашенных и сенокосных земель, лесов всех угодьев десятинами или четвертями, с поименованием пустошей, в которых оные заключаются, и число в тех деревнях дворовых людей и крестьян мужеского рода по последней ревизии без исключения в течение оной убылых, как-то: умерших, беглых и отданных за те имения в рекруты». Ст. 929 (касающаяся ввода во владение недвижимым имуществом) прямо упоминает «людей, к имуществу принадлежащих (если оно населенное)». Наконец, тесная связь между крепостными крестьянами и землею выражается в обязательстве помещика наделять крестьян определенным количеством земли. Отсюда 4-й пункт 1396-й статьи[14]: «Если помещик продает из земли, населенной крестьянами, такое количество, что за тем будет оставаться у тех крестьян менее четырех десятин с половиною на душу, то он должен в то самое время, или по крайней мере не далее годового срока, обитающих на той земле крестьян или наделить землею соразмерно числу их душ, или перевесть на другие свои земли или продать их на законном основании другому, с таковою же обязанностью переселить сих крестьян на собственные покупщика земли... Если в течение годового срока наделение землею или переселение крестьян на другие земли не совершится, тогда сим людям дозволяется, по желанию их, или вступить в государственные крестьяне с водворением на казенных землях по распоряжению правительства, или причислиться в городское сословие»[15]. Эти 4 $^1/_2$ десятины земли на каждую мужеского пола ревизскую душу называются в другой статье «узаконенной пропорцией земли» (ст. 601). Таким образом, связь крепостных крестьян недвижимыми имениями[16] Сводом Законов не разрывается, несмотря на казалось бы решающее заявление статьи 404, относящей «права на крепостных» к разряду движимых имуществ.

Внутренние противоречия и разные понимания крепостного права остаются, как видим, в X томе Свода Законов неразрешенными и непримиренными. Ясно видна публичноправовая тенденция Сперанского в направлении к элементу a, но преодолеть частноправовое понимание крепостного права (b) она все же бессильна; X-й том колеблется между пониманием a_1 и b_1 и не устанавливает окончательно ни одного из них.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хотя и с этой стороны крепостное право императорской России изучено совершенно недостаточно. Широкую программу такого изучения и вместе блестящий образец исследований в этой области дал П. Б. Стру в своем «Крепостном хозяистве» (М., и Сабашн. 1913).
2. В записке, представленной в Комитет дек. 1826 г. (цитую по Семевскому, Крест. вопр. в России, т. 2, стр. 5—8).
3. Ук. 22 янв. 1719 (Памятники истории крестьян, под ред. Вормса и др. изд. Клочкова. М., 1910, стр. 96).
4. Курсив мой.
5. Курсив мой.
6. Памятники ист. крест., стр. 99.
7. Ср. Павлов-Сильванский. Соч. т. II (1910), стр. 69.
8. П.С.З. т. XXXII, № 25737.
9. 2-е П.С.З. т. II, № 906.
10. Указ 2 мая 1833 г. перепечатан из 2-го П.С.З. в Памятниках истории крестьян, стр. 212.
11. Цитую по сборнику «Памятники истории крестьян», стр. 230. Курсив мой.
12. Св. Зак. (изд. 1857), т. II, ч. I. ст. 299 (курсив мой).
13. В Св. Зак. изд. 1832 такой ст. нет. В Св. Зак. 1842 это ст. 371.
14. Т. X, ч. I Св. Зак. 1832 г. ст. 869 п. 4; 1842 г. — ст. 1154 п. 4.
15. Ср. т. X, ч. I Св. Зак. 1832 г. ст. 1045; 1842 г., ст. 1374.
16. Связь крепостного права с публичноправовым взглядом на владение крестьянской землей и отражение этой связи в пореформенном крестьянском праве выясняются в интересных лекциях по административному праву К. И. Зайцева (литогр. изд. Русск. Юрид. Фак. в Праге, ч. II, 1923, особ. стр. 168 — 181).

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

в Печерском уезде, где при ревизии школ школьный инспектор по всем предметам задает вопросы и требует ответа не на языке преподавания, а на государственном. Уровень знаний, даваемых школой, снижается. Это развал русской школы, вредный для детей, для меньшинства, для государства...

Эстонизация проводится по линии самоуправлений. Во всех русских волостных самоуправлениях секретарями являются эстонцы. Во главе Печерского уездного самоуправления назначена коллегия, в которой нет ни одного русского, хотя большинство населения в уезде русские.

Это же явление наблюдается по административной линии на окраинах. Административный аппарат почти сплошь состоит из эстонцев, часто плохо знающих русский язык. Следует отметить еще одну особенность назначений в русские районы: назначаются лица наиболее слабые по своим качествам, часто негодные для других уездов. Доступ в административный аппарат для русского закрыт. Это — правило. Некоторые исключения из него можно наблюдать еще в центре. Однако при таком отступлении от правила часто предъявляется новое требование переменить фамилию на эстонскую. Требования о перемене фамилии предъявляются как в центре, так и на окраинах. Они облекаются в форму «пожеланий», «советов». За ними всегда стоит принуждение: не переменишь, лишишься или не получишь работы, службы. Для окраинного крестьянина существует другая форма нажима: при приведении в порядок посемейных списков возьмешь эстонскую фамилию — у тебя не будет расходов, нет — плати 8 — 10 крон. Нельзя забыть принудительную эстонизацию фамилий периода двадцатых годов, когда, по образному выражению русских крестьян, их «крестили по эстонскому обряду». В результате такого крещения в чисто русских деревнях появились граждане с эстонскими фамилиями. Имеются русские деревни со сплошь эстонскими фамилиями (Кондуши 2-е). Добром своих крестителей эти граждане никогда не вспоминают.

Представители правительства не раз публично заявляли, что вопрос о перемене фамилий есть частное дело каждого. Никакого принуждения здесь быть не может. Такие заявления оставляют в населении чувство глубочайшего недоумения, так как в действительности такого рода нажим остается фактом.

При военном обучении молодежи отдельные чины позволяют себе делать резкие выпады против русской культуры, русской интеллигенции, вообще против русского народа. То же делают и иные гражданские чины в своих публичных выступлениях. Подобные выступления вбивают клин между меньшинством и большинством республики.

Что дает такая эстонизация? Носит ли она творческий характер или, наоборот, действует разрушающе? Мы считаем себя обязанными сказать, что меньшинственная политика подобного рода сеет национальную рознь, увеличивает отталкивание от большинства, плодит озлобление.

Русское меньшинство всегда было связано с эстонским государством тесными и искренними узами. Оно не ищет иноземной поддержки. Русские не участвовали в выступлениях коммунистических или вабсовских. Было бы непоправимой ошибкой эту связь рвать неправильной меньшинственной политикой. В результате такой политики национальная рознь и озлобление уже появились. Их накопление при данных условиях будет происходить и дальше. Это не укрепляет, а разрушает спайку между меньшинством и большинством, родит протест против национальной политики большинства, болезненно обостряет национальное самосознание. Лучшим доказательством правильности сказанного опять-таки является бегство русской молодежи в Советскую Россию. Одну из причин этого бегства мы уже назвали: тяжелое экономическое положение окраин. Другая причина бегства — сознание, что при настоящей меньшинственной политике Эстония не мать, а мачеха. Молодежь ярче чувствует национальное ущемление, резче на него реагирует.

Русских в Эстонии 8,2% всего населения. Мы — самая большая меньшинственная группа, но и самая неорганизованная, настолько, что до сего времени не имеем своего постоянного и независимого представительного органа, не имеем культурного самоуправления. И даже обсуждать вопросы, связанные с введением его, русским не разрешается администрацией. Хотя институт культурного самоуправления и предусмотрен конституцией республики, но почему-то интерес к этим вопросам считается признаком нелояльности.

Ввиду всего вышеизложенного, мы считаем своим долгом привести некоторые соображения относительно тех мероприятий, которые, по нашему мнению, могли бы внести оздоровление в хозяйственную жизнь русского населения, устранить ущемления его в правовой области и поднять школьное и внешкольное образование в среде русского населения на должную высоту.<...>

Члены Палаты депутатов

Председатель Правления Союза русских Просветительных и Благотворительных Обществ в Эстонии*	Председатель Правления Русского Национального Союза*

февраль 1939 г.

Из коллекции ЦХСД

Публикация
А. АРТИЗОВА

*Подписи неразборчивы.—*Ред.*

ВЫВОДЫ О ЕГО ВЗГЛЯДАХ ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРЫЕ ЕГО ЛУЧШЕ ЗНАЮТ, ЧЕМ Я...

О малоизвестных обстоятельствах встречи комбрига А. В. Горбатова с Вильгельмом Пиком

Герой Советского Союза генерал армии Александр Васильевич Горбатов (1891—1973) прожил большую, нелегкую жизнь, пройдя путь от солдата царской армии до командующего войсками одного из военных округов.

В октябре 1938 года комбриг Горбатов, заместитель командира 6-го кавалерийского корпуса, был уволен из армии и арестован. Через несколько месяцев, без участия сторон, состоялся суд, продолжавшийся всего лишь несколько минут. Приговор — пятнадцать лет лишения свободы и пять лет поражения в правах. Однако в марте 1940 года дело было пересмотрено, и в декабре Горбатов вернулся из Магадана в Москву. Войну комбриг Горбатов встретил в должности заместителя командира 25-го стрелкового корпуса.

3-я армия, которой он командовал в 1943—1945 годах, участвовала в битве за Берлин. После гибели первого коменданта Берлина — генерала Берзарина — этот пост занял генерал Горбатов.

В 1965 году Воениздат выпустил его мемуары «Годы и войны». Одна из глав — «Так было» — повествовала о том, что перенес Горбатов в тюрьме и в лагере.

В числе примечательных событий там рассказывается о встречах с представителем Коммунистической партии Германии в Исполкоме Коминтерна — Вильгельмом Пиком, будущим президентом Германской Демократической Республики. Встреч этих было несколько: одна в 1936 году, когда В. Пик приезжал во 2-ю кавалерийскую дивизию 7-го кавалерийского корпуса, которой командовал тогда Горбатов, а компартия Германии шефствовала над ней.

Другая встреча состоялась в конце августа 1941 года. После лечения в госпитале Горбатов, дожидаясь нового назначения, навестил Пика в его квартире в гостинице «Люкс» (ул. Горького, 10. Эта гостиница существует и сегодня, только называется «Центральной»).

В мемуарах Горбатов вспоминает, что, после того как он рассказал Пику о положении на фронте, тот позвонил начальнику ГлавПУРа Мехлису и попросил принять генерала. Ночью Горбатов был разбужен, его доставили к Мехлису, и тот высказал ему свое неудовольствие. Присутствовавший при разговоре начальник Главного управления кадров Красной Армии Щаденко сказал: «Видно, мало его поучили на Колыме...». Горбатова спас маршал Тимошенко, взяв к себе, на Юго-Западное направление.

В фондах Коминтерна (РЦХИДНИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 172. Л. 4—11) хранятся два документа, которые по-иному трактуют обстоятельства второй встречи.

Сов. секретно

Лично
ТОВАРИЩУ МЕХЛИСУ

Посылаю Вам при сем приложенное сообщение т. Пика о его беседе с Горбатовым, о котором я Вам вчера ночью звонил.

С товарищеским приветом,

(Г. ДИМИТРОВ)

27 августа 1941 года
№ 331

Отправитель письма известен хорошо — это глава Исполкома Коминтерна Георгий Димитров. Пика он именует «товарищем». Перед фамилией Горбатова такого обращения нет. Это очень плохой признак.

Второй документ тоже имеет гриф «Совершенно секретно» и напечатан в двух экземплярах — один экземпляр Пик, видимо, оставил при себе. Датирован 27 августа 1941 года и называется: «Высказывания комбрига Горбатова при посещении тов. Пика Вильгельма в его квартире на ул. Горького 10, 26 августа в 17 час.».

Рассказав историю своего знакомства с Горбатовым (она совпадает с тем, что приведено в мемуарах), Пик пишет:

«...В начале или в середине марта 1941 года Горбатов посетил меня на квартире и сообщил, что он после 28-месячного пребывания в лагере освобожден и полностью реабилитирован. Я его сердечно поздравил». (Пик указал также, что Горбатов хотел с ним встретиться и раньше, до ареста, но Пик отказался — он в то время избегал таких встреч. Следующая встреча состоялась 26 августа, в 17 часов.)

«Мое общее впечатление — Горбатов находится в состоянии глубокого пессимизма, почти паникерства, что на него сказывается 28-месячное пребывание в лагере и нервы его не в порядке. Он очень обижен, не может объективно судить о ходе войны и склонен переоценить силы противника и недооценить наши силы. Отдельные высказывания говорят о пренебрежении к боевой мощи Красной Армии и к ее руководству. Я не могу сказать, насколько состояние Горбатова соответствует данной мной оценке. Это товарищи сумеют лучше сделать на основе его поведения на фронте. Беседа началась с моего замечания, что настоящий момент очень трудный. Он это понял таким образом, что я имею в виду его пребывание в лагере, и ответил, что длительное пребывание в лагере Коломбо было тяжелым испытанием для него и только хорошее состояние здоровья позволило все преодолеть. Многие из находящихся в лагере погибли. После этого он снова приступил к активной военной работе и с началом войны отправился на фронт, был легко ранен в ногу, 18 дней лежал в лазарете.*

...Я думал, что Горбатов хотел выяснить у меня положение в Германии, международное положение, или что у него есть какой-то личный вопрос. Но Горбатов перешел сразу же к фронтовым впечатлениям, которые я передаю по памяти, а не дословно».

*Так в тексте. Горбатов был на Колыме. — *Ред.*

1939 год: русские в независимой Эстонии

В последнее время положение населения в суверенных республиках привлекает внимание широких кругов общественности. Что ждет русских людей в независимых государствах? Каким окажется их будущий правовой и экономический статус?
Не предваряя завтрашний день, с этой точки зрения любопытно оглянуться в прошлое. Такую возможность дает публикуемое обращение председателей правлений Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии и Русского национального союза к президенту Эстонской республики Пясту. Дата обращения — февраль 1939 года (самый канун событий, связанных с вхождением прибалтийских республик в СССР) — красноречива. Документ как бы фиксирует ситуацию после двадцатилетнего отторжения русского населения от Отчизны в результате Тартуского договора между РСФСР и Эстонией от 2 февраля 1920 года.
Обращение в числе других аналитических документов по Эстонии в 1940 году было представлено органами НКВД в ЦК ВКП(б), где осело в архиве.

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ПРАВЛЕНИЙ СОЮЗА РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ В ЭСТОНИИ И РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЮЗА К ПРЕЗИДЕНТУ ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Глубокоуважаемый господин Президент, мы, русские народные представители в палате депутатов, считаем своим долгом в настоящем обращении к Вам осветить некоторые особенности экономического, правового и культурного положения русского национального меньшинства в нашем государстве.

В конце 1938 года мы имели честь беседовать с Вами по ряду затронутых в настоящем обращении вопросов, и Вы сами тогда выразили желание иметь докладную записку, более подробно развивающую тему нашей беседы с Вами. При составлении ее мы руководствовались сознанием своей ответственности как перед русским меньшинством в Эстонии, так и перед государством в его целом.

Прежде всего мы считаем своим долгом осветить те стороны жизни русского населения, которым меньше всего могли уделить внимания при устной беседе с Вами, а именно экономическому положению русского окраинного населения Эстонии: Печерского края, Причудья и Принаровья. Оно резко отличается от экономического положения других уездов Эстонии.

Крестьянское хозяйство русских деревень в массе малоземельно, имеет мало скота и машин. Правильность высказанных положений легко подтвердить рядом цифр, взятых из оригинальных изданий.

В зависимости от количества земли хозяйства русских окраин разбиваются на следующие группы в процентном отношении ко всему числу хозяйств:

	1-5 га	5-10 га	10-20 га	20 и выше га
Печерский край	34%	35%	23%	8%
Принаровье	32%	34%	22%	12%
Причудье	83%	13%	4%	—
В среднем по стране	18%	16%	26%	40%

Таблица с несомненностью указывает на сильное малоземелье русских окраин. Такого малоземелья в прочих уездах нет. В них количество дворов, имеющих от 1 до 10 га земли на двор, колеблется от 16,3% (Лянемаа) до 39,6% (Тартумаа). В Печерском крае эта группа охватывает почти 70% всего числа хозяйств, в Принаровье — 66%, в Причудье — 96%. Необходимо отметить еще одно: земли Принаровья и Причудья бедны пашней и богаты заболоченными выгонами и покосами...

В печати, в заявлениях отдельных представителей власти часто слышится фраза: русские сами виноваты, они мало заботятся об улучшении своего хозяйства, не хотят поднимать его доходность. Это утверждение не отвечает истинному положению вещей. Русский крестьянин окраинных волостей сделал очень много, чтобы увеличить производительность земли и поднять доходность своего хозяйства. Для доказательства достаточно привести такой факт: переход от чрезполосного землевладения к хуторскому и отрубному в громадном ряде окраинных деревень сделан за счет самих крестьян. Период землеустроительных работ и последовавший за ним переход к новым формам землепользования потребовал от окраинного крестьянства больших вложений труда и денежных средств. Можно назвать и ряд других фактов важного значения. Повышение урожаев ощутимо на глаз: Принаровье перестало покупать хлеб. В недавнем прошлом большинству хозяев его хватало лишь до Рождества. То же можно сказать и о Печерском крае.

Другими словами, русский крестьянин окраинных деревень делал и делает все, что в его силах и разумении, чтобы поднять производительность земли и хозяйства. Несмотря на эти условия, бедность является его отличительной чертой. Дело в том, что личных сил и средств окраинного крестьянина для поднятия производительности земли и всего хозяйства недостаточно. Нужна строго продуманная и регулярная помощь государства. Ее пока недостаточно. Отсюда трудность положения.

Эту трудность положения особенно остро чувствует крестьянская молодежь окраинных деревень. Ее чувствует и старшее поколение. Но молодежь требовательнее, энергичнее, решительнее в своих выводах и поступках. Здесь кроется одна из причин бегства русской молодежи в Советскую Россию.

Тяжелое экономическое положение осложняется национальной политикой, которая положена в основу политического курса последних лет. Сущность этой политики — насильственная эстонизация русского меньшинства и в особенности русских окраин.

Наиболее яркое выражение эстонизация нашла в школе. Русская школа разрушается. Это разрушение идет разными путями. Назовем главные из них. Заведующими в русские школы назначают эстонцев. Число таких назначений можно проследить по табличке, составленной в процентах ко всему числу заведующих русскими школами:

	1935 г.	1939 г.
Печерский край	13,5	30,0
Причудье	9,0	36,0
Принаровье	4,3	17,4

Почти треть русских школ Печерского уезда, больше трети школ Причудья и 17% школ Принаровья имеют заведующими эстонцев. Они часто плохо владеют русским языком. Назначенных заведующих население рассматривает как чужаков, как эстонизаторов, и местами окрестило их «шпионами». Нетрудно понять, что при таком положении нормальных отношений между населением и заведующими школой быть не может. Эти отношения осложняются еще и тем, что заведующие по собственному рвению или приказу школьного инспектора часто ведут протоколы заседаний попечительских советов на эстонском языке. Правильное течение школьной жизни требует самого тесного общения между руководителем школы и населением, тогда как в настоящее время это — враждующие лагери.

Далее, в русские школы назначаются эстонцы и просто учителями. Наиболее ярким примером в этом отношении является русское начальное училище в городе Печерах, где на 7 человек учащих — 6 эстонцев, одна русская. Часть из них, как аспиранты, даже не имеют педагогической подготовки. Таких аспирантов-педагогов в уезде оказалось 5 человек.

Для иллюстрации степени знания русского языка некоторых учителей русских школ можно привести такие примеры: они требуют от учеников писать «рош» вместо «рожь», «дет» вместо «дед», «пищера» вместо «пещера», «не баловайтесь» вместо «не балуйтесь», «два сыновья» вместо «два сына», «этот тетрадь» вместо «эта тетрадь» и т. д. Спрашивается, что может дать русскому ребенку такой учитель? Это еще один путь разрушения русской школы.

Количество уроков на родном языке всячески сокращается. Для изучения государственного языка учебной программой отведено пять часов в неделю. Школьный инспектор Печерского уезда требует, чтобы государственному языку отводилось семь — восемь часов в неделю. Требование выполняется за счет уроков на родном языке. Запуганный учитель все свое внимание сосредоточивает только на эстонском языке. Остальные уроки, в том числе и родного языка, отходят на второй план. По ряду предметов ребят заставляют зазубривать ответы по-эстонски, хотя предметы эти должны преподаваться на родном языке. Это делается

Высказывания Горбатова описываются следующим образом:

«...Положение Красной Армии очень тяжелое. Технические средства и оружие лучше немецких, но используются плохо, в то время как немцы используют свою технику полностью. За те два года, что Германия вела войну, мы ничему не научились... Красноармейцы не овладели новым оружием, и при всяких затруднениях возникают слухи, что старое оружие было лучше, а при создании нового было вредительство. При этом ссылаются на большие процессы против врагов и вредителей. Красноармейцы говорят — не является ли вредительством то, что их постоянно посылают в бой, чтобы уничтожить. Разговоры о вредительстве используются для того, чтобы оправдать отступление. Много случаев трусости — если немцы с танками оказываются в тылу, поднимается крик, что мы окружены и надо отступать. У солдат развивается психоз страха — они видят врага там, где его нет, особенно это относится к разведчикам. Когда Горбатов проверил сообщение разведки, что немцы в километре, оказалось, что их нет и в десяти километрах... Велик страх перед немецкой авиацией. Немцы низко летают над нашими частями и обстреливают их. Наша авиация слаба — большая часть ее была уничтожена на земле в первый день войны. Поэтому наши потери велики, а немецкие потери малы. Это объясняется еще и тем, что мы все время отступаем и не сдерживаем наступление противника.

На мое замечание — не является ли тактически более правильным отступать, при наступлении немцы много теряют и становятся слабее, Горбатов ответил, что не так много они в данных условиях теряют и при решительных боях их потери были бы больше.

Он считает, что не следует во время воздушной тревоги всем находиться в бомбоубежище — ведь над Москвой всего несколько самолетов противника. Было бы лучше, если бы народ привык к воздушным нападениям, тогда бы и на фронте этого не боялись. Так же и с затемнениями передергивают — небольшие отблески света летчикам с высоты не видны.

Немцы ведут в занятых областях очень тонкую пропаганду. В своих листовках они сообщают, что сын Сталина обратился к своему отцу с письмом — прекратить сопротивление, что русский народ обманут своим правительством, и пусть он убивает коммунистов и евреев и сдается. В занятых областях немцы продают населению сахар за 26 копеек, дешевые папиросы, чтобы таким образом завоевать на свою сторону население. На мой вопрос о терроре немцев Горбатов сказал, что хотя наши газеты об этом пишут, но он этого не видел. На вопрос о партизанской борьбе Горбатов ответил, что они очень мало делают в тылу, хотя пишут очень много. Совершенно другое дело будет, когда мы немцев погоним, тогда партизаны много сделают.

Дальнейшее развитие войны Горбатов считает очень опасным для нас...

Таковы в общем высказывания Горбатова. Я выступал против его основных высказываний, но основной моей задачей было — чтобы он развернул свои выводы. По мере моих возражений он от своих выводов иногда отходил и соглашался с моими, признав, например, что наше положение на фронте значительно улучшилось...».

Самым главным доводом Пика было то, что нельзя смешивать промышленных рабочих Германии с теми войсками, которые по приказу Гитлера ведут войну против СССР.

Заявление кончалось так:

«После его ухода я размышлял над высказываниями Горбатова — какую цель он преследовал, излагая их мне. Возможно, он хотел рассеять свои сомнения и получить от меня совет. Но он ставил очень мало вопросов. Поскольку Горбатов меня знает, я сомневаюсь, что он хотел произвести на меня впечатление своими пессимистическими и очень опасными высказываниями. Когда я против них возражал, он от них отказывался. Поэтому я считаю, что выводы о его взглядах должны сделать организации, которые его лучше знают, чем я».

Да, комбриг Горбатов, не солгавший ни слова, был на волосок от гибели. «Организации», как деликатно называл их Пик, активно искали «виновников» поражений частей и соединений Красной Армии.

16 июля 1941 года было издано постановление Государственного Комитета Обороны № 00381 об аресте и преданию суду группы генералов во главе с командующим Западным фронтом генералом армии Д. Г. Павловым, расстрелянных 22 июля 1941 года. Несколько позднее, в ноябре 1941 года, арестована группа преподавателей Военной академии им. Фрунзе — генералы Н. И. Плюснин, Ф. С. Бурлачко, Г. А. Армадеров, А. Я. Соколов, Ф. К. Кузьмин, А. Г. Ширмахер, а в августе еще арестован генерал Н. И. Гапич. Им вменялись в вину пораженческие настроения и попытка сдачи Москвы немцам. И донос Пика наверняка сыграл бы свою роль, тем более что подан он был через Генерального секретаря Исполкома Коминтерна.

Но, может быть, Вильгельм Пик чувствовал себя непрочно в эти страшные для нашей страны дни? Ведь в октябре 1941 года в Красную Армию были призваны и посланы в «рабочие колонны» в Новосибирск Петер Флорин и Эрнст Апельт. Первый — сын секретаря ИККИ и ЦК КПГ Вильгельма Флорина, второй — сын руководящего работника ИККИ и КПГ Фридриха Апельт-Беккера. В Лениногорск направлен Эдуард Свиталла, сын руководящего работника КПГ и немецкой интербригады в Испании С. Свиталлы. В начале ноября 1941 года начальник разведывательного управления НКГБ старший майор госбезопасности Л. Фитин просил Г. Димитрова срочно разыскать группу немцев-политэмигрантов, выселенных в начале войны из Москвы — они заинтересовали товарища Фитина...

И не принял ли Вильгельм Пик, хорошо знавший нравы тех лет, появление малознакомого комбрига, стремящегося излить душу, за очередную проверку тех самых «организаций», о которых он писал в своем заявлении?

Публикация и комментарий
Л. РЕШИНА

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вопрос руководства Компартии Сальвадора

1. Удовлетворить просьбу руководства Компартии Сальвадора и поручить Министерству гражданской авиации обеспечить в сентябре — октябре с. г. транспортировку партии стрелкового оружия и боеприпасов западного производства, весом 60—80 тонн из Ханоя в г. Гавану для передачи через кубинских товарищей сальвадорским друзьям.

Расходы по доставке оружия из г. Ханоя в г. Гавану отнести за счет ассигнований по Госбюджету СССР на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам.

2. Утвердить тексты телеграмм совпослам на Кубе и во Вьетнаме (прилагаются).

Подписи секретарей ЦК

Сов. секретно
Особая папка
Приложение I
Срочно

ГАВАНА

СОВПОСОЛ

662. Передайте Генеральному секретарю ЦК Компартии Сальвадора т. Шафику Хандалю или за его отсутствием представителю руководства Компартии Сальвадора, что просьба о транспортировке оружия западного производства из Вьетнама на Кубу рассмотрена в инстанции и принято положительное решение. Сообщите об этом также руководству кубинских друзей, скажите при этом что принимая решение у нас исходили из того, что между товарищами Ф. Кастро и Ш. Хандалем существует договоренность по данному вопросу*.

Для Вашего сведения: доставка оружия будет осуществляться самолетами Аэрофлота. Окажите необходимое содействие в организации передачи в г. Гаване этого груза кубинским товарищам для сальвадорских друзей.

Об исполнении информируйте.

Сов. секретно

ЦК КПСС
О ПРОСЬБЕ РУКОВОДСТВА КОМПАРТИИ ЧИЛИ

Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили (КПЧ) т. Луис Корвалан обратился в ЦК КПСС с просьбой (прилагается) принять в СССР в 1981 году для прохождения специальной подготовки (минно-подрывное дело, совершение диверсионных акций) 15 активистов КПЧ (три группы по 5 человек), оплатив им проезд от Чили или другой страны пребывания до г. Москвы и от г. Москвы до Чили. Тов. Л. Корвалан мотивирует просьбу тем, что развитие обстановки в стране требует от партии овладения всеми формами борьбы и подготовки для этого.

Считали бы возможным удовлетворить просьбу руководства КПЧ. Прием, обучение и оплату проезда чилийских товарищей можно было бы возложить на Министерство обороны СССР. С заместителем начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР т. Павловым А. Г. вопрос согласован.

Зам. зав. Международным отделом
ЦК КПСС *(К. Брутенц)*

30 октября 1980 года

Совершенно секретно
Особая папка

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
О ПРОСЬБЕ РУКОВОДСТВА КОМПАРТИИ ЧИЛИ

1. Удовлетворить просьбу руководства Коммунистической партии Чили и принять в СССР в 1981 году на срок до шести месяцев для прохождения специальной подготовки (минно-подрывное дело, совершение диверсионных акций) 15 представителей КПЧ.

2. Прием и обслуживание, материальное обеспечение и обучение чилийских товарищей, а также оплату их проезда (включая расходы в инвалюте) от Чили или другой страны пребывания до г. Москвы и от г. Москвы до Чили возложить на Министерство обороны.

Подписи секретарей ЦК

Совершенно секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СЕКРЕТАРИАТА ЦК КПСС

от 8 января 1986 г.

ОБ ОКАЗАНИИ ФИНАНСОВОЙ ПОМОЩИ ДЛЯ УХОДА ЗА МОГИЛОЙ К. МАРКСА*

Министерству финансов СССР выделить Министерству иностранных дел СССР для совпосольства в Великобритании 1200 инвалютных рублей в целях оказания финансовой помощи «Обществу друзей Хайгейтского кладбища» по уходу за могилой К. Маркса.

Секретарь ЦК КПСС *Е. Лигачев*

ЦХСД. Ф. 4. Оп. 28. Д. 1452. Л. 53, 56—57.

Публикация И. ШЕВЧУКА

* Знаки препинания подлинника сохранены. — *Ред.*

* По данному постановлению голосовали «за» — секретари ЦК КПСС: Пономарев Б. Н., Лигачев Е. К., Зимянин М. В., Капитонов И. В., Зайков Л. Н., Долгих В. И., Ельцин Б. Н.

ДИСКРЕДИТИРОВАННЫЙ ДАЛЛЕС

Провал разведывательной операции ЦРУ с самолетом «Локхид У-2» вызвал широкий общественный резонанс в мире и существенно повлиял на состояние советско-американских отношений. Однако нотами протеста и разоблачительными статьями в прессе дело не кончилось. Комитет госбезопасности не на шутку обиделся и решил провести специальные «мероприятия», направленные на дискредитацию деятельности ЦРУ и компрометацию его руководителя Аллена Даллеса. Тогдашний председатель КГБ А. Шелепин направил в ЦК КПСС три записки. В первой из них подробно излагался план мер, а в двух других, которые мы и предлагаем вашему вниманию, Шелепин отчитывался о проделанном.

Публикуя эти документы, мы далеки от сарказма по поводу «козней» госбезопасности. Дело как раз не столько в КГБ, сколько в циничных методах работы, характерных для спецслужб всех стран.

Особая папка
сов. секретно

СССР
Комитет
государственной безопасности
при Совете Министров СССР
3 ноября 1960 г.
№ 2870-Ш
гор. Москва

ЦК КПСС

В ходе выполнения одобренных ЦК КПСС мероприятий по дискредитации деятельности Центрального разведывательного управления США и компрометации его руководителя Аллена ДАЛЛЕСА, изложенных в письме КГБ № 1501-ш от 7 июня 1960 года, проделано следующее.

В целях осуждения провокационно-шпионской деятельности американской разведки широкими кругами общественности капиталистических стран были инспирированы запросы депутатов в английском, греческом и ливийском парламентах об отношении правительств к враждебным акциям США, усиливающим международную напряженность, о наличии шпионских самолетов «Локхид У-2» в указанных странах и мерах, предпринимаемых для исключения возможной провокации американцев против СССР с их территории.

Наряду с этим в английский парламент внесена резолюция «Ответственность США за напряженность в мире», подписанная 48 членами парламента. У здания американского посольства в Лондоне организована демонстрация протеста с требованием прекратить использование английской территории для шпионских полетов.

Правительство Финляндии через норвежского посла в Хельсинки направило правительству Норвегии рекомендацию выступить перед США с требованием о прекращении использования норвежских аэродромов для базирования самолетов «У-2».

В Бирме президиумом «Народного объединенного фронта» направлен правительству США протест, в котором ответственность за усиление международной напряженности возлагается на американские милитаристские круги.

С целью усиления антиамериканских настроений среди населения всех стран мира, создания недоверия со стороны общественности к американцам был организован выпуск и распространение брошюр, памфлетов, листовок, а также печатание статей в буржуазной прессе.

Так, в Японии издано пять памфлетов, резко критикующих политику японского правительства, внешнюю политику США и провокационные акции их разведок.

В Индии опубликованы три брошюры, разоблачающие агрессивную сущность американской политики по отношению к странам Юго-Восточной Азии.

В Англии широко распространена брошюра, в которой резко критикуется политика «на грани войны», проводимая правящими кругами США.

Изготовлен и предан гласности доклад американского разведчика ЭММЕНСА послу США в Японии МАКАРТУРУ о временном перебазировании самолетов «У-2» из Японии и намерении американской разведки возвратить их на прежние базы без ведома японского правительства.

В буржуазной прессе Индии, Англии, Индонезии, Италии и других стран опубликовано свыше 200 статей с разоблачением агрессивного курса американского правительства и подрывной деятельности ЦРУ. В Италии опубликована, в частности, документированная статья о связях вице-президента США НИКСОНА и руководителя ЦРУ ДАЛЛЕСА с американской авиационной компанией «Локхид» и их обогащении на заказах разведывательных самолетов этой фирме. Для того, чтобы содержание статьи стало достоянием общественности США, она направлена в американские газеты.

В ряде капиталистических государств организованы направление в местную печать писем антиамериканского содержания от имени читателей, а также посылка писем граждан этих стран в ООН и посольства США с осуждением провокационных действий американской военщины.

Для обострения антагонизма между ЦРУ, ФБР и ведомственными разведками США, а также усиления в аппарате ЦРУ атмосферы взаимного недоверия и подозрительности осуществлен ряд мероприятий, показывающих серьезные недостатки в работе ЦРУ. В частности, легендирован провал в Советском Союзе американского агента Славнова. Сообщение о его аресте органами КГБ в августе с. г. было опубликовано в центральных газетах.

В Западной Германии распространены материалы, изготовленные по образцам добытых у американского разведчика МЕЛБАРДИСА документов, в которых разоблачается руководство и финансирование разведкой США антисоветской организации СБОНР.

Изложенные выше и другие проведенные Комитетом госбезопасности мероприятия получили широкий отклик в прессе и среди общественности и оказали некоторое воздействие на политику правящих кругов.

В связи с крупными провалами в работе ЦРУ и осуждением общественностью провокационной деятельности разведки США сенатской комиссией по расследованию антиамериканской деятельности принято решение о проверке ЦРУ и военной разведки.

Учитывая это, Комитетом госбезопасности принимаются меры к дальнейшей компрометации ЦРУ и его руководителя А. ДАЛЛЕСА. Подготовлен для распространения за границей сатирический памфлет на ДАЛЛЕСА, разоблачающий его деятельность, направленную против мира.

По договоренности с немецкими, чешскими и польскими друзьями ими в ближайшее время будут организованы открытые судебные процессы над арестованными американскими шпионами и выступления некоторых агентов на пресс-конференциях, в печати и по радио.

Составлен для издания Советским информбюро на русском, английском, французском и испанском языках сборник фактов о шпионско-подрывных действиях США.

Предусматривается более широко использовать бывших сотрудников американской разведки МИТЧЕЛА и МАРТИНА путем публикации их разоблачительных выступлений и статей.

Кроме того, в мероприятиях по компрометации разведки США намечается предать гласности имеющиеся подлинные и специально изготовленные документы, разоблачающие ее провокационную деятельность по склонению советских граждан к измене Родине и показывающие банкротство антисоветских эмигрантских организаций.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ А. ШЕЛЕПИН

Сов. секретно

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
«25» февраля 1961 г.
№ 485-Ш
гор. Москва

Комитет госбезопасности № 2870-Ш от 3 ноября 1960 года докладывал о выполнении решения ЦК КПСС № 153/30-С от 14 июня 1960 года по дискредитации деятельности Центрального разведывательного управления США и компрометации его руководителя Аллена ДАЛЛЕСА.

За истекшее время в этом направлении проведен ряд дополнительных мероприятий: опубликованы новые материалы о шпионской деятельности разведки США против своих союзников, скомпрометированы перед индийскими властями американские разведчики, работающие под прикрытием посольства США в Дели, разоблачена деятельность американских послов в Мексике, Бразилии, Камбодже и Конго, занимающихся шпионажем и грубо вмешивающихся во внутренние дела этих стран, раскрыты перед общественностью новые факты об использовании американской разведкой антисоветских эмигрантских организаций и засылке агентуры в СССР по нелегальным каналам, а также преданы гласности подлинные и специально изготовленные документы разведки США о работе по склонению к измене Родине граждан стран социалистического лагеря и опубликованы по этому вопросу соответствующие статьи в советской и буржуазной прессе.

По полученным Комитетом госбезопасности данным, американская разведка в последнее время предпринимает попытки активизировать подрывную деятельность против Советского Союза и других социалистических стран, используя в этих целях возможности разведок капиталистических государств. Представители американской разведки обсуждали с руководителями разведывательных органов Турции мероприятия по усилению подрывной деятельности против СССР. В ряде турецких газет появились антисоветские статьи и клеветнические публикации о советском шпионаже. В Швейцарии участились провокации против сотрудников представительств СССР и других социалистических государств. В США крупнейшая радиотелевизионная компания «Коламбия бродкастинг систем» 15 февраля с. г. показала по телевидению резко антисоветскую постановку «Шпион рядом с Вами». Передача закончилась выступлением члена сенатской подкомиссии по внутренней безопасности сенатора-республиканца ХРУШКА, который призвал американцев избегать общения с советскими представителями в США.

В связи с этим Комитет госбезопасности считает целесообразным продолжить работу по разоблачению подрывной деятельности американских разведывательных органов, усилению недовольства мировой общественности и в первую очередь нейтральных государств

провокационными действиями ЦРУ, вызову недоверия к руководству американской разведки со стороны правительства КЕННЕДИ и разведок союзников, а также созданию атмосферы неуверенности и взаимной подозрительности в аппарате американских разведывательных и контрразведывательных служб. В этих целях намечается:

1. Предать гласности за границей 5 подлинных документов американской разведки с тем, чтобы укрепить версию о наличии в ее аппарате лиц, выступающих против проводимой ДАЛЛЕСОМ и другими руководителями разведки США политики провокаций. Имеется в виду этим также документально подтвердить, что американская разведка ведет шпионскую работу против Англии, ФРГ, Турции, Швеции и ОАР.

В указанных документах излагаются добытые американской разведкой сведения о стратегическом резерве британской армии на Среднем Востоке, численности, вооружении и местах дислокации западногерманской армии, непрочности режима ГЮРСЕЛЯ и Комитета национального единства в Турции, разработке в Швеции химического оружия, положении на сирийско-иорданской границе и военных мероприятиях ОАР в этом районе.

2. Создать у американцев мнение о том, что утечка документальной информации идет непосредственно из аппарата ЦРУ, для чего через подставленный противнику канал инспирировать направление из Вашингтона имеющейся в КГБ подлинной секретной директивы за подписью ДАЛЛЕСА.

3. Подготовить мероприятия по разоблачению действий американской разведки, направленных на устранение с политической арены неугодных США политических деятелей и правительств, в частности, в Индии и Турции, а именно:

— довести по неофициальным каналам до сведения НЕРУ материалы, свидетельствующие о том, что американцы предпринимают меры к созданию обстановки, вынуждающей НЕРУ и других государственных деятелей уйти в отставку;

— инспирировать сообщения в буржуазной печати о том, что американская разведка планирует проведение мероприятий по удалению из Комитета национального единства еще одной группы политических деятелей, выступающих за независимый от США политический курс Турции.

4. Собрать и предать гласности факты широкого использования разведкой США американских программ помощи слаборазвитым странам в целях вербовки и подготовки агентуры для шпионско-подрывной работы в Азии, Африке и Латинской Америке.

5. Направить в адрес члена сенатской комиссии США по ассигнованиям ЭЛЛЕНДЕРА специально изготовленное письмо от имени сотрудника американской разведки с разоблачением мер, которые были приняты руководством разведывательных служб с тем, чтобы скрыть от ЭЛЛЕНДЕРА действительные расходы на агентурную работу.

6. Довести до сведения мировой общественности содержание изданного информационным агентством США секретного «Справочника агитатора», являющегося по существу инструкцией для американской агентуры по вопросу идеологической обработки советских граждан и сбору разведывательных сведений. Сообщения по этому вопросу иллюстрировать фотокопиями выдержек из «Справочника агитатора» и сопроводить комментариями об использовании американской разведкой пропагандистских органов США в шпионских целях.

8*. Опубликовать по согласованию с польскими друзьями заявления разоблаченных в Польше курьеров ОУН ЛЕВИЦКОГО и ГАНЯКА, а также используемых нами в оперативной игре с противником радистов мюнхенского разведцентра «Лаврина» и «Модеста» и курьеров «Зруба» и «Липы» с целью компрометации главарей ОУН как агентов американской разведки.

9. Наряду с разоблачением шпионско-подрывной деятельности разведки США провести мероприятия, направленные на усиление противоречий между разведывательными службами стран — участниц НАТО, для чего:

— создать видимость, что западногерманская разведка ведет активную разведывательную работу против Франции и Англии. В этих целях продвинуть в правительственные круги Франции 2—3 подлинных документа Генерального штаба Национальной обороны Франции, как якобы добытые агентурой западногерманской разведки, и специально изготовленный меморандум за подписью ГЕЛЕНА, из которого было бы видно, что разведывательные органы ФРГ для ведения работы против своих союзников направляют разведчиков в штабы и другие учреждения НАТО, находящиеся за границей;

— довести по оперативным каналам до французской разведки сведения о том, что осужденные в 1959 году в ФРГ французские агенты КАПРИНСКИЙ, КРАУЗЕР и ОТТО были разоблачены благодаря информации, полученной западногерманской контрразведкой от американской разведки;

— рекомендовать друзьям рассмотреть вопрос об аресте 8—10 выявленных нами в Германии агентов английской разведки из числа немцев и проведении мероприятия по захвату официального сотрудника английской разведки во время его встречи в ГДР со своим агентом. Создать убеждение у англичан, что виновниками провала этих агентов являются сотрудники американской разведки. На основе показаний арестованных агентов разоблачить в печати шпионскую деятельность английской разведки против ГДР и других стран социалистического лагеря.

Прошу рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ *(А. ШЕЛЕПИН)*

* Пункт 7, в котором предлагалось организовать открытые судебные процессы по делам арестованных агентов американской разведки в ГДР, Венгрии и Болгарии, был в ЦК вычеркнут. — *Ред.*

МЯТЕЖНЫЙ КАПИТАН

С огромным трудом, преодолевая сопротивление цензуры, в № 2 за 1990 год редакции журнала «Родина» удалось опубликовать очерк о капитане 3 ранга В. М. Саблине. Воспоминания очевидцев, личные письма офицера рисовали портрет неординарного, глубоко размышляющего человека. Осознавая несправедливость партийно-номенклатурной политики, переживая за судьбу страны, Саблин решился на отчаянный и, казалось, безрассудный поступок — захват большого противолодочного корабля «Сторожевой» с целью публично обратиться к советскому народу. И хотя Саблин потерпел неудачу, имя его стало известно на флоте, а очерк в «Родине» писателя Н. Черкашина вызвал широкий сочувственный отклик читателей.

Прошло три года, в стране многое поменялось, и у нас впервые появляется возможность рассказать о тех событиях на основе секретных документов, хранившихся в «особой папке» Политбюро.

Особая папка
Сов. секретно

Экз. № 1

ЦК КПСС

О НЕПОВИНОВЕНИИ ЧАСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПРОТИВОЛОДОЧНОГО КОРАБЛЯ «СТОРОЖЕВОЙ» БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА.

Докладываю:

В ночь с 8 на 9 ноября с. г. заместитель командира по политической части противолодочного корабля «Сторожевой» капитан 3 ранга САБЛИН, 1939 г. рождения, русский, окончил Военно-политическую академию им. Ленина в 1973 г., обманным путем изолировал командира корабля капитана 2 ранга ПОТУЛЬНОГО А. В. и, склонив на свою сторону двух офицеров и 10—12 человек личного состава, в 3.20 9 ноября снялся с якоря в Риге и вышел в Балтийское море, объявив экипажу, что следует в Кронштадт.

На приказание возвратиться в базу САБЛИН не реагировал.

После предупредительных выстрелов и бомбометания по курсу корабля авиацией ВВС корабль остановился. Силами личного состава командир корабля капитан 2 ранга ПОТУЛЬНЫЙ А. В. был освобожден и вступил в командование. САБЛИН арестован.

В 15.00 9 ноября корабль поставлен на якорь в Рижском заливе.

Ведется следствие.

А. ГРЕЧКО

«10» ноября 1975 г.

Совершенно секретно

Экз. № 1

Министру обороны Союза ССР
Маршалу Советского Союза
товарищу ГРЕЧКО А. А.

Докладываем:

Комиссия, назначенная Вашим приказом № 00105 от 9 ноября 1975 года, произвела расследование случая неповиновения, имевшего место 8—9 ноября с. г. на большом противолодочном корабле «Сторожевой» 128 бригады ракетных кораблей Балтийского флота.

Большой противолодочный корабль «Сторожевой» построен в 1973 году и вступил в состав флота в марте 1974 года. Корабль личным составом, вооружением и положенными запасами укомплектован полностью. В 1974—75 годах корабль нес боевую службу в Средиземном море, совершил дальнее плавание через Атлантический океан на Кубу, активно участвовал в учении «Океан—75», неоднократно заходил в иностранные порты. Корабль в этот период с поставленными задачами справился. Личный состав достойно представлял нашу Родину за рубежом. План боевой и политической подготовки за 1975 год выполнен с общей оценкой хорошо.

Командир корабля капитан 2 ранга ПОТУЛЬНЫЙ А. В., 1936 года рождения, русский, в Военно-Морском Флоте с 1954 года, член КПСС с 1958 года, окончил ВВМУ имени Фрунзе в 1958 году, по службе характеризуется положительно. В должности — с февраля 1973 года.

Бывший заместитель командира корабля по политической части капитан 3 ранга САБЛИН В. М., 1939

года рождения, русский, в КПСС состоял с 1959 года, в Военно-Морском Флоте — с 1956 года, окончил ВВМУ имени Фрунзе в 1960 году, до 1969 года служил на строевых должностях и с должности помощника командира сторожевого корабля Северного флота поступил в ВПА имени В. И. Ленина, которую окончил в 1973 году. В должности состоял с августа 1973 года. По службе аттестовался в основном положительно. Женат. Имеет сына 1962 года рождения. Отец — капитан 1 ранга запаса.

С 6 ноября с. г. бпк «Сторожевой» по случаю празднования 58-й годовщины Октября стоял на рейде Рига. Согласно плану корабль в 9.00 9 ноября должен был убыть в Лиепая.

На корабле находилось 194 человека. Из них: офицеров — 15, мичманов — 14, старшин и матросов — 165; членов КПСС — 7, кандидатов в члены КПСС — 9, комсомольцев — 164. В составе экипажа представители 18 национальностей, в том числе: 111 русских, 22 украинца, 12 белорусов, 5 латышей, 5 молдаван, 3 литовца, 2 поляка и др. По социальному положению: 114 рабочих, 19 колхозников, 29 служащих, 32 учащихся.

Около 19.00 8 ноября САБЛИН В. М. обманным путем увлек командира корабля капитана 2 ранга ПОТУЛЬНОГО А. В. в гидроакустический пост, захлопнул люк и закрыл на замок, чем изолировал командира от личного состава. В дальнейшем вход в помещение, где был изолирован командир, находился под охраной ближайшего сообщника САБЛИНА — матроса ШЕИНА А. Н. Предпринимаемые командиром энергичные усилия освободиться оказались безуспешными.

После изоляции командира корабля САБЛИН собрал 13 офицеров и 13 мичманов в мичманской кают-компании, изложил вынашиваемые с 1963 года мысли об имеющихся, по его мнению, нарушениях законности и справедливости в советском обществе. При этом он демагогически использовал общеизвестные недостатки, о которых сообщается в советской печати (отдельные факты злоупотреблений в торговле, нехватка некоторых товаров, нарушения правил приема в ВУЗы, случаи очковтирательства и приписок, бюрократизма и использования служебного положения в личных целях и др.). САБЛИН преподносил все это как проявление отхода Партии и Правительства от ленинских положений в строительстве социализма. В обоснование своих утверждений он приводил тенденциозно подобранные цитаты из трудов В. И. Ленина, К. Маркса и некоторых революционеров-демократов.

САБЛИН предложил совершить самовольный переход корабля в Кронштадт, объявить его независимой территорией, от имени экипажа потребовать у руководства партии и страны предоставить ему возможность выступлений по центральному телевидению с изложением своих взглядов. На вопрос, как эти взгляды увязываются с его партийностью, он ответил, что вышел из партии и не считает себя связанным с нею. Когда его спросили, где командир корабля, он заявил, что командир находится в каюте и обдумывает его предложения.

САБЛИН предложил провести голосование по поводу изложенных им соображений, для чего предварительно выдал белые и черные шашки. Часть мичманов и офицеров проголосовала за его предложения. Не поддержавшие САБЛИНА 10 офицеров и 5 мичманов по его указанию были изолированы в двух отдельных помещениях.

В 23.10 САБЛИН под видом вечерней поверки построил матросов и старшин по большому сбору и выступил с изложением своих взглядов и намерений. Он объявил, что его поддерживает большинство офицеров и мичманов. Не согласны с ним лишь те, кто рассчитывает уйти на учебу или получить повышение по службе и не желает себя компрометировать; они изолированы, что снимает с них ответственность. По приказанию САБЛИНА офицеры и мичманы, даже поддержавшие его, на построении не присутствовали. На вопросы личного состава, где находится командир, каково его отношение к происходящему, САБЛИН отвечал, что командир его не поддерживает и поэтому временно изолирован.

В ходе выступления САБЛИН заявил, что предлагаемые им действия не являются нарушением военной присяги, предательством и не снижают боевой готовности корабля. В подтверждение этого заявления он сослался на тот факт, что личному составу не роздано оружие и арсенал находится под охраной. Затем САБЛИН провел голосование. При этом часть матросов и старшин проголосовала за его предложения, т. е. многие из них не поняли антисоветской, изменнической сути выступления, а другая часть вообще не голосовала. Записанное заранее на пленку выступление САБЛИНА в последующем передавалось по корабельной трансляции. Установлено, что не весь личный состав корабля поддался на агитацию САБЛИНА, о чем свидетельствуют попытки отдельных матросов, старшин и офицеров освободить командира и захватить САБЛИНА еще в начале событий. Но эти попытки были предотвращены сторонниками САБЛИНА.

В 23.30 с корабля по швартовому канату спустился на бочку, перешел на стоявшую рядом подводную лодку «Б-49» и был доставлен катером на берег старший лейтенант ФИРСОВ В. В., который сначала сообщил обстановку командиру лодки капитану 2 ранга ИГНАТЕНКО Г. И., затем начальнику штаба 78 бригады кораблей охраны водного района капитану 2 ранга ВЛАСОВУ В. С. и начальнику особого отдела этой бригады капитану 2 ранга ЮДИНУ В. Г.

САБЛИН, узнав об уходе ФИРСОВА, решил ускорить выход корабля в море ранее запланированного срока. В 02.50 9 ноября корабль под управлением САБЛИНА снялся с бочек и направился в Рижский залив. В это время с корабля на бочку спрыгнул старшина 1 статьи ШЕВЕЛЕВ Ю. М., который в последующем был доставлен катером на берег.

В 4.00 САБЛИН передал в адрес Главнокомандующего ВМФ телеграмму, в которой, якобы от имени ревкома корабля (наличие которого не выявлено), изложил требования к ЦК КПСС объявить корабль свободной и независимой территорией, предоставить право выступлений по телевидению, обеспечивать корабль всеми видами довольствия, почтой, разрешить постановку на якорь и швартовку в любой базе, гарантировать неприкосновенность экипажа и неприменение мер насилия к родным и близким членов экипажа.

С выходом бпк «Сторожевой» в Рижский залив за ним было организовано непрерывное слежение силами флота и пограничными катерами. Получение телеграмм с приказаниями Министра обороны, Главнокомандующего ВМФ и командующего Балтийским флотом возвратиться на рейд и предупреждением о применении оружия в случае неповиновения, которые стали известны экипажу через радистов и шифровальщика, а также сопровождение корабля самолетами, кораблями и катерами привели к тому, что значительная часть личного состава одумалась и начала понимать преступность замысла САБЛИНА, предпринимать меры к выводу из строя оружия и части технических средств, стала энергичнее действовать по освобождению командира и офицеров.

Примерно в 10.20, еще до сбрасывания бомб самолетом, группой матросов из 25—30 человек были освобождены офицеры и командир корабля. Наиболее активно при этом проявили себя старшина 1 статьи КОПЫЛОВ В. С., старшина 2 статьи СТАНКЯВИЧУС В. А., старший матрос ЛЫКОВ С. И., старший матрос НАБИЕВ К. А.

Действия командира корабля при освобождении и в дальнейшем были быстрыми и решительными. По его приказанию был вскрыт арсенал, вооружена часть матросов, старшин и офицеров. Командир лично ранил и арестовал САБЛИНА и быстро овладел положением на корабле. Сторонники САБЛИНА в количестве 11 человек, в том числе два молодых офицера

выпуска 1975 года, прибывшие на корабль в августе с. г. — командир стартовой батареи минно-торпедной боевой части лейтенант ДУДНИК В. К. и помощник командира корабля по снабжению лейтенант ВАВИЛКИН В. И., были также арестованы.

В 10.32 командир остановил корабль и доложил по радио, что в командование вступил и ждет указаний. В последующем корабль был возвращен в Рижский залив.

Самовольный выход корабля в море и неповиновение командованию явились следствием преступных действий бывшего заместителя командира корабля по политической части САБЛИНА, злобного перерожденца-антисоветчика, прикрывавшегося формой офицера, которому путем демагогических заявлений и обмана удалось временно склонить на свою сторону часть личного состава корабля.

Чрезвычайное происшествие явилось также следствием неосознанных действий определенной группы людей, поддавшейся на демагогическую, лживую агитацию врага, который в течение длительного времени вынашивал преступные замыслы против существующих порядков в партии и нашем государстве. Используя высокий авторитет занимаемой должности, зная психологию многих своих подчиненных, тонко играя на их чувствах, подтасовывая факты, САБЛИН сумел убедить психологически неустойчивую часть личного состава в том, что он только хочет публично выступить с критикой недостатков в политическом, социальном и экономическом развитии нашей страны. Ему удалось внушить части экипажа, что эти действия не противозаконны, не нарушают военной присяги, не являются предательством, а в случае войны они будут первыми и надежными защитниками своей Родины. В начале событий некоторая часть личного состава поверила САБЛИНУ не только потому, что он своим красноречием сумел убедить их, но и вследствие того, что привыкли верить ему как заместителю командира по политической части, коммунисту, офицеру.

Изучение личных записей САБЛИНА, отдельных подобранных им материалов, поведение при расследовании позволяют характеризовать его, как человека с болезненным честолюбием, одержимого навязчивой идеей и стремлением выделиться из общей массы и стать исключительной личностью. Одним из путей этого он считал публичные выступления по телевидению.

В ходе работы комиссией не выявлено наличие на бпк «Сторожевой» вражеской антисоветской группы и так называемого ревкома, фигурирующего в телеграмме на имя Главнокомандующего ВМФ. САБЛИН действовал единолично при поддержке нескольких человек, обработанных им лишь накануне открытых действий. Оснований для утверждения о намерении САБЛИНА увести корабль в Швецию в ходе расследования не выявлено.

Совершению этого чрезвычайного происшествия способствовали:

1. Большие упущения в политико-воспитательной работе с офицерским составом по воспитанию чувства высокого долга перед Родиной, чести и достоинства, решительности и мужества, бдительности и принципиальности, что привело к пассивности и растерянности офицеров, не сумевших вовремя распознать антисоветский смысл демагогических выступлений и намерений предателя САБЛИНА и решительно пресечь его преступную деятельность.

2. Использование САБЛИНЫМ своей высокоавторитетной должности — заместителя командира корабля по политической части — для маскировки преступной деятельности. Уклоняясь от многих обязательных форм массово-политической работы, выступлений перед личным составом, проведения политзанятий и марксистско-ленинской учебы с офицерами, САБЛИН резервировал возможность выступить со своими антисоветскими взглядами. Общепринятые методы индивидуальной работы с матросами и старшинами он использовал преимущественно для изучения психологических качеств и настроений людей, с целью использования их в дальнейшем в своих целях. Такие конкретные вопросы и понятия, как преданность Родине, народу, Партии и Правительству, присяге и воинскому долгу, политическая бдительность в различных формах политико-воспитательной работы рассматривались абстрактно и отвлеченно. На корабле мало что делалось по укреплению воинской дружбы и товарищества.

3. Недостаточная политическая зрелость коммунистов и комсомольского актива, которые не проявили должной бдительности и партийной принципиальности в оценке демагогических заявлений САБЛИНА и не нашли в себе мужества дать ему своевременный отпор. Определенное значение также имело отсутствие на корабле в период нахождения в Риге секретаря и заместителя секретаря партийной организации.

4. Незнание истинного положения дел с постановкой политико-воспитательной работы на корабле со стороны командования, политотдела и политаппарата 128 бригады и 12 дивизии ракетных кораблей. Командир корабля капитан 2 ранга ПОТУЛЬНЫЙ А. В. и заместитель командира бригады по политической части капитан 2 ранга РОМАНОВСКИЙ Я. Я., работавшие непосредственно с САБЛИНЫМ, не видели признаков антисоветской направленности в его мышлении. Недостатки и упущения в партийно-политической работе на корабле относили за счет неопытности САБЛИНА как политработника.

5. Наличие серьезных недостатков и упущений в организации оперативной и дежурной службы, медлительные действия командования морского гарнизона, которые с получением первых сигналов о неблагополучии не приняли решительных мер по наведению порядка на корабле и по предотвращению выхода его из базы, хотя для этого имелись возможности и время.

Получив доклад от старшего лейтенанта ФИРСОВА В. В., начальник штаба 78 бригады кораблей охраны водного района капитан 2 ранга ВЛАСОВ В. С., начальник особого отдела бригады капитан 2 ранга ЮДИН В. Г., дежурный по рейду командир подводной лодки «С-263» капитан 2 ранга СВЕТЛОВСКИЙ Л. В., вместо принятия должных мер, длительное время совещались, с большим запозданием доложили по команде, проявили нераспорядительность и нерешительность, граничащие с трусостью.

Комиссия отмечает, что командующий Балтийским флотом вице-адмирал КОСОВ А. М., член Военного совета — начальник политического управления флота вице-адмирал ШАБЛИКОВ Н. И. неглубоко анализируют положение дел на кораблях и в частях, недостаточно конкретно и целеустремленно организуют политико-воспитательную работу на флоте, и прежде всего по повышению политической бдительности, не проявляют необходимой требовательности к исполнительности должностных лиц и лиц дежурной службы.

* * *

Таким образом, как показало расследование, можно сделать вывод, что САБЛИН действовал единолично, при поддержке нескольких человек. Организованной антисоветской группы и так называемого ревкома на корабле не выявлено.

САБЛИН является ярым замаскировавшимся антисоветчиком, который длительное время вынашивал свои враждебные взгляды. Демагогическими приемами, используя высокий должностной авторитет, недостаточную политическую зрелость, пассивность и нерешительность части личного состава, ему удалось овладеть на короткое время положением на корабле. Однако только часть личного состава поддалась на агитацию САБЛИНА. Большинство вскоре начало понимать его истинное лицо и преступные замыслы, что привело в итоге к срыву намерений САБЛИНА и восстановлению порядка на корабле.

Командир корабля капитан 2 ранга ПОТУЛЬНЫЙ А. В. не сумел воспитать экипаж, как единый боевой коллектив, способный в любой обстановке выполнить свой воинский долг. Расследование также показало определенную пассивность и растерянность офицерского состава, не сумевшего своевременно распознать антисоветский смысл выступлений и намерений предателя и решительно пресечь его деятельность.

В самовольном выходе корабля во многом повинны дежурная служба и руководство рижского морского гарнизона , не принявшие решительных мер по наведению порядка на корабле и недопущению его ухода.

Полагали бы целесообразным:

1. Главному политическому управлению СА и ВМФ разработать и осуществить, с учетом совершившегося чрезвычайного происшествия, дополнительные меры по улучшению политико-воспитательной работы среди всех категорий военнослужащих, по воспитанию их в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и Советскому правительству, высокой политической бдительности, идейности и принципиальности. Особое внимание обратить на глубокое осознание каждым военнослужащим требований военной присяги, необходимости активно и наступательно отстаивать принципы коммунистической морали и советской действительности.

Рассмотреть необходимость внесения в программы подготовки офицерского состава в высших учебных заведениях и в процессе командирской и марксистско-ленинской учебы изменений, направленных на усиление идеологической и психологической подготовки офицеров, воспитания у них высокого чувства офицерской чести, этики и воинского долга.

2. Главному штабу ВМФ разработать и осуществить мероприятия по улучшению организации оперативной и дежурной службы. Повысить требовательность и усилить контроль за исполнением положений уставов, директив, приказов и других документов, регламентирующих действия должностных лиц, оперативной и дежурной службы.

3. Командующему, штабу и политуправлению Балтийского флота разработать и осуществить мероприятия, направленные на воспитание у личного состава высокой политической бдительности, конкретной и целеустремленной политико-воспитательной работы, на повышение исполнительности всех категорий должностных лиц и дежурно-вахтенной службы. Глубже изучать, анализировать и острее оценивать положение дел на соединениях, кораблях и в частях. Учить офицеров самостоятельным действиям, принятию решительных мер в любых условиях обстановки. Повести решительную борьбу с ненужной опекой, влекущей за собой безынициативность и потерю чувства ответственности.

4. Виновников происшествия, не привлекаемых к уголовной ответственности, а также лиц, своей бездеятельностью или халатным отношением к службе спо-

собствовавших его возникновению, привлечь к строгой партийной и дисциплинарной ответственности.

Одновременно докладываем:

Во время бесед комиссии и руководящих должностных лиц Военно-Морского Флота со многими членами экипажа, а также со всем личным составом большого противолодочного корабля «Сторожевой» люди выражали возмущение предательскими действиями САБЛИНА и просили заверить Министра обороны, ЦК КПСС и лично товарища БРЕЖНЕВА Л. И. в том, что матросы, старшины, мичманы и офицеры глубоко осознали свое временное заблуждение и готовы к выполнению своего воинского долга.

По чрезвычайному происшествию ведется следствие для привлечения виновных к уголовной ответственности. Проведено партийное собрание, на котором явные виновники, в том числе САБЛИН, исключены из рядов КПСС. Экипаж корабля расформирован, корабль передан новому экипажу. Бпк «Сторожевой» находится в строю, оружие и технические средства в исправности. На флоте приняты меры к исключению утечки информации.

Председатель комиссии:
Адмирал Флота Советского Союза *С. ГОРШКОВ*

Члены комиссии:
Генерал армии А. ЕПИШЕВ
Вице-адмирал П. НАВОЙЦЕВ
Генерал-лейтенант С. РОМАНОВ
Контр-адмирал В. САБАНЕЕВ
Генерал-майор Ю. ЛЮБАНСКИЙ
Контр-адмирал М. ГУЛЯЕВ

«17» ноября 1975 года.

Секретно

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
«14» июля 1976 г.
№ 1574-А
гор. Москва

ЦК КПСС
О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ДЕЛУ САБЛИНА И ШЕИНА (В ДОПОЛНЕНИЕ К № 408-А ОТ 18.02.1976 Г.)

6—13 июля с. г. Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-майора юстиции БУШУЕВА Г. И. рассмотрела уголовное дело на изменника Родины САБЛИНА В. М., самовольно угнавшего 9 ноября 1975 года из Рижского порта в сторону Швеции большой противолодочный корабль «Сторожевой», и его активного пособника ШЕИНА А. Н.

В ходе судебного разбирательства подсудимые полностью признали себя виновными в предъявленном обвинении и дали подробные показания о совершенном преступлении. В суде были допрошены свидетели, подтвердившие вину подсудимых, и исследованы другие доказательства.

Военная коллегия с учетом тяжести совершенного САБЛИНЫМ преступления приговорила его к исключительной мере наказания — смертной казни (расстрелу).

ШЕИН осужден к 8 годам лишения свободы с отбыванием первых 2 лет в тюрьме.

Председатель
Комитета Госбезопасности *АНДРОПОВ*

НАДЬ БЫЛ АГЕНТОМ НКВД

Опубликованные нами документы («Родина», № 2, 1993) вызвали широкий резонанс в мире. Редакция перепечатывает (с сокращениями) статью из итальянской газеты «Ла Стампо», в которой дается дополнительный комментарий к фактам, уже известным нашим читателям.

В январе 1937 года два венгерских эмигранта, Иштван Ваги и Габор Фаркаш, жили в Москве со своими семьями, деля одну квартиру на двоих. Как-то раз Фаркаш устроил вечеринку и веселился со своими гостями до часу ночи. Обозленный Ваги жалуется на него в партком, попутно обвиняя Фаркаша в том, что тот «белогвардеец, саботажник, враг рабочего класса». Примерно то же самое он заявлял и раньше, но Исполком Коминтерна признал обвинения «необоснованными и недопустимыми». На этот раз Фаркаш выдвигает против Ваги контробвинения: «Он поддерживает связь с троцкистами». В результате всей этой склоки Ваги получает взыскание от Коминтерна за «вспыльчивость и интриганство».

Год спустя Иштван Ваги был арестован НКВД и приговорен к расстрелу за «шпионаж». Месяцем позже такая же участь постигла и Фаркаша, как «немецкого шпиона». На следствии Фаркаш заявил о своей полной невиновности. Ваги, по свидетельству его жены Розы Францевны Ваги, был осужден по доносу одного из своих товарищей. Что же касается Фаркаша, то он был реабилитирован в 1956 году Верховным судом СССР.

Две короткие истории характерны для общей атмосферы доносов и взаимных подозрений периода сталинских репрессий, когда погибли миллионы людей. Но в судьбах Фаркаша и Ваги свой след оставил агент «Володя», он же Имре Надь. Эти двое были не единственными жертвами «квалифицированного агента» Надя. В справке НКВД мы читаем, что агент «Володя» «проявляет в работе большую заинтересованность и инициативу». Там же под названием «реставраторы» фигурирует и группа людей, арестованных по доносу Надя. Среди них: Франц Йожеф Габор, Шлоссер (псевдоним), Элек Болгар, Жено Варга, Геррель (псевдоним) и некто Лукач. Из этой же справки узнаем, что «Володя» способствовал ликвидации группы «неисправимых»: Сари Мануэль, Ласло Барота, Софии Краммер. Из этой группы выжила только Краммер. В 40-х годах она была репатриирована и умерла в Будапеште в 1970 году. Сари Мануэль, по профессии портниха, находилась в СССР с 1931 года и работала в библиотеке Коминтерна. Арестована в 38-м по ложному доносу, умерла в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. Барош, по профессии журналист, работал в Берлине, в 1933-м приехал в Москву, где работал в пресс-службе Коминтерна. Арестован в 1938-м и вскоре умер в тюрьме.

В другой справке НКВД по агенту «Володе», составленной лейтенантом Свердловым в июне 1941 года, рассказывается о том, как в 1937—1938 годах Надь сообщил ряд материалов «об антисоветской деятельности Фаркаша и Ваги». Первый возглавлял кафедру политэкономии в Московском энергетическом институте. О Ваги известно немного больше. С 1919 года он был членом КП Венгрии. В списке доносов Надя фигурирует Ваго, возможно Бела, который пришел в КПВ из социал-демократов. В Москве жил с 1931 года, являлся редактором журнала «Серп и молот», был арестован по ложному доносу и умер в тюрьме в 1939 году.

В справке, подписанной лейтенантом Андреем Свердловым (которого Анна Ларина, жена Бухарина, помнит как одного из самых жестоких инквизиторов того периода), читаем, что «Володя», кроме Фаркаша и Ваги, донес об «антисоветской деятельности» Любарского, Дубровского, Эде Барона и некого Мадьяра. Возможно, что это Йожеф Мадьяр, врач, арестовывавшийся много раз и умерший в лагере в 1942 году. Что плохого сделал этот Мадьяр? Оказывается, его видели (показания «вспыльчивого» Ваги) в окружении графа Аппоини, «агента венгерской финансовой олигархии», среди «шпионов и подозрительных личностей».

В 1956-м, именно в год, когда Имре Надь, премьер-министр венгерского правительства, осмелился бросить вызов Москве и умер героем, Военная коллегия начала пересмотр дела Мадьяра и окончательно закрыла его по причине полного отсутствия состава преступления.

«ЗА БОЛЬШОЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ — НАГРАДИТЬ ОРДЕНОМ «ПОБЕДА»

Всем известна и давно стала источником многочисленных анекдотов любовь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева к наградам. Но не менее анекдотична историческая правда, зафиксированная в публикуемых ниже документах из его личного архива.

Думаем, что предлагаемая публикация не требует развернутых комментариев. Обращаем внимание читателей лишь на то, что вопрос о порядке вручения награды обсуждался *16 февраля*, а решение о награждении Л. И. Брежнева оформлено *17 февраля* 1978 года, то есть технические детали церемониала награждения решались до принятия официального решения о нем.

Особая папка

ЦК КПСС
О награждении тов. БРЕЖНЕВА Л. И. орденом «Победа»

Министерство обороны СССР вносит предложение, принятое на заседании Коллегии единогласно, о награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Обороны СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР Маршала Советского Союза товарища Леонида Ильича БРЕЖНЕВА орденом «Победа» за большой вклад в победу советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне, успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков, выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление принятой XXIV съездом КПСС Программы мира, надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Д. УСТИНОВ	П. КУТАХОВ
Н. ОГАРКОВ	С. ГОРШКОВ
В. КУЛИКОВ	К. МОСКАЛЕНКО
А. ЕПИШЕВ	С. КУРКОТКИН
С. СОКОЛОВ	Н. АЛЕКСЕЕВ
В. ТОЛУБКО	А. ГЕЛОВАНИ
И. ПАВЛОВСКИЙ	А. АЛТУНИН
П. БАТИЦКИЙ	И. ШКАДОВ

«20» января 1978 г.
Исх. 201/8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС[*]
О награждении тов. БРЕЖНЕВА Л. И. орденом «Победа»

Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Проект

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Обороны СССР Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Л. И. орденом «Победа»

За большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне[**], выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны, за разработку и последовательное осуществление внешней политики мира Советского государства[*], надежно обеспечивающей развитие страны в мирных условиях, наградить Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Обороны СССР Маршала Советского Союза БРЕЖНЕВА Леонида Ильича орденом «Победа».

Первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР — *В. Кузнецов*

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР — *М. Георгадзе*

Москва, Кремль

[*] На проекте постановления имеется голосование: за — М. Суслов, за — Кулаков, за — А. Кириленко, за — А. Косыгин, за — Гришин, за — А. Пельше, за — К. Мазуров, за — Андропов 26/I-78, за — А. Громыко. Оформить, К. Черненко. 17. II. 76 г. (так в тексте).

[**] Зачеркнуты слова «успешное руководство войсками в ряде важнейших операций по разгрому немецко-фашистских захватчиков».

[*] Зачеркнуты слова «принятой XXIV съездом КПСС Программы мира».

ВЫПИСКА ИЗ РАБОЧЕЙ ЗАПИСИ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС 16 ФЕВРАЛЯ 1978 ГОДА

Сов. секретно
Экз. единственный

Председательствовал тов. БРЕЖНЕВ Л. И.

Присутствовали т. т. Андропов Ю. В., Кириленко А. П., Косыгин А. Н., Кулаков Ф. Д., Мазуров К. Т., Пельше А. Я., Суслов М. А., Устинов Д. Ф., Демичев П. Н., Кузнецов В. В., Пономарев Б. Н., Черненко К. У., Долгих В. И., Зимянин М. В., Рябов Я. П., Русаков К. В.

ПОСЛЕ РЕШЕНИЯ ВОПРОСОВ ПОЛИТБЮРО

БРЕЖНЕВ. Я хотел бы посоветоваться по некоторым вопросам: о вручении ордена «Победа». Все вы проголосовали решение о награждении меня орденом «Победа». Я благодарю товарищей за эту высокую награду. Поскольку решение такое есть, и товарищи предлагают вручить его мне 22 февраля.

ВСЕ. Правильно. 22 февраля будет заседание.

БРЕЖНЕВ. Видимо, для вручения ордена «Победа», может быть, целесообразно было бы одеть военную форму.

ВСЕ. Правильно, это было бы целесообразно.

БРЕЖНЕВ. Но вместе с тем, насколько мне известно, по статуту орден «Победа» носят также и на гражданской одежде.

СУСЛОВ. В статуте нигде не сказано, что он носится на военной форме.

ЧЕРНЕНКО. Этот орден можно также носить и в гражданской одежде.

Публикация **Н. КОВАЛЕВОЙ**

Фото Игоря Лагунова

АНАТОЛИЙ ЛАТЫШЕВ

Ленин в расстреле не участвовал

В статьях отечественных историков и публицистов о расстреле царской семьи прослеживается тенденция — доказать, что непосредственным инициатором этой акции был Ленин. Однако ни одного документа в подтверждение не приводится. Их нет.

По меньшей мере столетие зрела в российском революционном движении идея ликвидации всех членов царствующей семьи. Писательница Лариса Васильева рассказала на страницах «Недели», как близко знавший Ленина Иван Федорович Попов (автор известной в свое время пьесы «Семья» — об Ульяновых) поведал ей: *«... Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, как уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращаясь ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды «Вольность»:*

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу»[1].

По проекту Пестеля, физическому истреблению в начале революции подлежали все без исключения члены царского дома, вплоть до малолетних[2]. Хотя декабрист Якушкин (о нем знаменитые пушкинские строки: «Казалось, молча обнажал цареубийственный кинжал») выступал за уничтожение только царствующего монарха. Как известно, Степан Халтурин, производя взрыв в феврале 1880 года в Зимнем дворце, намеревался уничтожить всю царскую семью, включая детей.

И Ленин в своих работах не скрывал планов относительно монарха. В брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905) он писал: *«Удастся решительная победа революции, — тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински или, если хотите, по-плебейски... Якобинцы современной социал-демократии, — большевики... хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы...»*

В декабре 1911 года Ленин на страницах газеты «Социал-Демократ» настаивал: *«Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, — если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их преемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов».*

И уже в сентябре 1919 года в статье «Как буржуазия использует ренегатов» он напомнил: *«На II съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: «и для Николая II?» Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя».*

В публикациях о Ленине приводится высказывание вождя о Нечаеве, ставшем символом беспринципности в политической борьбе: *«Люди совершенно забывают, что Нечаев обладал уникальным организаторским талантом, обладал способностью везде находить особенные технические приемы для организации заговора, придать своим мыслям такие потрясающие формы, что они навсегда запечатляются в памяти. Стоит вспомнить его ответ в листовках на вопрос, кого из членов правящего дома надо убить? Его чеканный ответ гласил: «Весь большой Респонсориум» (молитвенник). Каждый знает, что в нем упомянуты все члены дома Романовых. Ведь этот ответ граничит с гениальностью»*[3].

А в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» вождь ставил в заслугу большевикам уничтожение императорского рода, громил Временное правительство, оставившее в живых царя, его семью и родственников: *«Эти трусы, болтуны, самовлюбленные нарциссы и гамлетики махали картонным мечом — и даже монархии не уничтожили! Мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда».*

Приведенных высказываний вождя достаточно, чтобы понять: у него не было и не могло быть нравственных ограничений для уничтожения без суда и следствия царской семьи, всех представителей Дома Романовых. Он вполне мог тайно организовать это убийство так, чтобы ответственность легла на уральских большевиков. Когда полтора года спустя после истребления на Урале представители Дома Романовых чехословацкие легионеры передали сибирским большевикам плененного адмирала Колчака, то глава советского правительства направил шифрограмму в Реввоенсовет 5-й армии: *«Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так* (то есть казнили адмирала. — *А. Л.) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»*[4] Как известно, адмирал «архинадежно» был расстрелян. Хотя ленинский документ скрыть не удалось.

Но уральская трагедия, на мой взгляд, имела другую предысторию.

Презумпция невиновности

Банальная истина: обвиняя Ленина, мы должны исходить из презумпции невиновности, строго придерживаться документов, подвергать сомнению свидетельства, не являющиеся очевидными.

Сегодня главный обвинительный документ в адрес Ленина — это строчки из «Дневника в изгнании» Льва Троцкого:

«Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

— Да, а где царь?
— Конечно, — ответил он, — расстрелян.
— А семья где?
— И семья с ним.
— Все? — спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

— Все! — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо»[5].

Что можно сказать по поводу этого пассажа Льва Давидовича? Обманывал он — ибо, как свидетельствуют документы, накануне екатеринбургской трагедии из Москвы почти не выезжал и даже присутствовал на заседании Совнаркома 18 июля 1918 года, на котором было принято решение «принять к сведению «внеочередное сообщение» Свердлова. Присутствовавший на заседании заместитель председателя ВСНХ Владимир Милютин свидетельствовал:

«Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слова для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай; Александра Федоровна и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех»[6].

Обратим внимание: если Президиум ВЦИК под председательством Свердлова «одобрил» расстрел бывшего монарха, то Совнарком «принял к сведению». «Одобрить» Ленин не мог хотя бы по той причине, что за двое суток до того рьяно опровергал возможность расстрела Николая II без суда и следствия.

Телеграмма из Копенгагена на английском языке: *«Ленину, члену правительства, Москва. Здесь распространился слух, что бывший царь убит. Сообщите, пожалуйста, по телеграфу факты. National Tidende».*

Ответ рукой Ленина (на английском языке):

«National Tidende. Копенгаген.

Слух неверен, бывший царь здоров, все слухи — только ложь капиталистической прессы. Ленин»[7].

Екатеринбург. Бывший Ипатьевский дом. Фото В. Ветлугина.

Эта телеграмма, ушедшая на телеграф днем 16 июля 1918 года, не была отправлена по назначению, о чем свидетельствует пометка на ее копии: «Вернули с телеграфа. Не имеют связи».

На мой взгляд, этот текст означает, что Ленин даже не предполагал о возможности расстрела Николая II (не говоря уже о всей семье) в ближайшую ночь. Ясно, почему больше других беспокоились о судьбе царской семьи именно в Дании — ведь мать Николая II Мария Федоровна — датская принцесса, и именно датский король Христиан предпринимал шаги по спасению свергнутого монарха и его семьи.

Имеется и другое доказательство стремления Ленина сохранить жизнь узникам. Это телеграфная связь, которую он поддерживал с тогдашним главкомом Западного фронта Рейнгольдом Берзиным. В монографии Энтони Саммерса и Тома Менголда «Досье на царя» приводится телеграмма Берзина Ленину от 27 июня 1918 года. В ней главком информировал, что 21 июня он проинспектировал Ипатьевский дом: Николай II жив, и все сообщения о его гибели — чистая провокация. Три телеграфиста с екатеринбургского почтамта подтвердили созданной по приказу Колчака комиссии Соколова переданные Лениным слова, когда тот связывался с Берзиным по прямому проводу: ***«Взять под свою охрану всю царскую семью и не допустить каких бы то ни было насилий над ней, отвечая в данном случае своей собственной жизнью»***[8]. Как правило, российские историки и публицисты эти не вызывающие сомнений документы не используют. Ленин, на мой взгляд, оберегал царскую семью как крупную козырную карту в политической игре с Германией, которая поставляла большевистской власти крупные суммы денег.

Активный участник событий того периода уральский чекист М. Медведев (Кудрин) оставил воспоминания, которые также не привлекаются исследователями. Он свидетельствовал: вернувшемуся из Москвы в Екатеринбург Ф. Голощекину не удалось получить от Свердлова санкции на расстрел царя. Ленин, несмотря на все попытки Свердлова, приводившего доводы Голощекина об опасностях эвакуации царя из Екатеринбурга, настаивал, что нужно перевести царскую семью в безопасное место. И Свердлов вынужден был сказать на прощание Голощекину: ***«Так и скажи, Филипп, товарищам — ВЦИК официальной санкции на их расстрел не дает»***. После расстрела именно Белобородов, по словам Медведева, опасался, что Ленин привлечет его к ответственности за самоуправство с расстрелом Романовых без санкции из Москвы. И поэтому Юровский и Никулин выехали срочно, 19 июля, через Пермь в Москву, чтобы вместе с мешком с ценностями и дневниками, фотографиями из дома Ипатьева привезти письма, написанные П. Войковым и И. Радзинским, которые явились бы для Москвы доказательством якобы существовавшей монархической организации, планировавшей спасти царскую семью[9]. Однако, как сегодня доказано, именно Войков с помощью Радзинского организовал провокацию вокруг мнимой монархической организации*. Понятно, почему Войков и Радзинский выезжали также в Пермь — ведь там находилось губернское руководство и там еще 13 июня началась — с убийства Михаила Александровича — операция по ликвидации пребывавших на Урале членов Дома Романовых, которая завершилась 18 июля кровавой трагедией в Алапаевске. Убийцы из этих трех городов должны были связать себя круговой порукой — и я, в отличие от некоторых исследователей, не вижу ничего противоестественного, что воспоминания коменданта Дома особого назначения в Ека-

* Подробнее об этом см.: «Родина», № 4—5, 1989.

теринбурге Юровского начинаются так: *«16.7. была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых [Романовых]... 16-го в шесть часов вечера Филип Г-н [Голощекин] предписал привести приказ в исполнение»*[10]. Заместитель Юровского Григорий Никулин в своих мемуарах однозначно утверждал, что решение об уничтожении царской семьи принял Уралсовет совершенно самостоятельно, «на свой страх и риск». Подобную же точку зрения, ссылаясь на разговор с Войковым, высказал советский дипломат-невозвращенец Г. Беседовский.

В десятую годовщину кровавых событий с пространными воспоминаниями выступил редактор «Уральского рабочего», член президиума исполкома Уралсовета В. Воробьев. Эти воспоминания, на мой взгляд, заслуживают доверия — в тот период были еще живы активные участники событий.

«... Когда стало очевидным — Екатеринбург нам не удержать — вопрос о судьбе царской семьи был поставлен ребром. Увозить бывшего царя было некуда, да и везти его было далеко не безопасно, — свидетельствовал В. Воробьев. — *И на одном из заседаний облсовета мы решили Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними... На следующий день утром* (после расстрела. — *А. Л.*) *я получил в президиуме облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых.*

— Никому пока не показывай, — сказали мне, — необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с центром...

Я был обескуражен: кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в своей газете такой редкой сенсационной новостью — не каждый день случаются такие события, как казнь царя...

Я поминутно звонил по телефону — узнавал, не получено ли уже согласие Москвы на опубликование... Терпению моему суждено было подвергнуться тягчайшему испытанию. Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова. На телеграф для переговоров с ним поехали Белобородов и еще кто-то из членов президиума. Я не утерпел, поехал тоже... К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал докладывать ему то, что надо было передать Москве.

...Затаив дыхание, мы все качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса:

— Сегодня же доложу о вашем решении президиуму ВЦИКа. Нет сомнения, что оно будет одобрено... Извещение о расстреле должно будет последовать от центральной власти, до получения его от опубликования сообщения воздержитесь...

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным...»[11].

Версии о «самоуправстве» Уралсовета как будто противоречат выявленные Э. Радзинским воспоминания Алексея Акимова, служившего вначале в охране Свердлова, а затем — Ленина, о якобы отправленной им в Екатеринбург телеграмме Свердлова и Ленина с санкцией на расстрел царской семьи. Престарелый Акимов поделился этими воспоминаниями более чем полвека спустя после событий, и среди неточностей записи вместо «уральский» фигурирует «тульский» губком[12]. К тому же следа этой телеграммы нигде не обнаружено.

Зато читателям, видимо, хорошо известны другие документы. Телеграмма, отправленная из Екатеринбурга в полдень 17 июля (более чем за сутки до прямого разговора со Свердловым, описанного В. Воробьевым). Вот выдержка из нее: *«По постановлению президиума областного Совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место».* Ровно через 9 часов за подписью председателя Уралсовета в Москву была отправлена вторая телеграмма:

«Москва. Секретарю Совнаркома Горбунову обратной проверкой. Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу. Официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов»[13].

Психологически все объяснимо: руководители Уралсовета постепенно подготавливали центр — вначале сообщили об убийстве Николая II, а затем беспокоившийся больше всех Белобородов единолично, за своей подписью, дал вторую, уже правдивую телеграмму об убийстве всей царской семьи. И, зная крутого на расправу Ильича, направил ее ленинскому секретарю Горбунову для передачи Свердлову. Таким образом, он убивал нескольких зайцев — первым рассказал центру правду, направил телеграмму по адресу Совнаркома и предусмотрел, чтобы вначале она попала к Свердлову.

Я не сомневаюсь, что до получения второй телеграммы Свердлов поверил первой версии — об убийстве только царя. Свидетельством тому служат материалы из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), рассказывающие о профессиональном революционере Якове Шейнкмане — участнике Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, близком друге Свердлова. За пару недель до смерти он написал обращение к сыну, родившемуся в 1918 году: *«Я хочу писать дневник. Специально для тебя. Всего по несколько строк каждый день. Хорошо?*

Начало.
17.VII–18
Свердлов сообщил мне, что убит Н. А. Романов. Семья его переведена в Алапаевск. Я пожалел, что не уничтожили всю семью. Не кровожадность говорит во мне, а чувство предосторожности. Екатеринбургу угрожает опасность. Надо их уничтожить, пока чехословаки не взяли их под свое покровительство...»[14].

Неверны утверждения, будто до сегодняшнего дня не обнаружен протокол заседания уральских органов власти с решением об уничтожении царской семьи. Составитель сборника «Письма царской семьи из заточения» Е. Алферьев привел даже фотокопию на официальном бланке с печатями «весьма секретного» протокола заседания Областного исполнительного комитета Коммунистической партии Урала и Военно-революционного комитета (ВРК) от 14 июля 1918 года. В протоколе указывается, что по предложению военного комиссара (Ф. Голощекина), а также председателя ВРК единогласно постановлено ликвидировать бывшего царя Николая Романова и его семью, а также находящихся при нем служащих не позднее 18 июля, причем ответственность за выполнение поручить члену Чрезвычайной комиссии Я. Юровскому. Из трех подписей под протоколом две известны — Белобородова и Голощекина.

И еще один довод. Исследования начала и середины 20-х годов не носили характера той безбрежной конъюнктурщины, которая была свойственна работам последующих десятилетий. Так вот, в 1921 году в статье и в 1926 году в изданной в Свердловске книге «Последние дни Романовых» П. Быков, сам участник событий, член Екатеринбургского облисполкома, однозначно утверждал, что приказа о расстреле семьи Романовых из центра не было, что это была инициатива уральских большевиков. И никто ему тогда не возразил, а ведь почти все участники событий находились еще на высоких постах.

Известный исследователь Генрих Иоффе в своих работах показал, какова была обстановка летом 18-го на Урале. Не было в стране региона, где к Николаю II относились бы так враждебно, как там. Сепаратизм уральских властей (вплоть до намерения выпускать собственные деньги) был известен Москве. Еще во время провоза Николая II из Тобольска в Екатеринбург уральские власти официально сообщали Свердлову, что берут всю ответственность за судьбу Романовых на себя.

Итак, хочу подвести итог. Документы неопровержимо свидетельствуют: инициаторами расстрела царской семьи были уральские большевики, которым симпатизировал Свердлов. А Ленин, как Понтий Пилат, «умыл руки».

Вместо эпилога

У нас исследованием того, как погиб Николай II и его семья, какова здесь роль Ленина, вынуждены заниматься энтузиасты. Но почему бы не создать государственную комиссию по расследованию этих событий? Позор для нашего государства — не нашлось 300 тысяч фунтов стерлингов, чтобы купить на аукционе «Сотби» в Лондоне весной 1990 года огромную коллекцию подлинных документов, проливающих свет на обстоятельства убийства Николая II и его семьи*.

Приведу документ, хранящийся в ленинском «секретном фонде», на котором начертано рукой вождя: *«Секретно в архив».* Подчеркнуто трижды!

Дата документа 9 марта 1922 года. Исходящий номер 879.

«С. Секретно.

Предреввоенсовета Республики тов. Троцкому.

Доношу, что 8-го марта сего года в Оружейной палате при вскрытии ящиков с имуществом бывш[ей] царицы — без всяких описей — оказалось по оценке представителя Гохрана Чинарева на 300 миллионов зол[отых] рублей. Приглашенные 9/III ювелиры Котлер и Франц[15] *оценили следующим образом: если бы нашелся покупатель, который бы смог покупать эти ценности, как вещи, то оценка в 458.700.000 зол[отых] руб[лей]. Продажа же их как товар, отдельными камнями, даст 162.625.000 зол[отых] руб[лей]. Оценка производилась в течение 1 1/2 часов и без детального определения качества камней. Должен оговориться, что это не коронационные ценности — те лежат в отдельных 2-х ящиках. По описи, которая у нас имеется, они оценены в 7 с лишним миллионов рублей. Люди сведущие утверждают, что коронационные ценности по качеству камней и художественному выполнению работы стоят гораздо ниже ценностей, уже разобранных нами и являвшихся «личной» собственностью бывш[ей] царской фамилии.*

Замособоуполномоченного Совнаркома /Базилевич/».

Внизу приписка:

«Об общем состоянии дела сообщу дополнительно. Троцкий».

Он же сверху: *«К свед[ению]. Т. Ленину».* Он же на боковых полях: *«10/III–1922. Надо еще весьма и весьма проверить. Троцкий»*[16]. То есть, считал Троцкий, нельзя на веру принимать указанную стоимость драгоценностей.

Документ этот свидетельствует: драгоценности царицы не были разворованы уральскими большевиками, как утверждалось рядом исследователей, а пошли на рост благосостояния большевистской верхушки и частично — в костер мировой революции.

Допускаю возможность, что в архивах за «семью печатями» хранятся и такие документы, которые по-новому заставят подойти к роли Ленина, Свердлова, Троцкого в убийстве царской семьи.

* Подробнее об этом см.: «Родина», № 7, 1990.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Неделя». 1991. № 48. С. 15.
2. См.: Нечкина М. В. Декабристы. М., 1975. С. 83.
3. Авторханов А. Ленин в судьбах России. ФРГ: Прометнус-Ферлаг, 1990. С. 26—27.
4. Совершенно секретно. 1992. № 8. С. 7.
5. Дом Романовых. Последние днн последнего царя. М., 1991. С. 135.
6. Воспоминания о Владимнре Ильиче Ленине. М., 1990. Т. 5. С. 24.
7. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6601. Л. 1.
8. Antony Summers and Tom Mangold. The file of the tsar. London, 1987. P. 286—287.
9. РЦХИДНИ. Ф. 588. Оп. 3. Д. 12. Л. 1—35.
10. Корона н эшафот. М., 1991. С. 312.
11. Воробьев В. Конец Романовых. Из воспоминаний // Прожектор. М., 1928. № 22. С. 26.
12. «Огонек». 1990. № 38. С. 29.
13. ЛГ-Досье. 1992. № 2. С. 6.
14. Факел — 1990. М., 1990. С. 187—193.
15. *Ювелиры серьезные. Троцкий* (приписка рукой Троцкого.— *А. Л.*).
16. РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1165. Л. 1.

МИХАИЛ ЗАГРЯЖСКИЙ

ОЧАРОВАНЬЕ СТРАСТИ НЕЖНОЙ

Российский дворянин «осьмнадцатаго столетия» Михаил Петрович Загряжский не относится к числу великих или хотя бы просто известных исторических деятелей. Род, к которому он принадлежал, старинный и разветвленный, вообще не часто поднимался на поверхность истории. Большинство его представителей мирно тянули — чаще всего в провинции — военную или чиновничью лямку, изредка дослуживаясь до поста уездного предводителя дворянства либо городничего в каком-нибудь Богом забытом городке. Некоторую известность приобрели лишь несколько женщин, и то не столько сами по себе, сколько благодаря А. С. Пушкину. Теща поэта, Наталья Ивановна Гончарова, была побочным отпрыском этого рода и ввела за собой в историю кое-кого из родни, прежде всего свою тетку Наталью Кирилловну Загряжскую, урожденную графиню Разумовскую. Благодаря влиятельной и богатой жениной родне выдвинулся в свое время и муж Натальи Кирилловны — Николай Александрович Загряжский, достигший высоких придворных чинов (он сыграл значительную роль в судьбе нашего героя).*

М. П. Загряжский родился около 1770 года в семье отставного секунд-майора Петра Александровича Загряжского (1732—1785) и его жены Марии Ивановны, скончавшейся в 1777 году. В семье кроме него была еще сестра Екатерина, в замужестве графиня Зотова, и четыре брата, двое из которых умерли в детстве. Через тетку — сестру отца, вышедшую замуж за Алексея Леонтьевича Ермолова, — семья породнилась со всем этим семейством, и герой Отечественной и Кавказских войн Алексей Петрович Ермолов приходился М. П. Загряжскому двоюродным племянником.

Родство с этой семьей оказало влияние на судьбу Михаила Петровича: когда один из Ермоловых попал в фавор при Екатерининском дворе и вслед за ним, как водилось, в Петербург потянулась родня, сам он только начинал военную службу, и его удалось пристроить сержантом в прославленный лейб-гвардии Измайловский, а потом в Преображенский полк. Это значительно облегчило последующую карьеру: когда Загряжский надумал перейти в армию, то оказался в 18 лет сразу в чине капитана и обогнал даже своего старшего брата.

В действительной службе он находился лет с двенадцати-тринадцати, а записан в полк (Елецкий пехотный) был еще в младенчестве — обычное дело для того времени.

О военной службе Загряжского и его участии в Турецкой и Польской кампаниях читатель прочтет сам. Выйдя в 1793 году в отставку, он зажил точно так же, как и остальные дворяне его круга: прослужил несколько лет на гражданской службе в Смоленске, при Павле I лишился места и уехал в деревню. В 1801 году женился на Анне Ивановне Ивлевой. В 1804—1808 годах служил по выборам Тамбовским уездным предводителем дворянства. В 1811 году схоронил жену и более в брак не вступал, занимаясь делами имения и воспитанием детей. Дождался внуков; написал мемуары, хотя и довел их только до смерти жены. Умер в 1836 году.

И биография, и личность Загряжского типичны для его времени и среды. Он не обременен избыточным интеллектом, хотя отнюдь не глуп — и вместе с тем честен, добродушен, чистосердечен. Ему легко и вольготно в устоявшихся обычаях и нормах, и потому он поистине человек своей эпохи.

Загряжский умудрился записать свои воспоминания великолепным разговорным языком рубежа XVIII—XIX веков, и у читателя есть редкая возможность как бы «услышать» живую речь того времени. А простодушная откровенность, с которой написаны воспоминания Загряжского, приоткроет и еще одну сторону тогдашней жизни, обычно скрываемую целомудренной русской мемуаристикой. Записки могут считаться своего рода «энциклопедией» тогдашних любовных отношений: здесь и мимолетный флирт, и посещение «веселого дома», и стремительный походный роман... Может быть, именно эта сторона воспоминаний Загряжского и послужила в свое время препятствием к их опубликованию в журнале «Русский архив».

...В Новый год в 1788-м году в Преображенском полковом дому объявлено, что я выпущен в капитаны, а как мне оное было заранее известно, то приготовил лехкоконной мундир и тотчас надел. Вечеру был на придворном бале. Получа пашпорт и подорожную, еду в Москву, нахожу там Николая Александровича Загрязского, благодарю его. Он говорит: «Хорошо, да есть ли чем тебе обмундироваться и доехать?» — «Как-нибудь, — отвечал я, — доеду, а там у меня служит брат, то обмундирует».

Николай Александрович: — Нет, я хочу, чтобы ты сделал мне счет, сколько надо на обмундировку кавалерийского офицера.

Я: — Помилуйте, это будет дополнение к тем милостям, которые я получил, а и того не знаю, как заслужить.

Николай Александрович: — Пустое. Скажи, когда едешь?

Я: — Надо скоро.

Николай Александрович вынимает 300 рублей и дает: — Вот, исправь, что нужно.

Я не хотел брать, но боясь, чтоб упорством его не раздражить, взял, поблагодарил, пошел приготовляться к отъезду. Чрез несколько дней простился с ним, поехал в деревню, взяв сколько нашел денег, на третий день поехал в армию.

Приезжаю в Харьковской лехкоконной полк. Он квартеровал в Екатеринославской, что ныне Херсонская губерния, в Елисаветградском уезде. В слободе Атжамке стоял с эскадроном брат Александр Петрович. Он еще был порудчиком; чрезмерно мне обрадовался. Пробыв с неделю, поехал в Елисаветград, не помню, каким образом нахожу А. М. Каховского, становлюсь с ним вместе. На другой день прихожу в занимаемый дом фельдмаршалом светлейшим князем Потемкиным, являюсь к правителю его канцелярии генерал-майору Василью Степанычу Попову. Он принял от меня пашпорт. Видя мой мундир, спросил мое желание, в которой лехкоконной полк? Я объявил: «У меня брат в Харьковском». Выслушав, велел за отправлением приходить в канцелярию. А как отправление задлилось, то мы с А. М. Каховским часто ходили по городу.

Приезжих в главную квартеру — множество, всякого рода и всех нациев людей, в том числе и жидов, из которых светлейший хотел составить эскадрон. Одеты были в синие куртки, такие ж лацканы; были молодцы собой, но часто по шинкам делали разные проказы, а от палок бегали и пропадали; так их и расформировали. С разных полков являлись команды, особенно с лехкоконных и пехотных егерей. Первые показывались на конях, а вторые стреляли в цель. Разного рода транспорта на лошадях и на волах, всякой день с утра до вечера как ярмонка. Нас это очень занимало ...

Получаю приказ о определении в сказанной полк. Являюсь к полковнику, он причисляет в тот же эскадрон, в котором брат, а командовал им ротмистр Н. В. Чертков.

Вскоре пошли в поход к Очакову, которой тогда был еще в турецком владении. Во время походу ничего замечательного не случилось, кроме нестерпимого жару, и перехода два нуждались водопоем лошадей. Остановились лагерем верстах в шести от Очакова. На другой день до свету пошли к городу, на рассвете стали кругом города в две линии, кавалерию поставили впереди, пехоту сзади. Фельдмаршел рекогносцировал, стреляли из пушек по городу, из оного также, зажгли местах в трех город. Но убитых было мало, что можно видеть из реляциев. На вечер опять возвратились в свой лагерь. На другой день пошли совсем и обложили город; поставили лагерь очень близко, только что ядра не могли доставать.

Часто кавалерийские офицеры ездили на перестрелку из проказ; запрещения сначала не было. Скачем между козаков, стреляем в воздух, в том числе и я. В лагере в сделанную цель на скаку попадал в карту, тут же, выстреля 13 патронов, ни один турок не нагнулся; равно и их по мне выстрелы такой же имели успех. Тут в первый раз услышал свист пуль мимо меня летящих и визг ядер. Спустя несколько дней турки сделали значительную вылазку, понудили нашу когорту от-

Фрагменты из воспоминаний М. П. Загряжского публикуются по автографу, хранящемуся в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 46. Оп. 2. Ед. хр. 248). Орфография и пунктуация текста приближены к современным. Фамилии и географические названия даны в транскрипции автора.

* Курьезная деталь: в эпоху Петра Великого в роду Загряжских было два брата, один по имени Совет, а другой — Союз Кондратьевичи.

ступить назад. Суворов вывел свой Фанагорийской полк, роту послал в застрельщики и сам с ними, а полк сделал каре и пошел за ним. Лишь рота подошла к заросшим миниховским шанцам, турки побежали. Суворова ранили. Нам велено было явиться к своим местам и запрещено без позволения ездить на перестрелку. Фанагористы дрались до ночи, и во время темноты их вывели оттудова. После сего наш полк вывели из линии и поставили на мыс, выдающийся в Черном море против острова Березани, а на самом мысу сделали батарею из четырех пушек. Ею командовал Егор Иваныч Меллер Закомельский[1]. Внизу на ночь становилась цепь казаков кругом всего мыса, дабы турки не сделали десанту, ибо их флот из тридцати военных кораблей и до ста малых судов стояли не в дальнем расстоянии...

На другой день видим: десятка три запорожских лодок идут к Березани в одну линию. По них начинают стрелять из пушек; они не отвечают. Подходят так близко, как огмель позволила, делают залп, мечутся все в воду и батарею, на берегу стоящую, из трех пушек, тотчас берут. Идут к крепости, после нескольких выстрелов там выставляют белое знамя и сдаются. С нашего полку велено было приготовить несколько оседланных лошадей для паши Базаехтара и прочих чиновников, которых и подвели к берегу. Как привезли пашу, он сел на лошадь, и до десяти чиновников. Паша ехал передом, за ним большое белое знамя и кругом оного в беспорядке чиновники, и отправились в главную квартеру. На острову во многих местах был виден дым. Мы спрашиваем, отчего. Запорожцы говорят: «То проклятые турки забрались в землянки, так мы выкуриваем» ...

Девятого ноября вся кавалерия была отпущена на непременные квартеры, оставлено каждого полка по одному эскадрону.

...Эскадрон стоял в Харьковском уезде в слободе Иванешти. Чертков вышел в отставку, я уже считался эскадронным командиром, только по наружности, а по внутренности брат. Нахожу его и эскадрон в довольствии. Селение большое, до 200 дворов богатых малороссиян, у коих в обыкновении в зимние вечера сходиться молодым ребятам и девкам по нескольку в одну избу. Это у них называется вечеринкой. Тут отбираются те, которые друг друга полюбили. Ежели же парню не по нраву девки, то он идет в другую хату. Тут они поют, играют, и подчивают друг друга, проводят время очень долго, и молодой парень, которой полюбит девку, с тою, как одеты, так ложатся спать, и так бывает 3—4 пары в одной хате, что у них не предосудительно. Отец и мать позволяют: нехай паробок женихается. Но оное у некоторых основано на строгой добродетели. Тут и мне пондравилась дочь старосты или головы, прекрасная собой. Я стал ходить к ним, к ней прихаживали две или три подруги; просидят довольно долго, и когда уйдут, а иногда перед светом тут ложатся, и я с нею. Как ни старался, не мог получить желаемого, хотя она сама меня ласкала, целовала. Только начнешь обнимать, уговаривать: «Роби що хочешь, а сего не буде». С удивительной твердостью вытерпливала все искушения, только и говорила: «Женись — тогда я вся твоя». Мне это не пондравилось; попробовав несколько раз, бросил и нашел другую, которая была снисходительней. Года через два мне удалось чрез оное селение проехать, и сказывали, что старостина дочь вышла замуж за отставного офицера ...

Тут обмундировали лехкоконцев в новые мундиры, и в конце апреля или в начале мая вышли в поход во всей исправности и красоте. Маршрут нам назначен на Кременчуг ...

Приезжаю в Кременчуг, тут нахожу своих беглых крестьян, зачитаю и узнаю, что верст за 30, в слободе Манжелеевке, что на Днепре, квартерует Михаил Иванович Зыбин[2]. Он командовал мушкетерским полком, женился по давнишней страсти от живой жены на Александре Алексеевне Языковой, урожденной Ермоловой. Она очень меня любила. Нахожу ее и с дочерью Варвавой (?) Александровной Языковой. Они очень мне обрадовались. Александра Алексеевна была беременна и для родов хотела ехать в Москву, Михаилу Ивановичу отлучиться нельзя. Узнали, что я туда еду, просят меня, чтоб был проводником. Я согласился, и скоро отправились: она с дочерью, Н. М. Авдулин[3] и я. Только доехали до Полтавы, она почувствовала скорые роды, и остановились. Заняли розные квартеры; она тут и родила. Я шалберил с ее дочерью; ей также было лет шестнадцать или восемнадцать. Всякий вечер после ужина посижу у родильницы и отправляюсь к ней. Она уже в постели. Сажусь, играю, целую ее в губы, в шею, груди и руками глажу, где мне вздумается. Раз до того разнежились, что оба сделались вне себя. Она потянулась, погасила свечку и сказала: «Я вся твоя», — только тоном таким, что я почувствовал и опомнился, какие могут быть последствия, за что я сделаю несчастною; встал и пошел вон. С сего время оба были гораздо осторожней, целовались и обратились, как брат с сестрой...

Пошли в Молдавию, ходили по Валахии и долго стояли у достопамятной Рябой Могилы, под которой Петр Первый заключил с турками мир...

В конце апреля 1791-го года вышли в поход: ходили по Молдавии и Валахии, а в конце лета под командою князя Н. В. Репнина[4] отправились за Дунай...

Турки потребовали перемирия. Мы пошли назад в Молдавию и распущены по квартерам... Светлейший князь Потемкин занемог, возвратился в Ясы... Полковник наш Бауэр все находился при светлейшем князе Потемкине. Мне нужно было опять отпроситься в отпуск.

Приезжаю в Ясы: прошусь. Полковник говорит: «Завтра мы с князем едем в Херсон; ты нас проводи на одну станцию, а там я и отпущу. Тебе препоручается буфет». Он состоял из нескольких качалок с посудой и разными запасами, в том числе одна со льдом, и коляска для кофишенка и муншенка[5]. На другой день часу в третьем отправились с генералами и с племянницами Потемкиия Энгельгардт и Браницкой[6] в нескольких каретах, с прикрытием конвоя из уральских козаков. Вскоре и я со своей командой за ними.

Вдруг мои кофишенки останавливаются. Спрашиваю: «Что такое?» Один подбегает и говорит: «Очень жарко, не прикажете ли меду?» — «Хорошо, дайте». Вынимает несколько бутылок и стакан, бутылку о колесо — горлущко искусно отлетело. Опорожня бутылки, пустились в путь. Догоняем светлейшего князя Потемкина. Он велел конвойным своим уральцам маневрировать. Их было около тридцати. Разъехались, как на перестрелке. Экипажи едут, козаки перескакивают — это составило прекрасной вид. Приезжаем в Розенки (первая станция), подходят к кофишенку генерал-майоры Сергей Лаврентьевич Львов и Матвей Иванович Платов, говорят: «Дай чего-нибудь напиться, от жару в горле пересохло». — «Не смею, — ответ его был, — вон мы ротмистру приказаны». Они ко мне: «Прикажи дать». Я велел и в душе смеялся, как сами несколько бутылок выпили, а генералам будто не смели дать по стакану кислых щей.

После я получаю к В. С. Попову письма и отправляюсь в Ясы, и пашпорт себе. Чуть стало рассветать, я приехал. Показалось, идти к нему рано, а как всю ночь не спал, то в кибитке и заснул. Проснулся — солнышко довольно высоко взошло. Вскочил, бегу, нахожу его уже за бумагами, подаю письма. Он говорит: «Что долго ехали?» Принужден лгать: «Лошадей всех разобрали, мне дали каких — насилу доехал». — «Что князь?» — «Ему лучше». Это его обрадовало[7] и с веселым лицом меня отпустил. Не успел я выехать из молдавской столицы, приехал находящийся при фельдмаршеле полковник И. Ф. Чорба[8] с известием о смерти фелдмаршела. Несмотря на мою молодость, такое сделало на меня влияние, что я долго сидел задумавшись, думая о жизни человеческой: как такому могущественному вельможе, не дожив преклонных лет, умереть. Но в юности скоро скука переменяется в мыслях...

С турками заключен мир и вошли через Хотин; пошли в Польшу[9]...

Поляки заключили мир, и мы пошли к Варшаве, стали лагерем у Праги[10]. Полковник и штаб-офицеры имели там квартеры, а потому нам позволено было ездить в нее.

Там жил богатой жид Шмуль, имел большой каменной дом на две половины — в одной жил сам, а в другой две хорошенькие его дочери. Одевались в длинные платья, говорили по-французски, играли на фортепиано и пели. Меньшая, лет шестнадцати, при всей белизне имела черные волосы, острые глаза и румянец во всю щеку. Мне пондравилась: казалось, и я ей не противен. Нередко сиживали с глазу на глаз. Она сядет за фортепиано, начнет играть, я возле ее. Скоро разговор заменял игру, и мы в удовольствие друг другу болтаем, что в голову войдет; оба были довольны. Один день она отменно была ко мне ласкова. Я попросил ее что-нибудь спеть. Она заиграла и запела французский роман. Я стал за ней и начал перебирать ее локоны, которые висели на перед чрез белый воротничок на голубом шелковом платье. Перебирал далее; рука моя коснулась до ее груди. Она, продолжая играть, поверня голову, так умильно взглянула на меня, что я из-за стула поцеловал ее в щеку, руку пустил к ней за платье и вдруг выдернул, почувствовав грудь ее в нечистоте. Это так меня отвратило, что не мог более с ней быть, но, чтоб не показать неудовольствия, сказал, что возле нее забыл полковничье приказание быть у него в пять часов, а теперь уже шесть. Поцеловал ее и, подойдя к двери, обернулся. Вижу, что она провожает меня прежалкими глазами, как будто предчувствовала: более меня не увидит. И подлинно, я не имел желания быть с нею. Да вскоре пошли церемониальным маршем чрез Варшаву и стали возле ее лагерем к ней фронтом.

Тут торжествовали мир с турками, все полки имели люменацию, играла музыка и пели песни. Поляки приезжали смотреть и гуляли близ освещения вдоль фронта. Так продолжалось часов несколько за полночь, пока плошки начали гаснуть, что было почти на рассвете.

Отпраздновав, чрез несколько дней пошли на квартеры. Нашему полку назначено было воеводство Плоцкое. Я с эскадроном занял местечко Плонск, а брат — местечко Млаву...

Приходим к Варшаве, становимся почти возле заставы. Главнокомандующий был Энгельштром[11]. Вздумал сделать маневры одной пехотой. С нашего полку велено сменить все караулы, содержимые пехотой; к нему в караул — эскадрон. Мне досталось сменить гренадер. Надо сказать, что дом, им занимаемый, был на обе улицы. Перейдя заднюю улицу, жила панья Залужская, с которой он имел интригу. Когда она занемогла, чтоб по мостовой не стучали, пастлали соломы. Ночью поляки прилепили на углах ее дома стихи: «Прохожейц, не дивуй же ту леже слома, бо ту хоруе курва Энгельштрома», то есть: «Прохожий, не дивись, что тут лежит солома, ибо тут больна курва Энгельштрома». Кто сделал — отыскать не могли, да и не слишком старались изыскивать виновников.

За дежурного был у главнокомандующего Г. Д. Бор. Приказывает мне сказать, чтоб в задние вороты никого не пускать. Потом приказывают, чтоб с двора пускали, а только с улицы не пускали. Я приказал часовому оное подтвердить. На вечер сказывают, что Энгельштром пошел к Залужской. Я строго приказал

часовому, ежели пойдет назад, то чтоб он не пускал. И точно, он идет. Часовой кричит: «Не ходите!» Он рассердился: «Разве ты меня не знаешь»? Часовой: «Знаю, ваше превосходительство, да с улицы никого не велено пускать». Долго главнокомандующий с ним спорил, наконец часовой говорит: «Прикажите крикнуть капрала». — «Нет», — и пошел вокруг. Придя домой, посылает за мной. Я прихожу. Кричит, дурно выговаривая по-русски: «Кто из нас в карауле? Или я под караулом?» Ответ мой был: «Я исполняю ваше приказание никого с улицы не пускать, что в точности и исполняю». — «Так, вижу, что не ваше кавалерийское дело ходить в караулы. Извольте идти». После сего сменил нас Харьковскей лехкоконной полк, а по окончании маневров пошли по тем же квартерам.

Прихожу опять в Плонск, а как начали поговаривать, что поляки не очень смирны и хотят опять сделать конфедерацию, то взял жида, которому давал в месяц червонец, чтоб он обо всем вокруг происходящем доносил: ежели что я мимо его узнаю, то закатаю палками. И он аккуратно всякое утро приходил и сказывал, у какого пана сбираются поляки и о чем даже толкуют, но как это было в местах, занятых прусскими войсками, следовательно, я о сем и не заботился.

Вдруг он является ко мне, сказывает, что панья Мицкевичева приехала в лавку, хочет меня видеть. «Ну те к черту! Что мне в ней?» — «Э, пан ротмистр, такая молодая и прекрасная!» Это побудило меня полюбопытствовать, что такое будет. Одеваюсь, иду в лавку, нахожу прекрасную молодую даму развертывающею ленты. Спрашиваю у жида: «Есть ли тафта?» — значит, что оная в другой лавке. Жид выходит. Я адресуюсь к панье и по коротких словах прошу ее к себе на квартеру; что ей угодно будет, прикажу принесть, уверяя, что гораздо покойнее ей будет в тепле, нежели на холоду. Она согласилась, и пошли ко мне. Я тотчас велел подать кофею. Тут сказала она, что меня видела входящего с эскадроном в Плонск и в клаcторе[12] кармелитов, с тех пор все искала случаю познакомиться со мной. Скоро дошла речь до любовных объяснениев, дали обещание любить друг друга, пока возможно будет. Подали кофей, и жид принес тафту и ленты. Она сказала, что ей теперь некогда. Жида отправили. А мне — что муж ее завтрашний день едет в другую деревню; чтоб приезжал к ней. Проводя ее, я с нетерпением дожидался назначенного времени.

На вечер другого дня велел запрячь тройку в сани, отправился к новознакомой. Нахожу порядочной, небольшой, но хорошо меблированной домик. Войдя в залу, вижу ее за работой с живущею у ней панянкой лет девятнадцати. Вечер провели в веселых разговорах; поужинали; она повела в назначенную мне горницу. Входим — вижу другие двери. Спрашиваю: «Куда оные?» Она с некоторою застенчивостью отвечает: «В мою спальню», — и хотела идти, но я, остановя, поцеловал. В другой комнате застучали; она пошла.

Я лег в постель, но мысль о моей соседке не давала покою, а шарканье и стукотня по комнатам приводили в досаду. Мне казалось — очень долго прибирают комнаты. От нетерпения встаю, тихонько подхожу к неплотно затворенной двери. Вижу мою любезную, как на картине лежащую богиню. Держа книжку в руках, небрежно прикрыта тонким одеялом, которое образовало весь ее корпус. Темно-русый локон шевелится на яблочке полуоткрытой груди, которая от тайных вздохов нередко подымалась выше обыкновенного дыхания. Быстрые ее глаза в томном виде чаще взводились вверх, нежели опускались на книжку, и, верно, она не видала ни одной литеры. В восхищении глядел стремительно; всякое малое ее движение чувствуемо было мною во всех членах, казалась она ангелом; тысячу приятных воображений встречались, заменяя один другого в большом беспорядке, и я как прикованной, не шевелясь, стоял у двери, переводя дыхание, чтоб чем-нибудь ее не потревожить. В другой комнате какой-то шорох заставил меня опомниться и лечь. Скоро тишина дала знать о спокойствии домашних. Надеваю шлафор, вхожу к ней... Тихонько ахнула и погасила свечку. Остался малиновой свет в лампаде. Бросаюсь к ней; целую, она также, но с некоторою робостью. Ложусь, она нежно обняла, я слышал трепетание ее сердца...

Не нужно упоминать, как прошла ночь. Всякой мужчина в двадцать лет с прекрасною восемнадцатилетнею женщиною, ежели не так чувствительно, по крайней мере те же имеет удовольствия.

На рассвете, сожалея о короткости ночи и сетуя на время, которое нас не дожидается, надо было расстаться. Расцеловал, пошел в свою комнату и в приятном утомлении лег. Проснулся в десять часов, вспомнил, что надо еще проехать 25 верст, чтобы поспеть к обеду в штаб, поспешно оделся, велел закладывать лошадей. Хозяйку нахожу в той же комнате, в которой вчерась сидела за работой, в лиловом шелковом капоте, в батистовой, прекрасно отделанной кружевом косыночке, за столиком перед нарядным фарфоровым дежене[13], с своей компаньонкой пьют кофей. Увидя меня, румянец покрыл ее щеки — она еще лучше мне показалась, чем вчерась, — а томные глаза напомнили сильней прошедшее блаженство. Она немножко привстала, я поцеловал руку и сел возле нее.

Время летело. Бронзовые под стеклом часы пробили двенадцать. Я встаю, хочу ехать, она удерживает, чтоб позавтракал. Как не повиноваться этому земному божку? Тотчас прибирают чашки и на другом столе подают завтрак. Нечувствительно прошло время до двух часов.

Приехал в штаб в 4 часа. Скорая лихая езда, до которой я страстный охотник, на это время меня не занимала. Я только и думал о прошедшем и делал

планы, как бы секретней и чаще иметь свидания; полагаю для переносу писем употребить своего жида. Приезжаю прямо к маиору. Он, здороваясь со мною, объявляет, что нам велено скоро выходить: штабу в Закрочим, а мне в Цехочин. Как дубиной по лбу! Я оцепенел.

Маиор: — Что, брат, аль квартеры хороши, жаль оставить? Садись, да обедал ли?

Я: — Обедал.

Маиор: — Ну так чаю, а между тем дайте нам трубки, — и начал рассказывать слышанные разные случаи про поляков, но, видя, что я нимало не беру участия и почти не внемлю: — Что с тобой сделалось? Верно, какая-нибудь зажгла сердишко?

Я не хотел на первой раз быть откровенну: — Нет, а хорошо стоять в Плонске и покойно размещен эскадрон. Думаю, в Цехочине того не будет.

Маиор: — Да, я слышал, местечко не большое. Что ж делать — мы не на житье сюда пришли.

Переночевав, пошли к полковнику. Он то же подтвердил. При прощаньи сказал: «Скоро вам пришлется приказ, так будьте готовы». С крайним неудовольствием отправился в эскадрон, объявил всем офицерам и отдал приказ вахмистру, чтоб были готовы; сам думал, как бы повидаться с моей любезной. Жид мой отлучился, и письма послать не с кем, а самому, не снесясь, ехать нельзя. В таком был замешательстве, что офицеры заметили. А как они уже знали, то подружески старались меня развлечь разными манерами; иногда надо мною начинали посмеиваться. И так прошло дня три.

Сижу на своей квартере, гляжу в окно. Подъезжают две дамы. Вышел впустить — думал, хорунжина (она бывала у меня), но в какое пришел удивление и восторг, увидя мою любезную! А другая поехала прочь. Спрашиваю, кто такая была с нею? «Это моя подруга. Мы с ней живем душа в душу и ничего друг от друга не скрываем. Она поехала к старостине и опять заедет за мною».

Я приказал часовому и людям: кто зайдет, чтоб сказывали, что меня нет дома, а когда приедет барыня, чтоб доложили. Оставшись двое — своя воля — пошли в спальню. Ласки, поцелуи скоро возбудили дальнейшие страсти. Удовлетворя в полной мере своим желаниям, выходим в другую комнату. Я велел подать чаю. Сказывают, что приехала барыня. Я выхожу и прошу ее войти. Она идет: женщина лет около тридцати, веселая говорунья; скоро познакомились. Она шутила насчет моей любезной, говоря, что она не ошиблась в выборе (при сем слове любезная меня поцеловала), да как-то будет расставаться: «Я что-то слышала от старостины». Моя приставала к ней, но она не хотела сказать. Я также не сказывал, чтоб не огорчить и посещение ее не сделать скучным. Напились чаю, уехали. Не знаю отчего, но уже не так тосковал, как прежде. Сошлись офицеры: «Что-то вы, ротмистр, повеселели. Гости были, знаем, и рады, что вы опять — по-прежнему».

На другой день получаем приказ выходить. Занялся распоряжением к выступлению, отправил для занятия квартер и конюшни, написал письмо любезной, изъявя все горести, сказав ей, что еще пробуду сутки в Плонске, и послал с жидом. Приказал непременно привезть ответ, но чтоб делал тайно. Привозит ответ, в котором она описывает все сокрушения, какие только в разлуке с милым быть могут, и дополняет, что более ее убивает: не возможет меня видеть; муж все узнал и от старости так ревнив — бранит, шумит, делает всякие неприятности и ни по что от себя не пускает. Прочтя оное, досада и сожаление смешались вместе, и пока вышел, был не свой: все казалось не так.

Дней чрез несколько присылает хорунжий, зовет меня с офицерами на вечеринку. Он жил по эту сторону, в ровном почти расстоянии как к Плонску, так и к Сухочину, то мы отправились к нему. Тут я знакомлюсь с одним пожилых лет поляком, которой звал меня к себе, говоря, что его местность от Сухочина не далее 10 верст. Немного погодя входит прусской капитан с одним офицером гусарского полку, той самой, которой вступил по выходе моем в местечко Плонск. Порекомендовавшись с хозяйкой, подходит ко мне. Взаимно рекомендуемся. Он спрашивает, являются ли его гусары ко мне? «Вы видели, я думаю, из данных от меня квитков». — «Да как ваши ко мне не заезжают?» — «Я не посылаю и не имею на оное повеления». Он удивился: «Здесь много якубинцов, — (это была французская секта), — надо быть острожну».

Начали по обыкновению подносить бокалы, заиграла музыка, начали танцевать. Мне досталась незнакомая блондинка: не так хороша, но ловка и весела, так что заставила на это время забыть мою любезную Мицкевичеву; и узнал, что она единственная дочь того поляка, который меня приглашал. Видел, как поляки чуждаются прусских офицеров, обходятся с нашими совсем другим манером. Они скоро уехали, а мы остались. Церемония кончилась, начали с барынями резвиться, а с поляками пить. Моим офицерам было очень весело...

Придя в Чеханов, чрез несколько дней еду в Варшаву. Там жил наш офицер, у которого я остановился. После обеда пошли ходить по городу. Идем мимо одного дома, он говорит: «Зайдем, тут живут славные девки-красавицы». — «Да с чем зайтить? У меня только двугривенной». — «Ну так пошалберим».

Входим — точно, девки четыре, хорошенькие, разодеты как куклы, ему уже знакомы, а я знакомлюсь. Идут с апельсинами, кличу и на свой двугривенной покупаю десяток. Едим и резвимся. Одна показалась мне лучше прочих, ею и занялся. Офицер им сказал: «Это богатой ротмистр», — то она более начала меня ласкать. «Хотите видеть мою кровать?» — и пошли в

другую небольшую комнату. Кровать с тафтяным занавесом хорошо драпирована, кресла красного дерева и столик. Мы сели на кровать. Она более употребила ласкательства и привела меня в такое положение, что я непременно хотел удовлетворить желание. Лишь спросил ее согласия, она потребовала денег, а как их нет, то я начал требовать апельсин. «Я вам пять куплю». — «Да мне мой надобен. Зачем ела?» — и прибавя силы, исполнил свое желание. По выходе от них я сказал офицеру, и довольно смеялись. Он говорит, что они меньше трех червонных не берут...

Придя в Чеханов, подал просьбу в отставку. Прожив несколько время, вспомнил о том поляке, которой у хорунжины приглашал меня к себе, а более о его дочери. Поехал к нему, он встречает меня в зале, входим в гостиную. Приходит его дочь. Извиняется, что должен отлучиться по делам, а хозяйка займется мною. Он скоро воротился и просит, чтоб я остался обедать. Охотно согласился остаться, и более потому, чтоб быть с паняночкой одним. Когда отец ушел, она села за фортепьяно, поиграла немного. Мы завели разговор о бывшей вечеринке у Дунбовской и о прусских офицерах. Не видали, как прошло время. Пан пришел, и скоро пошли обедать. После я откланялся. Хозяин просил чаще бывать. Подошел к дочери, она с умильным взглядом подала руку. Я поцеловал посильнее обыкновенного, взглянул на лицо — она пустила глаза. На другой день приехал он ко мне, посидел довольно долго. Ласки, оказанные им, дали повод чаще бывать у него. Часто без него просиживал с панночкой по нескольку часов, не смея какого-либо дерзкого предложения, и она, находя удовольствие быть со мною, вела себя с крайней осторожностью, не давала поводу сказать что-либо лишнего. Когда я что зболтаю, она с неудовольственным лицом как-нибудь перевернет или заговорит другую материю, но быть вместе оба находили большое удовольствие. Не знаю, какие она имела виды, но я никаких; а скучаю, когда расстаюсь с нею...

Отставка моя вышла; велено было сдать эскадрон ротмистру Смольяну. Я вывел эскадрон, скомандовал на караул, отсалютовал ему; потом на плечо, вложил саблю и отошел. Кончилась моя военная служба; с тех пор уже сабля из ножон не вынималась.

КОММЕНТАРИИ

1. *Меллер-Закомельский Егор Иванович* (1765—1830), барон. Генерал-лейтенант. В 1790 году подполковник 2-го батальона Бугского егерского корпуса.
2. *Зыбин Михаил Иванович* (1750—1799), подполковник Алексопольского пехотного полка, затем командир Московского мушкетерского полка. В 1797 году был отставлен от службы.
3. *Авдулин* — скорее всего, Николай Михайлович (1772—1825), штаб-ротмистр.
4. *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801), князь. Участник Семилетней и русско-турецких войн. С 1796 года генерал-фельдмаршал.
5. *кофишенк, муншенк* (мунд-шенк) — придворные буфетчики и официанты.
6. В последием путешествии Г. А. Потемкина сопровождала племянница Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардт (1754—1838), кавалерственная дама, жена гр. Ксаверия-Франца Браницкого. Ее дочь Елизавета Воронцова (1792—1880) известна по своим отношениям с А. С. Пушкиным.
7. *окуражить* — ободрить, обрадовать.
8. *Чорба Иван Федорович*, подполковник Полтавского легкокониого полка с 1794 года.
9. В 1792 году.
10. *Прага* — предместье Варшавы.
11. *Энгельштром (Игельстром) Иосиф Андреевич* (1737—1823), барон, поздиее граф, генерал от инфантерии. В 1794 году генерал-аншеф, чрезвычайный и полномочный посол в Варшаве, с 1797 года военный губернатор Оренбурга.
12. *кластор* — монастырь.
13. *дежене* (франц.) — прибор для завтрака.

Публикация, вступительная статья и комментарии **ВЕРЫ БОКОВОЙ**

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Среди множества пробелов нашей исторической памяти стоит выделить один, едва ли не самый парадоксальный. Попробуйте-ка ответить, куда исчез в эпоху раздробленности город Киев, давший имя целому периоду древнерусской истории? В массовом сознании вслед за Киевской Русью прочно отложились перипетии складывания Московского государства. Центры крупнейших княжеств — Киев, Полоцк, Смоленск, Чернигов — куда-то пропадают на несколько веков. Между тем в XIV — XVI веках эти земли развивались, богатели... Начиная с XIII века вплоть до времен Екатерины II их история теснейшим образом связана с существованием Великого Княжества Литовского (сокращенно ВКЛ).

В учебниках совсем еще недавнего времени об этом государстве кратко упоминали в главах из «истории народов Прибалтики в средние века».

В основе классической версии советской историографии (см. работу В. Т. Пашуто «Образование Литовского государства». М., 1959) лежит тезис о захвате литовцами славянских земель как о главном факторе, обусловившем создание ВКЛ. А раз завоевание «иноземное», то и к русской истории сие государство имеет отношение почти что косвенное. Объединение русских земель могло осуществляться только вокруг Москвы, и никак иначе... В итоге разработка наследия Великого Княжества вращалась в основном вокруг праведных стенаний об угнетении иноверными феодалами «народных масс» Украины и Беларуси, которые якобы проникновенно ждали избавительного похода московского воинства.

И просто необходимо научное представление об истории этой почти неведомой нам державы, простиравшейся от Балтики до Черного моря, от Подмосковья на востоке до границ Польского и Венгерского королевств на западе. Великие князья литовские — Миндовг и Войшелк, Витень и Гедимин, Кейстут и Ольгерд, Ягайло и Витовт — сыграли не меньшую роль в исторических судьбах «пространства восточных славян», чем их современники — московские государи, которых знает каждый школьник.

Теперь наследие Великого Княжества из проблемы закрытой и забытой превратилось в объект острейших споров, не только научных, но и политических. С обретением Литвой, Беларусью и Украиной государственной независимости прежние точки зрения пересматриваются с невероятной скоростью. Версии, трактовка фактов, окраска подаваемого материала — все теперь отличается, все «не как у соседей». Редакция «Родины» решила сопоставить различные точки зрения по ключевым проблемам, связанным с Великим Княжеством.

В дискуссии приняли участие
с российской стороны:
— кандидат исторических наук
АЛЕКСАНДР ВАДИМОВИЧ ВИНОГРАДОВ
(Институт российской истории РАН);
— кандидат исторических наук
СТАНИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ДУМИН
(Государственный исторический музей);
— доктор исторических наук
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ФЛОРЯ
(Институт славяноведения и балканистики РАН);
с литовской стороны:
— кандидат исторических наук
ЭГИДИЮС БАНИОНИС;
— научный сотрудник **РОБЕРТАС ГИРКОНТАС;**
— доктор исторических наук
ЭДВАРДАС ГУДАВИЧЮС;
— научный сотрудник **АРТУРАС ДУБОНИС;**
— научный сотрудник **ЗИГМУНТАС КЯУПА;**
— кандидат исторических наук **ЮРАТЕ КЯУПЕНЕ;**
— доктор исторических наук
ЛЕОНАС МУЛЯВИЧЮС
(все — Институт истории Литвы);
— доктор исторических наук
МЕЧИСЛОВАС ЮЧАС *(Вильнюсский университет);*
с белорусской стороны:
— кандидат исторических наук
ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГОЛЕНЧЕНКО
(Институт истории АН Беларуси);
— кандидат исторических наук
ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КАРЕВ
(Гродненский университет);
— кандидат исторических наук
ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ ЛОЙКО (ИИ АН РБ);
— кандидат исторических наук
МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ СПИРИДОНОВ *(ИИ АН РБ);*
с польской стороны:
— доктор **ИЕРОНИМ ГРАЛЯ** *(Исторический институт Варшавского университета).*

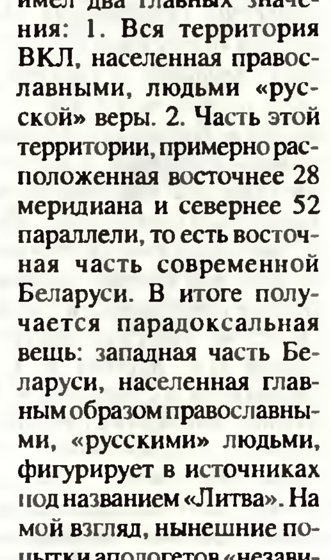
Беседу вел редактор отдела древней и новой российской истории журнала «Родина» кандидат исторических наук Юрий Борисёнок.

В тексте использованы (выделены цветом) выдержки из наиболее интересных выступлений на международном «круглом столе» «Беларусь в Великом Княжестве Литовском», состоявшемся в Минске 6—7 апреля 1992 года. Представлены точки зрения: доктора исторических наук Анатолия Петровича Грицкевича (Минский институт культуры), профессора Юлиуша Бардаха (Варшавский университет), профессора Анджея Рахубы (Польская академия наук).

Узел первый: ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ЛИТОВСКАЯ ЗЕМЛЯ?

Ю. Борисёнок. *Происхождение слова «Литва» вызывает самые различные толкования. Каково ваше мнение на сей счет? Каким образом территория летописной Литвы XI—XIII столетий соотносится с территорией современного нам Литовского государства?*

Б. Флоря. В средневековых источниках «Литва» — это территория, на которой живут литовцы. Нынешние Литва и Западная Беларусь — ядро, вокруг которого образовалось ВКЛ. Далее, «Литва» — это ВКЛ в целом, т. е. выступает в качестве политонима. «Литвин» (так обозначалась принадлежность человека определенному государству) — это не обязательно литовец по национальности, этнический элемент здесь практически отсутствует. Образование ВКЛ не сопровождалось расширением территории, которую к тому времени занимал литовский этнос. В течение длительного времени этническая граница была стабильной.

Герб Великого Княжества Литовского. С рис. 1575 года.

Д. Карев. Что касается происхождения термина «Литва», то я не знаю достоверных подтверждений версии, что термин «Литва» имеет какое-то отношение к литовскому этносу.

Русские источники, как правило, называют так целую область, «землю», которая при походах киевских князей на литовские племена называлась в летописях «Литвой». Но географически это территория современной Западной Беларуси.

Если говорить о соотношении летописной и современной территорий государства, они однозначно не совпадают. Строго говоря, подобные параллели — древности и современности — кажутся мне некорректными. Ранний период складывания литовской государственности, как и во многих других странах, прежде всего земельно-племенной, и придавать этим процессам национальную окраску бессмысленно.

М. Спиридонов. Анализ многочисленных источников XVI века — документов официальных и частных лиц — позволяет утверждать, что термин «Литва» имел два основных значения: 1. Вся территория государства ВКЛ. 2. Часть территории ВКЛ примерно западнее 28 меридиана и севернее 52 параллели, исключая «Жомойтскую землю». Совершенно очевидно, что даже в узком смысле этот термин обозначал не только этническую Литву, но и западную часть Беларуси.

В то же время понятие «литовский», полностью соответствуя первому значению термина «Литва», в узком смысле обозначало прежде всего литовский народ и его родной язык. Например, в XVI веке в ходе разбирательства судебного дела в районе Солечников (ныне Шальчининкай) один из шляхтичей агитировал свидетелей именно на «литовском» языке, чтобы другая сторона не поняла, о чем идет речь.

Термин «Русь» также имел два главных значения: 1. Вся территория ВКЛ, населенная православными, людьми «русской» веры. 2. Часть этой территории, примерно расположенная восточнее 28 меридиана и севернее 52 параллели, то есть восточная часть современной Беларуси. В итоге получается парадоксальная вещь: западная часть Беларуси, населенная главным образом православными, «русскими» людьми, фигурирует в источниках под названием «Литва». На мой взгляд, нынешние попытки апологетов «независимой национальной концепции истории» Беларуси полностью отождествить «Литву» и «Беларусь», игнорируя при этом «Русь» и «русских», несостоятельны в научном отношении.

Э. Гудавичюс. Историкам не надо забывать, где живут литовцы. Конечно, эта территория связана с литовским этносом. Но при этом часто забывают о стадиях развития этноса — говорят о нации, народности и т. д.

Пользуясь данными лингвистики, археологии, антропологии, мы можем в основных чертах восстановить картину ранней истории Литвы. Исследования археологов Куликаускене и Таутавичюса, лингвиста Зинкявичюса, антрополога Чесниса позволили прояснить процесс образования литовских племен из какого-то первичного племени.

К началу XIII века складывается такая картина: на взморье литовцев еще нет, русские и немецкие источники сходятся в том, что жемайты называют себя литовцами, но есть литовцы, которые не жемайты. В XIII веке мы имеем два понятия «Литвы» — это конкретная земля и вся территория, на которой живут литовские племена. Поэтому, когда мы сталкиваемся с понятиями «Литва» и «литовский», надо четко отдавать себе отчет: что же это такое? Чаще всего этот вопрос игнорируется.

Известный польский ученый X. Ловмяньский убедительно доказал, где находится «Литва» в узком смысле слова. Об этом свидетельствуют и Ипатьевская летопись, и рифмованная Ливонская хроника. Они однозначно указывают на район Юго-Восточной Литвы (как мы говорим в Литве — Дзукия). Именно здесь располагается домен Миндовга. Именно здесь колыбель литовского племени и литовского государства.

А. Дубонис. Термин «Литва» появился в русском, польском и других славянских языках непосредственно из литовского языка. По происхождению это скорее гидроним (речка Летаука, приток Нериса). Первоначальная Литва — это небольшой район между реками Нерис, Вилия и Неман.

Ю. Борисёнок. *Давайте теперь оттолкнемся от терминов и перейдем к конкретной истории. Как же все-таки возникло ВКЛ? Основу традиционной концепции составляет тезис о «завоевании» Литвой западных земель Киевской Руси.*

Д. Карев. Скажем честно: при изучении начального этапа истории ВКЛ сложилась примерно та же ситуация, что и с Киевской Русью — мизер источников и максимум интерпретаций. Наш известный историк А. А. Зимин в одной из своих работ подчеркивал: если у историка нет твердого ответа «да» или «нет» на конкретный вопрос, то честнее будет сказать, что «может быть, так», а «может, и по-другому». К сожалению, историки, занимающиеся ВКЛ, очень часто однозначно стоят на своем, игнорируя новые источники. Так повелось чуть ли не с XVIII века, когда вышли первые исторические исследования на эту тему.

Официальные российские власти поддерживали версию литовского завоевания по одной простой причине: так было удобнее оправдать возвращение «наших», незаконно завоеванных земель, «нашего наследия». На этой платформе в исторической науке формируется целое направление так называемого «западнорусизма» (М. О. Коялович и др.).

И только начиная с 80-х годов прошлого века российская либеральная университетская наука пытается решить эту проблему более или менее объективно, прежде всего усилиями академика М. К. Любавского («Очерк истории Литовско-Русского государства». М., 1915). И современные исследователи, уточнив даты или ход событий (что само по себе естественно), концепцию Любавского не изменили.

Г. Голенченко. В советское время пошли самым простым путем: полагалось думать, что Древняя Русь была расщеплена под воздействием агрессии внешних сил: монголов и литовцев. Хотя эта система власти, по официальной версии, была менее жестокой, чем при монголах, и до и после Люблинской унии приходилось вести борьбу за социальное и национально-религиозное освобождение, и все пришло в норму только после разделов Речи Посполитой (если не социального, то национально-религиозного освобождения достигли). Иная концепция выдвинута в Литве в межвоенный период: Великое Княжество создано литовскими князьями. В целом она тесно смыкается с концепцией В. Т. Пашуто, отличаясь от нее второстепенными деталями. С возникновением белорусского национально-демократического движения возникла и версия, трактующая ВКЛ как «белорусское государство» (Вацлав Ластовский, ряд эмигрантских историков в Вильно, Каунасе и Праге).

Версия о завоевании древнерусских земель литовцами не подтверждается материалами большой работы «Белоруссия в составе Великого княжества Литовского», которая долгие годы писалась в Институте истории Белорусской Академии наук, но так и не вышла в свет. Именно там еще 15—20 лет тому назад была сформулирована наиболее взвешенная, на мой взгляд, точка зрения, согласно которой процесс создания ВКЛ отражал центростремительные тенденции, которые вызревали как на территории западнорусских княжеств, так и на землях этнической Литвы.

С. Думин. Сейчас другая крайность: судя по работе белорусского исследователя М. Ермоловича, Беларусь завоевала Литву, а летописная Литва находилась на современной территории Беларуси. Там написано, что Миндовг был князем Руси, Войшелк — новогрудским князем. В таком случае белорусы стали как бы инициаторами создания ВКЛ.

З. Кяупа. Работа М. Ермоловича — ярчайший пример околонаучной фантастики. Только осуществив грубое насилие над источниками, можно сомневаться в том, что первоначальная Литва находилась якобы не на теперешней литовской территории. На самом деле этот вопрос разрешен уже давно (можно сослаться хотя бы на исследования X. Ловмяньского).

А. Рахуба. Не слишком понимаю смысл концепции, согласно которой белорусы создали Литовское государство или ВКЛ. Для меня страна — это не только территория, но также и люди. Если завоеватели белорусы, то куда же они потом делись? Ежели они заняли ту самую Литву до Новогрудка, так кто же составлял правящий слой? А им еще долго были литовцы. Мне неизвестны примеры каких-нибудь особенно больших карьер и сколько-нибудь большого значения русского боярства в первоначальный период существования Великого Княжества (Беларусь у Вялікім Княстве Літоўскім. Мн., 1992. С. 108—109. Далее ссылки даются по этому изданию).

М. Спиридонов. Литовское государство создавали прежде всего литовская знать и феодалы. Фактор военной силы, безусловно, играл здесь значительную роль. Но свести сложнейший процесс к примитивно трактуемому «завоеванию» (на манер монгольского) невозможно. Была и встречная тенденция — согласия, союза, объединения. Государство образовалось в результате взаимодействия двух основных факторов — военного и договорного.

Д. Карев. А не использовал ли князь Миндовг в своей борьбе с соседями русские дружины, подобно тому, как в Древней Руси прибегали к помощи варягов?

С. Думин. Русские земли явились опорой литовского князя в борьбе с племенными княжениями. Миндовг, что называется, пришел на готовое. Великое Княжество образовалось в эпоху двух нашествий — немецкого с запада и ордынского с востока. Эти две волны не столкнулись и не проникли на территорию княжества. Литва в союзе с княжествами-соседями смогла противостоять и тому, и другому натиску. Затем — приращение территории при Гедиминовичах: Киевское княжество, Волынь и Подолия, активная политика в отношении Северо-Восточной Руси.

И. Граля. Теория двух нашествий, по-моему, не совсем оправданна: постоянного монгольского натиска на земли ВКЛ не было. Это верно как в отношении Литвы и западнорусских княжеств, так и в отношении Волыни.

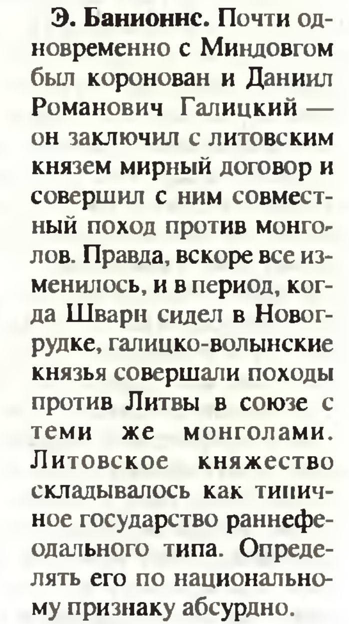
Б. Флоря. Мне кажется, что сама постановка вопроса: а было ли завоевание? — отталкивается от наших традиционных представлений — либо завоевание, либо «добровольное присоединение» (теперь его все отвергают). Давайте посмотрим на проблему иначе.

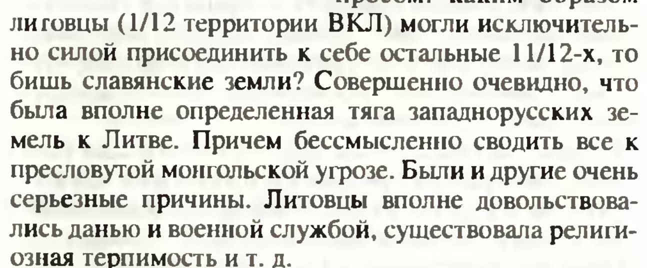
На практике способы присоединения были самые разные. Есть много оснований предполагать, что с Полоцком заключили своего рода соглашение, «ряд», договор между князьями. Смоленск, несомненно, долгие годы завоевывался Литвой военной силой.

Традиционная общественная организация присоединенных княжеств не претерпевала значительных изменений: состав господствующего класса практически не менялся, власть на местах в отдельных землях оставалась все-таки в руках местных феодалов. Областные привилеи (великокняжеские грамоты) прямо предусматривали, что волости должны отдаваться в управление местным боярам. В итоге сложилось достаточно прочное и долговечное государство.

М. Ючас. Образование государства и этническая консолидация у литовцев и близких к ним племен в литовскую народность происходили одновременно (XI—XII века). Правление Миндовга — скорее завершение, а не начало этого процесса. Литва впервые упомянута в 1009 году в анналах Кведлинбурга. Там записано, что сын саксонского графа епископ и монах Бруно из Кверфурта погиб от руки язычника «в пределах Руси и Литвы». Источники предполагают, что все это случилось между ятвягами и Русью. На мой взгляд, под территорию Литвы XIII века стоит отводить несколько более обширные земли, чем упомянутая здесь «собственно Литва».

З. Кяупа. Государство Миндовга — Литва — сложилось к 40-м годам XIII века, когда Миндовг подчинил себе земли литовских племен. Затем последовала экспансия на юг и юго-восток, где проживало смешанное балто-славянское население. В 1253 году литовское государство стало королевством. Так в середине XIII века Литва вошла в систему европейских государств.

Герб Вильно (XVI век).

Э. Банионис. Почти одновременно с Миндовгом был коронован и Даниил Романович Галицкий — он заключил с литовским князем мирный договор и совершил с ним совместный поход против монголов. Правда, вскоре все изменилось, и в период, когда Шварн сидел в Новогрудке, галицко-волынские князья совершали походы против Литвы в союзе с теми же монголами. Литовское княжество складывалось как типичное государство раннефеодального типа. Определять его по национальному признаку абсурдно.

М. Ючас. Давайте зададимся элементарным вопросом: каким образом литовцы (1/12 территории ВКЛ) могли исключительно силой присоединить к себе остальные 11/12-х, то бишь славянские земли? Совершенно очевидно, что была вполне определенная тяга западнорусских земель к Литве. Причем бессмысленно сводить все к пресловутой монгольской угрозе. Были и другие очень серьезные причины. Литовцы вполне довольствовались данью и военной службой, существовала религиозная терпимость и т. д.

З. Кяупа. Складывание ВКЛ проходило очень динамично, и ведущим был, вне всякого сомнения, фактор подчинения. Утверждать, что «Литва собирала русские земли», совершенно бессмысленно. В источниках нет никаких доказательств этого.

Ю. Бардах. Я согласился бы с точкой зрения, что единение белорусских и украинских земель с территорией, где жило литовское, балтское население, происходило не путем насилия, завоевания. Должен заметить, что это насилие скорее является схемой российской науки, нежели польской или литовской. Я согласен с тем, что ВКЛ было создано в условиях, когда русские земли соединились с литовскими, с Аукштайтией, династически, то есть добровольно. Таким образом они спасались от зависимости от татар и крестоносцев, имели совместные военные интересы (С. 83).

М. Ючас. С конца XV века распространилась теория о том, что Литва наследует Киевскому государству. В летописи повествуется об устранении Гедимином последнего киевского князя Станислава (по другим источникам о нем ничего не известно), после чего следует рассказ об основании Вильно (1323). Согласно этой теории, ни Москва, ни Варшава не могут претендовать на киевское наследство. Только Литва — единственно законная собирательница русских земель. Достаточно четко подобную позицию выразил еще литовский князь Ольгерд в 1358 году.

З. Кяупа. Разница в том, что Москва воссоздавала русское государство, а литовские князья себе такой цели не ставили. Ольгерд стремился к тому, чтобы все русские земли покорить, а не «собирать». Не существовало и никакой «идеологии собирания». Надо учитывать то, что в XII—XIII веках Литва была периферией Европы (хотя языческая Литва формально находилась в состоянии войны чуть ли не со всей католической Европой к северу от Альп — там располагалась материальная и демографическая база крестоносцев).

А. Дубонис. В Литве периода формирования государственной территории абсолютно все: экономика, политическая система, культура — однозначно работало на войну. Действительно, ресурсы были невелики, но взору открывалась предельно четкая перспектива на востоке.

З. Кяупа. В условиях феодальной раздробленности Руси ее пространство стало очень привлекательной и достижимой целью. Богатые земли (Полоцкая, Турово-Пинская, Смоленская) были в состоянии платить обильную дань, имели разветвленные торговые пути. Через Волынь, в частности, пролегали пути в Крым. С другой стороны, литовским князьям требовались вассалы и военная сила. Не последнюю роль играл и династический интерес: у основателя литовской царствующей фамилии Гедимина было 5 братьев, 8 сыновей и 34 внука. Около 50 Гедиминовичей, многочисленной родни великого князя, нуждались в новых владениях. Литва покоряла соседние земли «с мечом на поясе, но не обязательно в руке». Наряду с завоеванием известную роль играли и другие факторы.

Э. Банионис. При характеристике процесса образования ВКЛ необходимо серьезно учитывать такие ключевые понятия феодальной эпохи, как «вассалитет» и «сюзеренитет». Уже при Миндовге в Полоцке появляется литовский князь Гердень, который заключил с полочанами «ряд» (договор, соглашение). По нему значительная часть древнерусских княжеств перешла в вассальную зависимость от литовцев. При этом примечательно, что еще в 1442 и 1473 годах была установлена абсолютно четкая граница с обоими орденами — Ливонским и Тевтонским. На востоке все оставалось нечетко, размыто, границы не было — такое состояние определялось именно вассальными отношениями.

Если мы обратимся к договору Казимира IV и Василия II 1449 года, то обнаружим, что все князья, имеющие владения в верховьях Оки, имеют право переходить в подданство либо московского, либо литовского князя и возвращаться обратно. Такие переходы вплоть до первой четверти XVI века происходили сплошь и рядом. Надо учитывать, что ВКЛ являлось федеративным государством, а восточная граница была прозрачной.

Узел второй и самый главный: ГОЛОВОЛОМНОЕ СКАЗАНИЕ О ЛИТВИНАХ, РУСИНАХ И ИХ ДЕРЖАВЕ

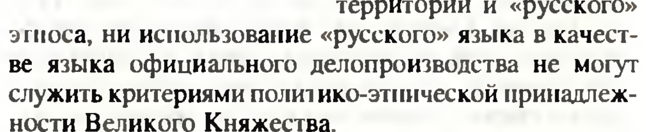
Ю. Борисёнок. *Наследников у Великого Княжества превеликое множество, и каждый норовит доказать первородство — ведущее положение собственной этнической группы. Поэтому необходимо выяснить, каким было соотношение литовского и славянского элементов в истории ВКЛ. В последнее время основным вопросом стало определение национального характера этого государства. Так что же такое ВКЛ — держава этнических литовцев, «другая Русь» или «Беларуска-Літоўскае гаспадарства»?*

Г. Голенченко. Все эти споры будут схоластичны и запутаны, если мы не вычленим ключевые звенья государственности. Можно исследовать ментальность, культуру, территорию, этнографию, но не это будет главным. Главное — определение политического механизма и сил, которые его контролируют. Следовательно, надо исследовать роль и функции всех государственных институтов, начиная с верховной власти, законодательство, землевладение (как материальное выражение политической власти), а также эволюцию соотношения политических сил между белорусско-украинскими («рускими») и литовскими феодалами в разные периоды истории ВКЛ, т. е. подвергнуть анализу в первую очередь политический механизм, а потом уже говорить о территории и языке.

В результате обсуждения на «круглых столах» в Минске и Гервятах Гродненской области (апрель и июнь 1992) был сформулирован тезис, согласно которому ВКЛ логично называть «белорусско-литовским» или (как адекватный вариант) «литовско-белорусским» государством, не забывая о том, что в определенные периоды истории в его развитии большую роль сыграл и украинский этнос. Эта характеристика, безусловно, не отражает всей специфики процесса, но в настоящее время она представляется наиболее прагматичной (хотя научно еще не обоснованной). И в Литве, и в Беларуси есть крайние точки зрения. М. Ермолович, например, считает это государство чисто белорусским, исходит из позиции завоевания Литвы западнорусскими (новогрудскими) феодалами (литовцы как этнос и как политическая сила при этом исчезают). Напротив, некоторые литовские историки

утверждают, что это было чисто литовское государство, отрицая активную политическую роль белорусско-украинских феодалов.

А. Грицкевич. В 20-х годах нашего столетия белорусские историки, начиная с В. И. Пичеты, определили это государство как «Беларуска-Літоўскае гаспадарства»... Но... выполняя приказ большевистской партии, советские, в том числе белорусские советские, историки в 30—40-х годах начали называть это государство Великим Княжеством Литовским и рассматривали его как чужое государство, враждебное белорусскому народу и главным образом Московскому государству... Большую часть населения со времени создания Белорусско-Литовского государства составляли белорусы, которые в основном определяли политику державы, как внутреннюю, так и внешнюю. Они же определяли и культурную жизнь государства. Они же первыми принесли христианство литовцам-язычникам. Начиная с конца XIV и до середины XVI века в составе панов-рады значительную часть с самого начала занимали белорусы... Состав руководящего, правящего органа государства определяет и сам этнический его характер. К этому можно добавить и войско, где белорусы составляли значительную, большую часть. Вы можете мне возразить: а куда же подевались украинские феодалы? Во-первых... украинские земли имели более самостоятельное значение в этой державе, более автономное. Было Киевское воеводство, Волынь и другие земли. Ну и, во-вторых, Украина тогда — это не Украина теперь. Тогда Украиной было бы, что теперь север Украины. Где-то за 100 км на юг от Киева уже было Дикое поле. Украинцы... были где-то на обочине, были далеко от столицы — Вильно. У них были свои проблемы — борьба с крымскими татарами, что и определило их позицию накануне Люблинской унии, когда украинская шляхта добровольно подписала соглашение о переходе украинских воеводств в состав Короны (С. 33—35).

Герб Витебска (XVI век).

М. Спиридонов. Явно политизированная концепция «белорусско-литовского государства» представляет историографический тупик. Попытка решить сложнейшие проблемы без серьезного исследования источников на разного рода сепаратных сходках и «круглых столах» обречена. Компромиссное определение «сущности» ВКЛ, возрождаемое эпигонами старой белорусской историографии, искусственно и ненаучно.

Вопреки широко распространенным домыслам, большинство крупнейших земельных собственников (магнатов) ВКЛ являлись литовцами по этническому происхождению и, как правило, католиками по вероисповеданию. Именно они преобладали в составе Рады, особенно тайной, и снаряжали в войско больше конных воинов, чем «русские» православные феодалы аналогичного ранга. Поветовая шляхта (чаще всего мелкие феодалы) этнической Литвы также поставляла в войско значительно больше рыцарей, чем такая же шляхта Беларуси.

Второстепенная роль «русских» православных феодалов подтверждается всем ходом исторического развития ВКЛ, как до объединения с Польшей в единое государство — Речь Посполитую на Люблинской унии (1569), так и позднее. Католицизм и земельная собственность католической церкви стали активно насаждаться в Беларуси сразу же после Кревской унии (1385). Поэтому ни преобладание в составе ВКЛ «русских» территорий и «русского» этноса, ни использование «русского» языка в качестве языка официального делопроизводства не могут служить критериями политико-этнической принадлежности Великого Княжества.

Ю. Бардах. Одним из существенных вопросов является проблема «политического народа». «Политический народ» — это шляхта, шляхта литовская и шляхта белорусская. А существование белорусской шляхты... означает, что белорусская нация была соправительницей в Литовско-Белорусском государстве. Так бы я сказал это в Вильно... А в Минске я бы говорил о Белорусско-Литовском государстве... Только на этом пути мы окажемся в согласии с исторической правдой.

Давайте вспомним, что и второй, и третий статуты ВКЛ готовили комиссии, избранные сеймом. Они были созданы на паритетной основе: в их составе предусматривалось пять членов латинского вероисповедания и пять — православного... Это значит, что половину тех, кто готовил статуты, составляли «русины». Они являлись предками современных белорусов, жителями этой земли (С. 82—83).

А. Рахуба. Должен признаться, что я определенно запутался в терминах, которые здесь используются.

Ибо что такое Русь, Беларусь, Украина в средние века? Существовал ли вообще в XV веке термин... Украина? Должен честно сказать: сталкиваюсь с этим впервые. Если кто-то тогда ехал из Минска в Новогрудок, то ехал он в Литву, а не в Беларусь. Мне кажется, что единственным имеющим смысл выражением является «русь» вообще... Трудность в том, что нужно всякий раз оговариваться, о какой Руси мы говорим (Москва в те времена имела свое название)...

Профессор Грицкевич здесь говорил о разных процентах, о различных учреждениях ВКЛ, где белорусы составляли большинство. Между прочим, он упомянул о том, что большую часть литовского войска составляли белорусы и это представляет собой повод для гордости... Но проблема в том, что пока нет таких исследований, где бы выяснялось, какой процент литовского войска составляли белорусы... А когда нет таких работ, так о чем же говорить? (С. 58-59).

И. Граля. В состав ВКЛ входили не только литовские и белорусские земли. Давая такое определение, мы признаем, что украинское население ВКЛ (включая Киев!) будто бы не имело никакого влияния, а славянскую составляющую этого государства якобы определяли только белорусы. Учитывая то, что для XIV—XVI веков крайне сложно разграничить белорусское и украинское население ВКЛ, особенно с точки зрения исторического сознания, я бы предпочел вернуться к давно известному определению: Литовско-Русское государство.

С. Думин. Отрицать роль литовских князей, литовской династии в соединении воедино русских и литовских земель было бы столь же смешно, как отрицать роль варягов в образовании Древнерусского государства. Под властью литовской династии — Гедиминовичей — оказались и балтские, и славянские земли (при преобладании последних).

В XIV—XV веках нарастает противостояние двух центров собирания русских земель. Интересы Гедиминовичей явно сосредоточены на Руси. Противостояние Московской и Литовской Руси, обострившееся еще при Ольгерде, продолжается на протяжении всего XV века.

Правнук Витовта — московский князь Иван III — был, кажется, единственным его потомком, который успешно продолжал объединение.

В XVI веке, на мой взгляд, происходит какая-то стабилизация, наконец определяется территория двух русских государств. При этом Литовско-Русское государство все чаще подпадает под западное влияние (эта ориентация охватывает и восточнославянское население).

М. Спиридонов. Термин «Литовско-Русское государство», часто встречающийся в работах историков, представляет собой суррогат, продукт вполне определенных политических условий. Такого сочетания слов нет в источниках, и употребление его неправомочно.

З. Кяупа. ВКЛ образовалось в первой половине XIII века путем объединения и подчинения земель литовских и других балтских племен. Это было государство литовских князей и бояр. Таковым оно оставалось и в период присоединения русских земель (вторая половина XIII — XIV век); местное славянское боярство не участвовало в управлении государством. В 1432 году произошло политическое уравнение прав литовцев-католиков и славян-православных. С этого времени развертывается оформление единого правящего сословия — «политического народа». Славянские подданные великого князя литуанизировались политически, оставаясь при этом православными и славяноязычными. Однако до XVI века в Раде панов имели литовцы-католики, некоторые должности (виленского и трокского воевод) были закрыты для православных. К 40-м годам XVI века вымирают многие старые магнатские роды, и на освободившиеся места прорываются православные феодалы — Сапеги, Ходкевичи, Тышкевичи.

Ю. Кяупене. Но занимая позиции наверху, они обязательно впитывают в себя литовское государственно-политическое самосознание.

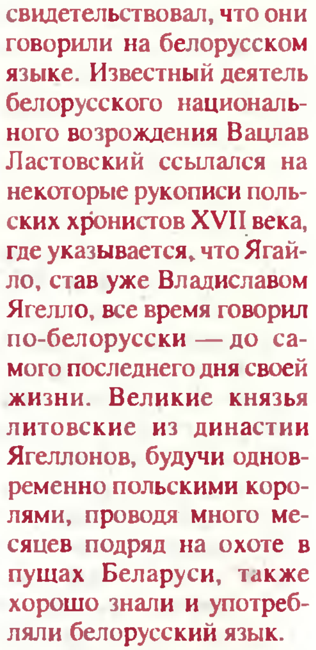
З. Кяупа. После 1566 года сформировалось однородное государство с единым господствующим сословием — шляхтой ВКЛ. Шляхта не разграничивалась в национальном отношении. Для шляхты (это 8—10 % населения, гораздо больше, чем в Московском государстве) создается своего рода правовое государство. Царило полновластие сеймов и сеймиков. Общегосударственные дела мало заботили шляхту, политику творили магнаты, а типичный шляхтич предпочитал отсиживаться дома — плевать он хотел на какую-нибудь Смоленскую войну. (Показательно, что и после Люблинской унии литовцы не участвовали в войнах Речи Посполитой без соответствующего решения своего сейма.)

Э. Баниoнис. Важно отметить, что ВКЛ XV— XVI веков — это, по сути, конституционная монархия. Без панов-рады великий князь не мог отправить послов, не мог он и отменить решение панов-рады.

П. Лойко. Важно отметить, что с XVI века на первом плане находятся не характеристики типа «русский»—«литовский», «католический»—«православный», а понятие «литвин». Этот термин встречается в большинстве источников XVI, XVII, да и XVIII — XIX веков. Что-то вычленить в этой этническом котле, где смешались славяне и балты, практически невозможно. Именно этот балто-славянский синтез (о котором, кстати, упоминал Пашуто) наиболее продуктивный путь для научного решения проблем политического, экономического и культурного развития Великого Княжества. Что получается в XIV—XV веках? Преобладание литовского элемента в политической сфере сочетается с перевесом славянского начала в экономической и культурной областях. Развитие ВКЛ с XIII века до Люблинской унии (1569) представляет собой эволюцию от военно-политического союза к общегосударственному объ-

единению. В этом «литвинском» государстве был заложен огромный потенциал.

Г. Голенченко. Термин «литвин» действительно был широко распространен в то время, но я не знаю случаев его употребления именно в качестве этнического названия белорусов, по крайней мере до Люблинской унии. В частности, у Ермоловича встречаются утверждения о том, что белорусы, особенно в Западной Белоруссии, называли себя литвинами. Но нет ни одного документа, который бы свидетельствовал об этом. Они себя называли «рускими людьми». Это было основное самоназвание славянского населения ВКЛ. Для Франциска Скорины нет никакого сомнения в том, что его книги предназначаются «посполитому люду языка рускаго» и сам он «руский». В привилеях виленским цехам XVI века литвины (в данном случае литовцы) и «руские люди» разграничивались между собой. Во многих документальных источниках зафиксировано и то, что в Западной Белоруссии живут именно «руские». «Руские люди» как этнос были расселены по всей нынешней белорусской территории, хотя существовало и более узкое историко-географическое понятие «Русь» (см. карту). В то же время уже в XVI веке в образованных слоях белорусского общества существовало достаточно четкое разграничение между «рускими» ВКЛ и русским этносом Великого княжества Московского («московитами»).

Герб Полоцка (XVI—XVIII века).

Мне кажется, что приверженцы крайних точек зрения, сознательно не желая исследовать центральный вопрос о характере политического механизма ВКЛ, акцентируют внимание именно на второстепенных деталях (культура, язык), используя которые невозможно сформулировать четкое представление о национальной государственности.

Узел третий: НАСЕЛЕНИЕ ВКЛ КАК НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ ЛЮДЕЙ В ЭПОХУ ПОЛНОЙ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ ФЕОДАЛИЗМА

Ю. Борисёнок. *Великое Княжество уникально не только как общность государственно-политическая, но и как явление социально-культурное. Давайте попытаемся выяснить, какие процессы доминировали в этой сфере. Для начала «вечный» (хоть и второстепенный) вопрос: на каких языках говорили и оформляли официальные документы в этом государстве?*

А. Грицкевич. Белорусский язык был господствующим в государстве не потому, что белорусский народ лучше остальных, а потому, что здесь укоренились давние традиции христианства... И еще я хочу остановиться на том, каким языком пользовались великие князья литовские в XIV—XVI веках.

Историк из Львова Антон Петрушевич, униатский священник и член-корреспондент Петербургской АН, свидетельствовал, что они говорили на белорусском языке. Известный деятель белорусского национального возрождения Вацлав Ластовский ссылался на некоторые рукописи польских хронистов XVII века, где указывается, что Ягайло, став уже Владиславом Ягелло, все время говорил по-белорусски — до самого последнего дня своей жизни. Великие князья литовские из династии Ягеллонов, будучи одновременно польскими королями, проводя много месяцев подряд на охоте в пущах Беларуси, также хорошо знали и употребляли белорусский язык.

... Белорусский язык до конца XVII века был официальным. Кстати, никто его не запрещал, как об этом пишут историки и другие ученые...(С. 35—36).

А. Рахуба. Является ли язык таким уж важным аргументом? Ибо в Польше уже долгие-долгие годы существовала хорошая литература на польском, а книги Коронной Метрики велись все еще по-латыни. А в отношении Литвы нам предлагают довод, что Литовская Метрика велась на русском. Но в XVII веке, где-то с 1618 года, она велась уже на польском... Неужели это значит, что Литвы с тех пор как бы нет, а есть только Польша?(С.109).

Б. Флоря. Мы обсуждали этот вопрос на одной из конференций. Член-корр. АН Украины Я. Д. Исаевич подчеркнул, что литературный язык везде абсолютно одинаков. Но если это написано на Украине, то мы называем это украинским, если в Беларуси — белорусским.

Д. Карев. Это верно. Большой разницы между староукраинским и старобелорусским нет вплоть до начала XVII века.

Б. Флоря. Впрочем, лингвистически можно доказать, что канцелярский язык ВКЛ был ближе к тогдашним белорусским говорам, но в таком случае мы должны установить, что украинское население считало для себя этот язык чужим, но этого-то как раз мы сделать уже не можем. Будет справедливо называть его русским, но с пояснением, что он был общим для белорусов и украинцев в составе ВКЛ.

И. Граля. Стоит обратить внимание на то, что этот самый «канцелярский язык» имел свои характерные особенности в разных белорусских и украинских районах ВКЛ. И белорусы однозначно не могут претендовать на то, что именно их язык использовался в канцелярском обиходе где-нибудь на Украине (верно и обратное).

Э. Гудавичюс. История языка неотделима от истории этноса, истории народа. Часто говорят, что белорусский и украинский языки якобы можно распознавать чуть ли не с XIV века (а кое-кто — и с XII-го). Действительно, можно указать множество единичных сигналов, которые восходят к современным языкам. Но главное все же в особенностях народного самосознания: мне кажется, что белорусы и украинцы почувствовали себя отдельными народами только в XVI веке (XV-й можно считать переходным периодом). Во второй половине XVI века по источникам очень ясно прослеживается, что в России, по понятиям этих людей, живут «московцы», а русские аттестуют жителей ВКЛ как «литовцев», а язык их «литовский». Литовский Статут уже надо переводить на русский язык. В этот период украинцы и белорусы ВКЛ — несомненно один народ, и все их считают одним народом, и никак иначе. Как они себя называют? Они русские; подданные московского царя, великороссы для них «москва». И латинские авторы, и поляки называют их «русскими», в современном польском языке термины «ruski» и «rosyjski» имеют совершенно разное значение. Я считаю, что их следует называть русинами (на юго-западной окраине бывшей территории ВКЛ этот термин до сих пор сохранился как название этноса), а язык русинским.

Э. Банионис. Надо четко разграничить, о чем идет речь — о разговорном языке или языке актов. Восприятие чужого письменного языка — дело привычное. При этом стоит привести результаты работы литовского историка К. Яблонскиса и белорусского филолога В. Антоновича, которые обнаружили в канцелярском языке ВКЛ около 300 чисто литовских слов и конструкций. Историки должны оперировать понятиями, а уж то, на каком наречии языка русинов написан конкретный акт, — забота исключительно филологов.

З. Кяупа. В ВКЛ одновременно функционировали четыре языка — два разговорных (литовский и русский [«ruski»]) и два письменных (латынь и славянский).

Р. Гирконтас. Последний правильнее всего называть канцелярским славянским языком канцелярии ВКЛ.

Ю. Кяупене. Он был, как и латынь, по сути, мертвым языком — на нем в чистом виде никто не говорил.

З. Кяупа. Все эти языки (к ним с середины XVI века добавился польский), особенно разговорные, имели ограниченное территориальное распространение и одновременно применялись во всех сферах общества. Не стану спорить с невежественными утверждениями о том, что Ягайло не знал литовского языка. Но достоверно известно, что при дворе Казимира Ягайловича в конце XV века литовский применялся в дипломатических договорах.

Ю. Борисёнок. *А сложилась ли в Великом Княжестве единая культура?*

С. Думин. Культурное влияние восточного славянства на литовское общество показывает, что это государство, не отказываясь от чисто литовских традиций, в большой степени было наследником Древней Руси. И не случайно программа его руководителей была программой объединения русских земель.

Д. Карев. Если говорить о культуре письменной традиции, то тут несомненно преобладали славяне. Свидетельство тому — появление в XVI веке официальной конституции государства — славяноязычных Литовских Статутов (1529, 1566, 1588 годов). Но если мы начнем выяснять, что тут было русское, белорусское или украинское, — уткнемся в узел больших споров.

Если же говорить о культуре крестьянской, массовой, то сравнительную несложность сближения славянского и литовского этносов определяло сходство материальной культуры.

Даже сейчас, в XX веке, на так называемом литовско-белорусском пограничье мы видим такую картину: литовское село — масса белорусских выражений; село белорусское — много литовской лексики. То же самое на элементарном уровне — орудия производства, быта и т. п., а что говорить о быте XIV—XV веков? Кроме того, славянское население этих пограничных областей в XIV веке было не очень-то христианским: христианство для крестьян лишь какой-то внешний флер, и это ускорило сближение литовского и славянского этносов на втором, языческом, полюсе массовой культуры.

С. Думин. Наверное, ни одна страна не обладает единой культурой. Существовала отчетливая тенденция к взаимообмену в культурах всех народов и всех сословий, населявших это государство. Когда татарское население ВКЛ в середине XVI века принимает тот же русский язык, это говорит о многом. Маленькая группа, интегрированная в общность, испытывает те же влияния, что и остальные, но с ней происходят наиболее разительные перемены.

Тюрки перенимают славянский язык, поскольку на этом языке говорят все остальные шляхтичи, а в XVII веке они столь же естественно переходят на поль-

ский, поскольку все вокруг полонизируется. Одежда, вооружение и т. д. — все это соответствует нормам, принятым в государстве.

Наверняка была единая материальная культура, единый государственный и общественный строй, хотя существовали и региональные особенности, единые права господствующего класса, унификация привилегий городского сословия в связи с магдебургским правом*. И вот из этой общей культуры в дальнейшем вырастают национальные культуры белорусского, украинского и литовского народов.

Б. Флоря. На протяжении XIV—XV веков происходит существенное сближение этнических групп: возникают традиции поведения в политической среде, ритуалы, общие собрания (сейм). Вот тогда уже можно говорить о сильных тенденциях к созданию общей культуры.

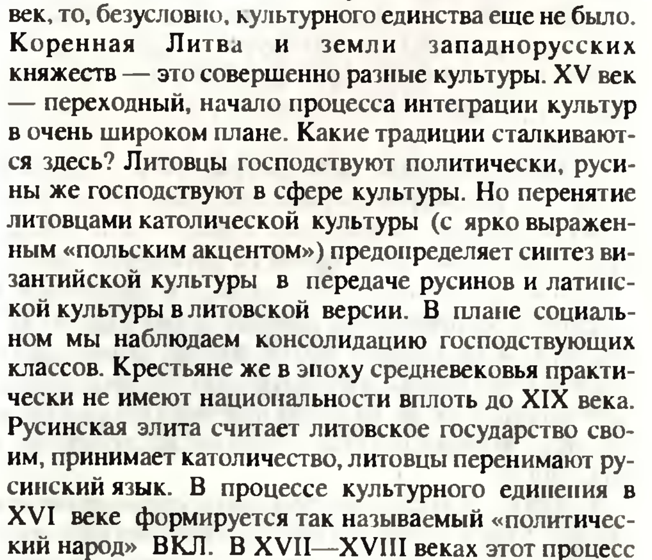
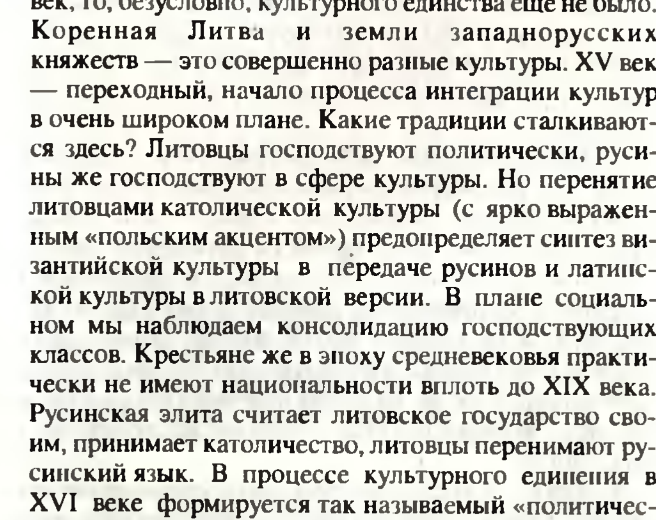
На мой взгляд, единая культура все-таки сложилась, но она была связана с пореформенным католицизмом, с ориентацией на польский язык и польскую культуру (в новое время все это явилось источником ряда конфликтов).

С. Думин. В Великом Княжестве два народа с разным культурным уровнем, с разными религиозными традициями оказались под властью одной династии и прекрасно уживались друг с другом, пока их насильственно не разлучили в конце XVIII века, в ходе разделов Польши.

Д. Карев. Мне кажется, что в XV веке стремление к культурному единству проявилось ярче, а с XVI века в рамках единой христианской традиции начинается четкое распределение по групповым, конфессиональным потокам. Водоразделом стали Реформация и контрреформация как реакция на нее. Что же касается того, была ли единая культура вне сословных рамок, я бы так вопрос не ставил. Белорусская и часть украинской шляхты ориентировалась в своем развитии на польский вариант, а большинство белорусского крестьянства — основное демографическое ядро этноса — после Брестской унии (1596) оказалось в пределах униатской конфессии*.

Л. Мулявичюс. Интересно, что с точки зрения близости материальной культуры Литва была в большей степени похожа на Северную Францию, чем на славянские земли ВКЛ (конкретное землеустройство, характер землевладения). Уже в XIV веке в Литве нет никакой общины.

З. Кяупа. ВКЛ характерно значительной ролью личности, индивидуальности, чего и близко не было в современном ему Московском государстве. Шляхтич, как и мещанин, был тесно связан с государством, которое существовало в его интересах, защищало его права. На этой территории при всем желании трудно выделить сколько-нибудь крупные народные восстания, они были эпизодическими и всегда имели конкретную локальную причину (так, в 1769 году в окрестностях Шяуляя восстали самые богатые крестьяне. Они выступили против... уравниловки в правах).

Герб Новогрудка (XVI—XVIII века).

Э. Гудавичюс. Всегда надо учитывать фактор времени. Если взять XIV век, то, безусловно, культурного единства еще не было. Коренная Литва и земли западнорусских княжеств — это совершенно разные культуры. XV век — переходный, начало процесса интеграции культур в очень широком плане. Какие традиции сталкиваются здесь? Литовцы господствуют политически, русины же господствуют в сфере культуры. Но перенятие литовцами католической культуры (с ярко выраженным «польским акцентом») предопределяет синтез византийской культуры в передаче русинов и латинской культуры в литовской версии. В плане социальном мы наблюдаем консолидацию господствующих классов. Крестьяне же в эпоху средневековья практически не имеют национальности вплоть до XIX века. Русинская элита считает литовское государство своим, принимает католичество, литовцы перенимают русинский язык. В процессе культурного единения в XVI веке формируется так называемый «политический народ» ВКЛ. В XVII—XVIII веках этот процесс развивается (польское влияние выступает как важнейший фактор, объединяющий литовскую и русинскую шляхту).

* Одна из наиболее известных систем феодального городского права, сложившаяся в XIII веке в немецком городе Магдебург. Магдебургское право закрепило многие привилегии горожан, в том числе их право самоуправления.

* В связи с тем, что объем журнала ограничен, мы вынуждены опустить ту часть дискуссии, где речь идет о соотношении «православного» и «католического» в истории ВКЛ. Надеемся опубликовать ее в следующих номерах.

Узел четвертый: ГИБЕЛЬ БОГОВ

Ю. Борисёнок. *Но ВКЛ существовало отнюдь не в безвоздушном пространстве. На востоке — Москва, на юге — Крымское ханство, на западе — дружественная Польша и враждебный Орден. Десятилетия войн, взаимных набегов, политические союзы, из которых главнейшими были Кревская (1385) и Люблинская (1569) унии с Польшей. Какую роль играло Литовское Княжество в системе международных отношений? Где находился «главный враг» Руси — на востоке или на западе?*

А. Виноградов. Саму концепцию «главного врага» я считаю ущербной. Что касается объективных процессов — есть старый спор, который вертится вокруг того, прав ли был царь Иван Васильевич, начиная Ливонскую войну и оставляя в тылу Крым, обижая «дружественные народы Прибалтики» (плюс сложные отношения с Литвой). Шел сложный исторический процесс — многовековая конфронтация Москвы и Литвы и столь же запутанная история отношений Москвы с Крымом и с татарскими государствами Верхнего и Среднего Поволжья. Оба этих процесса носили долговременный характер, и перенести на один из них приоритет внешнеполитической деятельности было, мягко говоря, нереально.

С. Думин. Строго говоря, борьба Руси против Золотой Орды носила «сепаратистский характер» — как ни крути, речь шла о разрушении изнутри единого государства.

Сейчас в некоторых кругах весьма популярна мысль о том, что Руси было лучше быть под татарами, поскольку для православной духовности тут не было никакой угрозы, а вот «латинский Запад» — зло: может, и не казнили, и не жгли бы, но потеряли бы все свое первородство. Я все же думаю, что главным врагом было иго, которое все сковывало, его чужеземная власть, которая уже стала привычной — ведь царь там находился.

Б. Флоря. Дело в том, что в XIII веке Запад никак не мог освободить Русь от татар.

С. Думин. Угроза с востока — это нечто реальное: походы, набеги, дань. Это было вполне конкретно. Пришли, увели, сожгли, изнасиловали, разграбили — Тохтамыш сжег Москву.

Да и угроза с запада тоже была осязаемой — тот же самый Ольгерд подошел к Москве, постучал копьем в ворота и тоже немножко пожег. Но ведь это были обычные феодальные привычки того времени. Вспомните походы московских князей под Тверь.

У нас до сих пор принято рассматривать присоединение русских земель к Литве как нечто нарушающее естественный ход исторического процесса. Вместо того чтобы, как все, объединяться вокруг Москвы, некоторые княжества вдруг почему-то оказались под пятой «врага».

Литва была политическим соперником Москвы, но не врагом русской земли.

Д. Карев. Я хочу несколько приземлить наши рассуждения о «главном враге» Москвы. Для XIV—XV веков — это, безусловно, Орда, а с середины XVI века все меняется. Создание федерации ВКЛ — Корона сделало приоритетным именно западное направление русской внешней политики.

И. Граля. Где-то с середины XV века вопрос о главном враге для Москвы просто не стоит. Речь идет о выборе главного направления московской экспансии. «Враг» — это слово предполагает сильного противника, а Литва при Иване III терпела поражения практически во всех сражениях. Чтобы добиться победы над войсками Василия III под Оршей (1514), надо было наконец-то решиться попросить помощи у коронных полков.

Что касается главного направления московской экспансии, то западный вариант (богатые земли с этнически близким населением) все-таки не шел ни в какое сравнение с возможностью покорить степные территории. Но коренная ошибка Москвы состояла в том, что там не смогли быстро переориентировать политику в условиях заключения унии между Короной и Великим Княжеством, не учли, что противник-то уже не тот...

А. Виноградов. Уже в начале правления Сигизмунда II Августа (король с 1548 года), за 20 лет до Люблинской унии, можно говорить о польско-литовском государстве.

И. Граля. Одной из главных причин объединения ВКЛ и Короны стала неспособность Литвы собственными силами отразить московскую угрозу. Вспомним, что в битве под Оршей 8 сентября 1514 года, о которой теперь в Минске говорят не иначе как о победе «белорусского войска», значительную роль сыграли польские воины. И чем дальше, тем эта помощь становилась все более необходимой. Решающую роль сыграло взятие Иваном Грозным Полоцка в 1563 году, которое поставило под сомнение сам факт существования ВКЛ. И через шесть лет была оформлена Люблинская уния.

Ю. Борисёнок. *Хотелось бы коснуться еще одной острой темы. Всем известны три смоленских полка, якобы сыгравших решающую роль в Грюнвальдской битве.*

И. Граля. Но там не было никаких полков. Знаменитый хронист Ян Длугош прямо указывает, что в битве участвовали три смоленских *хоругви*. Это 100—120 человек, полк же насчитывает несколько тысяч.

С. Думин. Несомненно, роль смолян была значительной. Три хоругви выстояли, когда остальные войска Великого Княжества дрогнули под натиском крестоносцев. В один из важнейших моментов битвы смоляне прикрыли поляков от флангового удара.

Тот же Длугош особо отметил мужество и тяжелые потери смоленских воинов. Миф заключается в том, что если бы не было смоленских полков, то не было бы никакой Грюнвальдской битвы.

Ю. Кяупене. Высшее военное командование войском ВКЛ осуществляло окружение Витовта — литовская знать. Именно они решали все задачи по ведению битвы. Смоленские хоругви были такими же соединениями единого литовского войска, как и все остальные. Но это, безусловно, никак не умаляет мужества и отваги смоленских воинов.

Ю. Борисёнок. *Как погибло Литовское государство?*

Б. Флоря. Если говорить об упадке ВКЛ в XVIII веке, то это был единый процесс для всей Речи Посполитой.

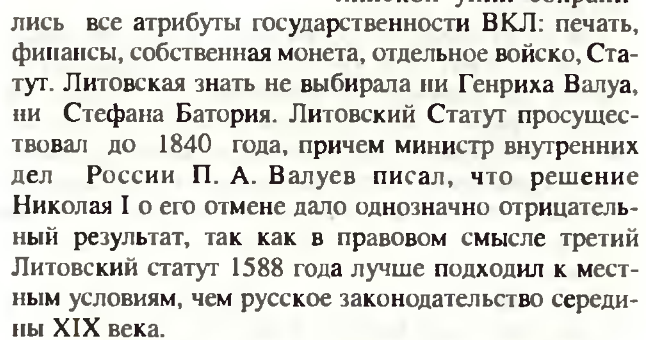
Д. Карев. Начиная с Ливонской войны, и особенно в XVII веке, ареной противоборства Москвы и Варшавы стала именно белорусская территория — сплошная полоса войн, конфискаций, контрибуций, эпидемий. В XVII столетии Беларусь потеряла гораздо больше населения, был нанесен страшный удар по экономическому фундаменту.

А. Виноградов. Московия взяла ВКЛ измором, двумя столетиями непрерывных войн.

С. Думин. Здесь можно выделить два этапа. Первый — признание необходимости реальной унии с Польшей (Люблин, 1569 год). ВКЛ уже не могло само противостоять Москве и нуждалось в реальном союзнике, реальной интеграции.

И. Граля. Если предположить, что история ВКЛ заканчивается в 1569 году, то согласно этой логике Корона тоже перестает существовать. Получается, что и Польши уже нет. Безусловно, что, войдя в Речь Посполитую, и Польша, и Литва не перестали быть самими собой. В Речи Посполитой было все-таки две столицы — Варшава и Вильно. Устройство государства было федеративным, причем законы жизнедеятельности государства были выработаны совместно. При этом все, что было у Литвы, вошло в это «совместное предприятие». Чем-то поступилась Литва, чем-то — Корона. Конечно, Литва пожертвовала территорией...

С. Думин. Основной же удар литовской государственности был нанесен в XVIII веке, причем с двух сторон: сначала — первый раздел Польши (1772), затем — польская конституция 3 мая 1791 года, уничтожившая деление на Корону и Великое Княжество. ВКЛ было уничтожено извне, а не волей населявших его народов. Никто этому особенно не радовался — взять тех же государственных крестьян, которых раздали екатерининским фаворитам. Государство было уничтожено в результате типичной аннексии. Потом на этих землях пошли совсем иные процессы: рост национального самосознания белорусского и литовского народов, вплоть до нынешнего состояния — наличия в регионе нескольких самостоятельных государств. Возвращение к прежним рамкам, конечно же, невозможно, но и сейчас есть территории, где существуют некоторые традиции ВКЛ. Прежде всего это Виленщина — территория, считающаяся частью Литвы, но на деле сильно полонизированная.

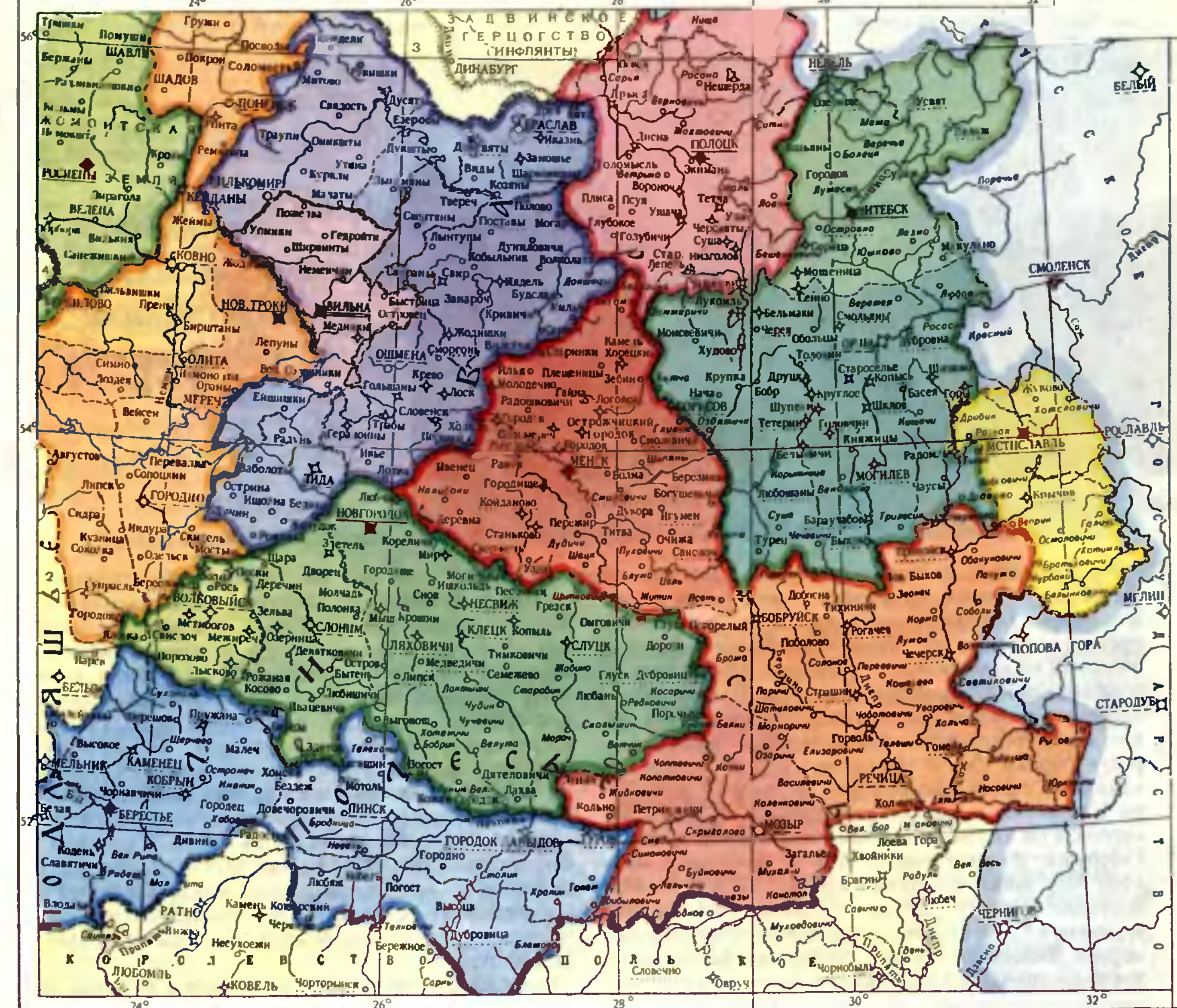

Герб Несвижа (XVI—XVIII века).

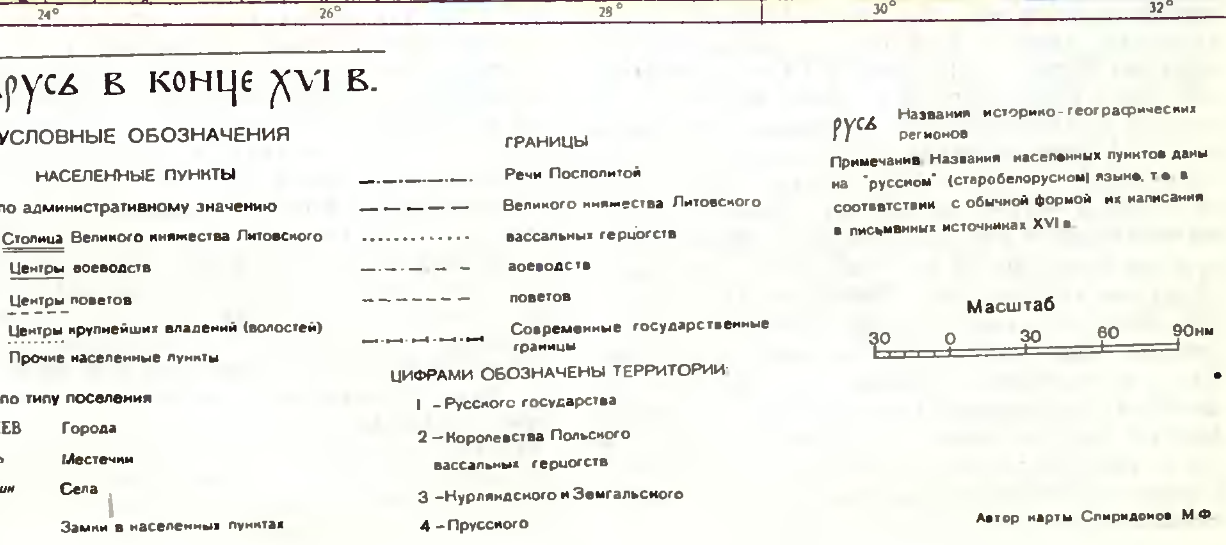
З. Кяупа. Упадок ВКЛ неотделим от общего процесса разложения Речи Посполитой — княжество и Корона рука об руку бесповоротно шли ко дну. Кризис стал всеобъемлющим и неотвратимым с момента окончания Северной войны. Россия стала жандармом и палачом этого государства.

Э. Банионис. Стоит подчеркнуть, что и после Люблинской унии сохранились все атрибуты государственности ВКЛ: печать, финансы, собственная монета, отдельное войско, Статут. Литовская знать не выбирала ни Генриха Валуа, ни Стефана Батория. Литовский Статут просуществовал до 1840 года, причем министр внутренних дел России П. А. Валуев писал, что решение Николая I о его отмене дало однозначно отрицательный результат, так как в правовом смысле третий Литовский статут 1588 года лучше подходил к местным условиям, чем русское законодательство середины XIX века.

Л. Мулявичюс. Надо учитывать, что положения конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 года, где говорилось о ликвидации федерации ВКЛ — Корона и создании унитарного государства, были приняты в условиях катастрофической обстановки, накануне полной потери независимости.

С. Думин. И в двадцатом веке выдвигались (в частности, при Пилсудском) и выдвигаются теперь проекты воссоздания ВКЛ. Но они не осуществились — каждый хотел жить по-своему. Но история иногда выписывает самые замысловатые круги — может, когда-нибудь все и переменится?

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ,
кандидат исторических наук

Мирский замок (XVI—XVIII века).

Род Ягеллонов, происходивший, как известно, от Ольгерда, одного из сыновей великого князя Литовского Гедимина, приобрел права на польский престол в результате знаменитого брака Ягайлы с польской королевой Ядвигой. Ягайло Ольгердович (с 1386 года польский король Владислав II) был сыном славянской княжны Ульяны Александровны Тверской и по материнской линии принадлежал к «варяжскому роду» Рюрика. Сын Ягайлы от его четвертого брака с княжной Софьей Гольшанской Казимир IV женился на Елизавете — дочери венгерского и чешского короля, а также эрцгерцога Австрийского Альбрехта II Габсбурга. Их сын король Уласло (Владислав II) в 1490 году занял венгерский престол. Так Ягеллоны получили «корону Святого Иштвана», которую они утратили в 1526 году после гибели в битве с османами короля Лайоша II. Сестра последнего венгерского Ягеллона королева Анна принесла Венгрию в качестве приданого своему мужу Фердинанду Габсбургу. Бабка королевы Анны — Елизавета — была внучкой королевы Марии — старшей сестры Ядвиги Польской. Так причудливо сплелись права Ягеллонов на венгерскую и польскую короны. Правившая Венгрией и Польшей так называемая Анжуйская династия (ее последними представительницами были Ядвига Польская и Мария Венгерская) происходила от королей Неаполя, а те, в свою очередь, от французского королевского дома. И все они, естественно, были потомками королевы Анны Ярославны. Однако если Анжуйская династия имела среди своих французских предков только одну русскую княжку, то польские Пясты и венгерские Арпады, права которых эта фамилия унаследовала благодаря бракам короля Карла II Неаполитанского с Марией Венгерской и его внука короля Карла Роберта Венгерского с Елизаветой Польской, находились с древнерусскими князьями куда в более тесном родстве.

Польский род Пястов, правивший страной с легендарных времен до 1370 года, издавна находился в тесных родственных связях с древнерусскими князьями. Как наглядно свидетельствует приводимая нами таблица (№ 1), практически все линии этого дома являлись потомками Рюриковичей. Сестра последнего польского короля из рода Пястов Казимира III Великого Елизавета, жена короля Венгрии Карла Роберта, в числе своих прямых предков по женской линии имела сразу трех великих князей Киевских — Ярослава Владимировича Мудрого, чья дочь Мария вышла замуж за князя Казимира I Восстановителя; Ростислава Мстиславича Смоленского — отца Елены, жены князя Казимира II Справедливого, и, наконец, Святослава Всеволодовича Черниговского — отца Агафьи, жены князя Конрада Мазовецкого.

Род Арпадов, правивший в Венгрии с 889 года по 1301 год, также находился в тесных связях с древнерусскими князьями (см. таблицу 2).

Среди прямых предков Марии Венгерской (благодаря ее браку с королем Карлом II Неаполитанским Анжуйский дом получил права на венгерскую корону) — великий князь Киевский Мстислав I Владимирович Великий.

Таким образом, Ягеллоны соединили родственные связи древнерусских князей с четырьмя династиями: Французскими Капетингами (через Анжуйский дом), с польскими Пястами, с венгерскими Арпадами и, наконец, со своими непосредственными предками — литовскими Гедиминовичами. Добавим к этому, что женой короля Уласло II была Анна де Фуа, происходившая по женской линии от древнерусских князей.

Брак Анны Венгерской с Фердинандом Габсбургом дал «прилив» русской крови к европейским владетельным домам. Однако это уже тема самостоятельного исследования.

Генрих I
король Франции
1031—1060

Анна Ярославна
дочь Ярослава Мудрого

Филипп I
король Франции 1060—1108

Людовик VI
король Франции 1108—1137

Людовик VII (1119—1180)
король Франции 1137—1180

Филипп II Август (1165—1223)
король Франции 1180—1223

Людовик VIII (1187—1226)
король Франции 1223—1226

Анжуйский дом

Карл I (1226—1285)
король Неаполя 1282—1285

Карл II (1254—1309)
король Неаполя 1285—1309

Мария Венгерская

Гедимин
великий князь литовский 1326—1341

Карл Мартелл (1272—1295)
претендент 1290—1295

Кейстут
Ольгерд
великие князья литовские (соправители) 1345—1377

Мария Польская

Карл Роберт (1288—1342)
король Венгрии 1308—1342

Сигизмунд
великий князь
литовский
1430—1440

Витовт (1350—1430)
великий князь
литовский
1392—1430

Лайош I Великий
король Венгрии 1342—1382
король Польши 1370—1382

Мария
королева Венгрии
1382—1387

Жигмонт Люксембург
(1361—1437)
король Венгрии 1387—1437

Ядвига (от первого брака)
(1374—1399)
королева Польши
(1382/1384—1399)

Ягайло (Владислав II)
великий князь литовский
1377—1392
король польский
1386—1434

Елизавета

Альбрехт II (1397—1439)
король Венгрии 1437—1439

Владислав III (1423—1444)
король польский 1434—1444

Елизавета

Казимир IV (1427—1492)
великий князь литовский
1440—1492,
король польский 1447—1492

Владислав (Уласло) II (1456—1516)
король Чехии 1471—1516,
король Венгрии 1490—1516

Ян Альбрехт
(1459—1501)
король Польши
1492—1501

Александр (1461—1506)
великий князь литовский
1492—1506
король польский
1501—1506

Сигизмунд I (1467—1548)
великий князь литовский
и король Польши
1506—1548

Фердинанд Габсбург (1503—1564)
король Венгрии 1526—1564
император Священной Римской империи 1556—1564

Анна (+1547)

Сигизмунд II Август
(1520—1572)
великий князь литовский
1529—1572
король Польши
1548—1572

Руины Новогрудского замка.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЖУРНАЛ «ГРАНИ»

Литературе сложней, чем публицистике, и в то же время легче — она воздействует на чувства.

Те три десятка беженцев, которых позднее назовут Ди-Пи, то есть «перемещенными лицами», решившие летом 1946 года издавать литературный журнал, были, несомненно, храбрыми людьми. Оккупированная страна, непрекращающиеся выдачи солдат РОА и беглецов из стана победителей на заклание кремлевскому людоеду, карточная система...

И литературный журнал.

Но они прекрасно понимали, что русский человек не может жить без изящной словесности, что карточная система исчезнет, выдачи прекратятся, а литература останется.

Недаром первый редактор журнала «Грани» Евгений Романович Романов писал вместо программной статьи: «Легко и радостно жить тому, кто ищет в других хорошее; ищет и находит. Исканием своим помогает он тем, в ком ищет, раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию.

Каждый человек — часть органического целого: человечества. Совершенствуется часть — совершенствуется целое. Тот, кто становится на путь Правды, помогает всему человечеству стать на тот же путь. А необходимость этого, может быть, никогда так не была велика, никогда так не ощущалась всеми, как в наши дни.

В свете этого большая и ответственная задача стоит перед теми, кто служит Слову — Слову Правды».

Это сегодня, когда в Русском Зарубежье выходит десяток толстых литературных журналов, «Грани» не воспринимаются как нечто необычное.

А тогда? В конце сороковых?

Журнал, в котором наряду с писателями второй волны эмиграции — Нароковым, Сергеем Максимовым, Елагиным, Ржевским, Юрасовым, Климовым, Ширяевым, Кленовским, Виктором Своном, Землевым, Андреевым — печатаются и корифеи русской литературы — Бунин, Зайцев, Тэффи, Ремизов, Сургучев, поэты парижской школы — Нарциссов, Рафальский, Терапиано...

Я не могу забыть свое впечатление от знакомства с журналом.

Весной 1965 года замечательный человек и писатель Валерий Яковлевич Тарсис, хитро подмигнув мне, достал с книжной полки из-за томов БСЭ две серо-зеленые журнальные книги, форматом «Нового мира».

В одном из номеров (№ 52) были опубликованы сатирическая повесть Валерия Яковлевича «Сказание о синей мухе» и знаменитый подпольный московский литературный альманах «Феникс», который составлял и редактировал Юрий Галансков. В другом номере (№ 57) знаменитая повесть Тарсиса «Палата № 7», то самое произведение, про которое «Санди таймс» писала: «Россия из палаты № 6 перешла в палату № 7».

Но эти произведения я запомнил. А поразил меня список вышедших ранее номеров журнала с указанием содержания каждого номера — было чему удивляться!

В 70—80-е годы «Грани» оказались полностью повернутыми к России не только тематикой и направленностью, но и основными авторами, если не эмигрировавшими к тому времени в Свободный Мир, то смело сопротивлявшимися тоталитарному государству.

Повторюсь, но это сегодня, когда они напечатаны и в различных советских журналах, и отдельными изданиями, стали учебными пособиями — «Четвертая проза» Мандельштама и произведения А. И. Солженицына, «Котлован» и «Чевенгур» Платонова и «Собачье сердце» Булгакова, «Чонкин» Войновича и «Верный Руслан» Владимова, «Реквием» Ахматовой и «Гадкие лебеди» Стругацких, «Все течет...» Гроссмана и «Семь дней творения» В. Максимова, стихи Бродского, Коржавина, Галича, Окуджавы, Горбаневской, Бетаки, произведения Солоухина, Бородина, Канделя, Вл. Корнилова, Гладилина, Аксенова, подпольные альманахи московской и ленинградской молодежи «Синтаксис», «Феникс», «Сфинксы», «Русское слово»... Да мои собственные произведения напечатаны в семи номерах журнала!

Публикация неподцензурных произведений в 60—80-е годы стала регулярной.

К ноябрю 1992 года вышло 165 номеров журнала, последние два года он репринтируется в Москве (со 155 номера).

Изменение ситуации в стране, крушение коммунистического государства открывает новые горизонты для «Граней», делает журнал полноправным конкурентом среди других отечественных литературных изданий, как «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Нева».

Последние годы число авторов из России занимает доминирующее положение в журнале. Такая ситуация показывает, что журнал выполняет свое предназначение — быть провозвестником вольного русского слова.

ВЛАДИМИР БАТШЕВ,
представитель журнала «Грани» в Москве

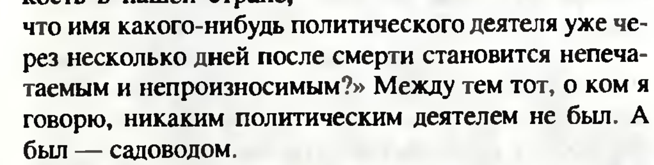
ЛЕВ РУДКЕВИЧ

ЗАБЫТАЯ ГОДОВЩИНА

В 50-е годы его именем называли улицы, колхозы, институты, ему воздвигали памятники, ставили пьесы и снимали фильмы, школьники изучали его биографию...

И. В. Мичурин за работой в своем кабинете. 1926

Говорят, что признание — величина векторная от времени. Но я хочу рассказать о случае, быть может, уникальном, когда кривая признания человека проделала поразительный зигзаг от полуобожествления до почти полного забвения за каких-нибудь 5 —10 лет, и что удивительно — не в результате переоценки его достижений общественным мнением, коллегами, но исключительно под давлением сверху. «Что же тут удивительного? — возразит мне читатель.— Разве такая редкость в нашей стране, что имя какого-нибудь политического деятеля уже через несколько дней после смерти становится непечатаемым и непроизносимым?» Между тем тот, о ком я говорю, никаким политическим деятелем не был. А был — садоводом.

Наверно, читатель уже догадался, что речь идет о человеке, которого некогда называли «великим преобразователем природы», об Иване Владимировиче Мичурине.

Он родился 27 (15) октября 1855 г. в лесном поместье своего отца, отставного военного чиновника, близ деревни Долгое Пронского уезда Рязанской губернии. Гимназии он не окончил и служил сначала конторщиком на железнодорожной станции, а затем работал механиком-кустарем. В 1875 году снял в Рязанской губернии усадьбу с плодовым садом и начал заниматься селекцией растений как любитель-садовод. Не стану перечислять достижений Мичурина, они достаточно известны; упомяну лишь, что наибольший успех имели его опыты по отдаленной гибридизации, то есть по разработке методики скрещивания отдаленных, не родственных друг другу видов растений. В 1918 году Народный комиссариат земледелия РСФСР экспроприировал питомник Мичурина (к тому времени он был значительно расширен и переведен в слободу Донское в окрестностях города Козлова), но назначил при этом его самого в качестве старшего специалиста Наркомзема и заведующего питомником, с правом приглашения к себе помощников и комплектования штата по своему усмотрению. В 1928 году на базе питомника была создана Селекционно-генетическая станция, а в 1934-м — Центральная генетическая лаборатория, руководителем которой опять же был назначен Мичурин. Через год — 7 июня 1935 года, на 80-м году жизни, И. В. Мичурин умер.

Он был популярен и при жизни, и после смерти. Однако апогея популярность его достигла в конце 40-х и в 50-е годы. В это время почитание Мичурина приняло форму подлинного культа: его именем называли улицы, колхозы, научно-исследовательские и учебные институты, ему воздвигали памятники, о его жизни писали книги, ставили пьесы и снимали фильмы; школьникам на уроках биологии вменялось в обя-

занность знание не только основных работ, но и подробной биографии Мичурина; в обиходный язык в тот период прочно вошли такие словосочетания, как «мичуринское яблоко», «мичуринская станция», «юные мичуринцы» и т. п. Самого Мичурина в то время именовали не только «великим преобразователем природы», но и «творцом нового этапа в развитии биологии — мичуринского учения».

Времена мичуринского культа давно минули; теперь его не только не почитают как великого, гениального ученого — о нем стараются вообще не говорить и не писать.

Чем это объяснить? Неужели с тех пор его работы полностью утратили научное и практическое значение? Но как тогда понять, что Мичурина до сих пор помнят и ценят на Западе, что работы его переведены на многие европейские языки, причем даже в недавние годы? Ответ неожиданно прост. Никакого гениального ученого и великого преобразователя природы Мичурина не было. Не было и «мичуринской биологии», и «мичуринского учения»; то есть учение-то было, но истинным творцом его был совсем не Мичурин. Весь же его культ не был культом реального человека, но некоего искусственно созданного идола. Мичурин, реально существовавший, никогда не был тем, кем представляла его официальная пропаганда. Советская история знает множество примеров подобной фальсификации. Но в историю именно этой фальсификации стоит, однако, углубиться подробнее.

Советская пресса много писала в свое время о тяжелом положении Мичурина в «годы царизма», о непризнании правительством его заслуг и таланта. Однако Мичурин вполне благополучно работал и до 17-го года; он имел неплохой питомник, дважды расширял его; работы Мичурина печатались в крупнейших научных и сельскохозяйственных журналах. В 1911 году достижения Мичурина были представлены на Всемирной Сельскохозяйственной выставке в Тулоне (Франция), где он получил медаль «За выдающиеся работы в сельском хозяйстве». С другой стороны, при жизни популярность Мичурина в СССР вовсе не была чрезмерной. Хотя еще в 1929 году было издано собрание его трудов, а в 1931-м он получил орден Ленина, степень доктора наук ему присудили только за год до смерти; академиком же он стал только 2 июня 1935 года, то есть за 5 дней до смерти, и только после того, как его избрала своим почетным членом Чехословацкая Академия (3 марта 1935 года).

Интересно проследить за популярностью Мичурина по количеству опубликованных о нем в нашей стране работ. До 1917 года в России вышло 40 статей о Мичурине; от 1917-го до 1935-го (года смерти) — 99 статей, из них 43 непосредственно в год смерти. Таким образом, учитывая, что имя Мичурина стало известным лишь в начале нашего столетия, можно сделать вывод, что количество работ о нем в год почти не изменялось на протяжении всего этого времени (4—6 работ в год). Только в год смерти оно выросло вдруг почти в 10 раз. Затем, с 1935 по 1948 годы, количество публикаций о Мичурине также почти не менялось: 53 статьи (около 4-х статей в год). Но вот в 1948 году число их увеличилось сразу в несколько раз: с 1948 по 1956 годы (в период «культа» Мичурина) о нем вышло 418 книг и статей*.

Но наиболее показательно не само количество работ о Мичурине, а их содержание. В статьях до 1948 года Мичурин характеризуется как выдающийся садовод, смелый экспериментатор. И он-таки был таковым на самом деле! А вот работы 1948 года и после характеризуют его как «великого ученого», «творца новой науки». Разумеется, никаким великим ученым садовод-самоучка Мичурин не был. И на роль создателя новой науки он и сам не стал бы претендовать. Так называемое «мичуринское учение» было создано не им, а небезызвестным Трофимом Денисовичем Лысенко, и, конечно, с одобрения его могущественного покровителя И. В. Сталина. О Лысенко и его монополии в биологической науке написано много; здесь я хочу только обратить внимание читателя на то, что «мичуринская биология» и «советский творческий дарвинизм» — доктрины Т. Д. Лысенко — были противопоставлены в первую очередь не менделевской генетике, как принято считать, а дарвиновской концепции естественного отбора.

Теорию Дарвина, хотя и с весьма существенными поправками и оговорками, в свое время приняли «классики марксизма». Это отчасти вынудило советские власти принять ее официально. Но шаг этот был явным упущением: теория естественного отбора и прежде всего ее основное положение о неопределенном, то есть случайном, характере изменчивости никак не сочетались с принципами марксистской философии, с ее ведущим догматом — «бытие определяет сознание».

В эти годы в СССР учили, что паровую машину изобрел Ползунов, паровоз — братья Черепановы, самолет — Можайский, радио — Попов, а творцом закона сохранения и превращения энергии провозглашался Ломоносов. Следовательно, «творчески переработать» дарвинизм могли только на основе учения русского (или советского) автора. Во-вторых, чтобы учение «перерабатывать», нужен был не предшественник, а последователь. Но такового в СССР не было! Сам Лысенко не претендовал на роль творца «нового этапа развития биологической науки» отнюдь не из скромности: просто для этой роли он был еще слишком мало известен. Но ученый-биолог — популярный и русский — был все же необходим. И тогда выбор пал на Мичурина.

Еще два обстоятельства способствовали этому выбору. Первое — Мичурин был хорошо известен как создатель новых сортов плодовых растений: мичуринских яблок, груш, «черемвишни» и т. п. Лысенко же всегда ратовал за «связь науки с жизнью» (что весьма импонировало Сталину), и со своими идейными врагами — генетиками и дарвинистами — он расправлялся, обвиняя их в формальном, «идеалистическом» подходе к науке.

Второе — Мичурин был любителем, он не имел специального образования. Вполне понятно, что он не избежал увлечений различными новомодными биологическими теориями, в том числе и неоламаркизмом — учением, пытавшимся подвести под теорию де Ламарка современную научную базу. Однако это увлечение было всего лишь эпизодом в биографии Мичурина. Впоследствии он, в большой степени под влиянием выдающегося селекционера и эволюциониста Н. И. Вавилова, принял и генетику, и дарвиновскую концепцию естественного отбора.

Однако зрелые работы Мичурина не интересовали Лысенко. Свое внимание он сосредоточил не на его достижениях, а на его ошибках, в особенности на неоламаркистских работах 90-х годов прошлого века. Впрочем, Лысенко вообще относительно мало внимания уделял конкретным достижениям Мичурина: он сотворил из него некоего идола, чародея живой природы. «Мичуринское учение» Лысенко объявил подлинно диалектико-материалистической концепцией, основой советской биологии; он противопоставил его «менделизму-вейсманизму-морганизму» и прочим западным «идеалистическим» течениям в биологии, что, разумеется, способствовало его собственному продвижению и возвышению.

Но время шло. «Мичуринское учение» выглядело архаично уже на стадии его создания. В начале 60-х годов, на фоне развития молекулярной генетики и современных областей эволюционной биологии, учебники, в которых утверждалось, что, если снегиря кормить овсом, то в третьем поколении из яйца вылупится птенец овсянки, уже не могли восприниматься серьезно. Кроме того, «мичуринские» методы ведения сельского хозяйства привели к полному его развалу. Советским идеологам марксизма, которые всегда считали себя безапелляционными арбитрами в вопросах науки, пришлось, скрепя сердце, принять дарвиновскую концепцию эволюции вместе с менделевской генетикой, как уже раньше пришлось им принять кибернетику, теорию относительности и прочие «буржуазно-идеалистические» направления в науке. Лысенко и его единомышленникам пришлось сдать позиции; «мичуринское учение» было признано ошибочным.

Но ведь сам Мичурин к учению этому никакого отношения не имел. Что же делать с ним? По логике вещей и по справедливости следовало бы теперь снять с него ореол великого ученого, творца новой биологической науки, и сохранить за ним звание талантливого садовода и селекционера. Но для этого потребовалось бы признать, что «мичуринское учение» не ошибка, не заблуждение на пути поисков истины, а явная фальсификация. А на это уже у идеологов от науки духа не хватило. Мичурин остался «без вины виноватым», его имя решили постепенно забыть. Уже в начале 60-х годов (после разоблачения Лысенко) количество печатных работ о нем резко сократилось, в 70-х годах они практически уже не появлялись. В 50-ю годовщину со дня его смерти советские газеты и журналы даже не упомянули о «великом преобразователе природы, основоположнике нового этапа развития биологии». Что ж, почтим хоть здесь, на страницах эмигрантского журнала, память талантливого селекционера и честного человека — Ивана Владимировича Мичурина.

«Грани», № 137, 1985.

* Я учитываю, разумеется, не все работы о Мичурине, а только основные, напечатанные в крупных журналах или отдельными книгами. — *Авт.*

И. В. Мичурин и академик Б. А. Келлер. 1928 г.

И. В. Мичурин и проф. Н. И. Кичунов. 1927 г.

ОТ РЕДАКЦИИ. *В Российском государственном архиве экономики в личном фонде Мичурина сохранились его письма к родственнице — Александре Тихоновой. За строгими по-стариковски строчками неожиданно раскрывается неизвестный пласт жизни, проникнутый глубокой религиозностью, верой в Абсолют и законы Предвечного. Эти письма, переданные редакции журнала «Родина», публикуются впервые.*

«СВЕЧА ЖИЗНИ ИЗГОРАЕТ...»

Письма И. В. Мичурина к А. С. Тихоновой на Дальний Восток в г. Никольск Уссурийский

11 марта 1928 г.

Здравствуй, искренне дорогая мне Шура! Вчера получил твое милое письмо и нахожу нужным сказать тебе сердечное спасибо за твои чувства видные в каждой строчке письма. Иди по тому пути, на котором ты стоишь в настоящее время. Это «пока» единственный верный путь в твоей судьбе. Исполняй без ропота назначенную тебе роль Рока. Будь уверена, что все возмущающее твою душу — временное, скоро проходящее, а настоящее у тебя лишь впереди, и не там, не там на востоке, а здесь, в далекой теперь от тебя родине! Так-то!.. Предвижу, что в твоей роковой роли тебе назначено вычерпать все возможное с востока из растений, нужных для создания новых растительных организмов у нас, в нашем родном крае, ибо восточная окраина искони веков судьбою назначена к изъятию из черты западных культурных владений. Оглянись во тьму прошедших веков и увидишь, что ваш восточный край был прежде с тропическим климатом, а теперь вы видите там лишь остатки прежней роскошной флоры и нужно сказать, что остатки сравнительно очень жалкие, но для нас очень ценные.

Ведь ваше Японское море есть не что иное, как трещина после откола японских островов от вашей окраины материка. В силу вращения земного шара материк отодвинулся по магме от отколовшихся японских островов. Не знаю верно, но могу предположить что твой Дагир, если не ошибется с верного теперешнего пути, то ему предстоит сыграть очень значительную роль для временного развития культуры плодовых растений на крайнем востоке, но, положим, его роль совершенно не будет связана с твоей, быть может, он даже и не возвратится на родину. Совершенно другое будет с тобой, ты безысходно рано или поздно будешь вынуждена вернуться на родину. Конечно, будет очень жаль, если это будет не скоро, но думаю, что законы Предвечного не могут ошибиться во времени... Есть в этом и чувствуется некоторая и жуткая сторона, но воля человеческая не может устранить закона Рока Абсолюта. Личное значение каждого из нас настолько незначительно, что положительно равняется любому листку на обширной кроне могучего дерева. Пока зеленеет и работает листик для пользы дерева, до тех пор и живет, а как кончит свою роль, то пожелтеет и отпадет. Хотя, как оказывается, и лист может жить автономно от дерева и самостоятельно, будучи отделен от ветки. Тебе покажется это странным, но это на самом деле верно.

Слушай, мы с Павликом* нечайно отломили от Попельмоса (помнишь, который я загнул винтообразно его побег в горшке), так вот, повторно отломили лист и воткнули этот лист черешком в землю горшка в декабре, а вот в феврале оказалось, что из черешка, то есть из листоносца развились прекрасные корни длиною в 5 вершков (Примечание: Вчера 1-го марта посмотрели и оказалось, что еще лист померанца окоренился) и сам лист видимо растет в ширину и длину. Просто невероятный случай, чтобы листья цитрусовых, т. е. лимонов и апельсинов могли бы укореняться. До сих пор было известно, что только бегонии окореняются от листьев, а не деревья. Вот, как видишь, не каждый листок погибает, будучи отпавшим от своего дерева. Так и не всякий человек кончает свое существование после земной жизни. Могут и автономно существовать, самостоятельно. Конечно, мы с Павликом уже не нечайно, а нарочно наломали разных видов растений и посадили. Посмотрим, что из этого выйдет...

1928 г.

Здравствуй дорогая детка Шура!

...Даже такие увлекающиеся люди, как твой муж, мечтающие о самостоятельных открытиях какой-то новой Америки, скрывают в тайниках своей души такую же тягу на Родину, которая рано или поздно, но обязательно вдруг прорвется наружу и тогда все стремления к различным открытиям у этих людей исчезают, в особенности когда они убедятся, что никакого нет смысла бросать родину и лететь за десятки тысяч верст искать обетованный новый край для приобретения эфемерной, пустой в сущности славы мышиных жеребчиков... Вся красота новых мест, которыми ты восторгаешься, никому не окупит тех неудобств, которые приходится переносить непривычному к условиям новой местности человеку. Да, эти красоты легко без хлопот можно видеть в кино или в стереоскопе, сидя на месте своей Родины. Погодите, теперь, пока Вас увлекает новизна далекого края, еще Вы не успели соскучиться, Вам еще не надоела эта новизна, как каждому ребенку новая игрушка, а пройдет немного времени и эта игрушка будет валяться где-нибудь под лавкой. И я надеюсь, что Ваша родина еще увидит Вас в своих родных местах. Только вот вопрос — «со щитом или на щите?»

Про себя могу сказать Вам, что у нас идет дело своим порядком, в размере постоянно расширяется, у меня гряды дошли до усадьбы Назаровых, а у Горшкова школа дошла до городских улиц. В этом и будущем 1929 году постановлено учредить при питомнике учебный техникум — ассигновали для этого ежегодно 75 тысяч. Я что-то сомневаюсь в осуществлении этой затеи. Дело в том, где они возьмут преподавателей? Ведь я лично не возьму на себя такой тяжелой обязанности. Это я заявил им лично. Мои лета, да и мое дело не подходящи для такого труда.

Мне и так все страшно надоело, все. Уж слишком много стало различных гибридов растений. Обо всех не в силах стало обдумывать об уходе, да еще давит сиротливость, нет настоящего друга сердцу и уму!!!

24 ноября 1928 г.

Здравствуй дорогая детка Шура. Получил твое письмо и ты не поверишь, как я был искренне рад читать твои строчки. Для меня твои письма составляют одно из лучших удовольствий. Да! Как часто я чувствую недостаток тебя около меня и становится так тяжело на душе, что решительно не знаешь чем развлечься. Пожалуйста, пиши почаще и не стесняйся, что нет никаких новостей. Лопочи, что на ум взойдет, я все равно буду с удовольствием читать. Я постоянно душой около тебя, и помни, мое присутствие около тебя будет вечно, как в этой жизни, так и в той. Лишь бы ты сама не угасила тот пламень в моей душе и сердце, который на всех твоих путях будет согревать твое существование...

«Комната» твоя сохраняется ни кем не занятой и всегда готова принять тебя в случае необходимости в твоих делах или вообще в жизненных твоих обстоятельствах. И я глубоко уверен, что мы с тобой еще увидимся при более лучших обстоятельствах. Помни это! А пока смиренно терпи роковой твой промах — такова судьба. Ты предполагала, что поступаешь правильно, но почем знать, может и действительно так следовало поступить. А иногда сдается в душе, что это была жестокая ошибка с твоей, но не с моей стороны. Знаю и чувствую, что иногда тебе бывает холодно в душевном отношении, тоскливо, но крепись и не падай духом, иначе все это и на мне отзовется и принесет мне тяжелые часы в жизни моей.

Нужно всегда твердо помнить, что не мы лично строим жизнь и не мы управляем течением всех ее деталей и уклоном путей. Будь непоколебимо уверена в существовании Высшей силы, управляющей всем, начиная от всего великого до самого мелкого, до жизни каждой мошки.

В законах вселенной в сущности нет ничего великого и нет ничего малого. Все равно имеет важное значение перед Абсолютом! Ему и служи. Да и все ему служат всей своей жизнею и лишь наивно, по-детски думают и воображают, что живут для себя и для каких-то своих целей. Тысячелетия строили религию, сколько миллионов людей мудрых устанавливали догматические устои и правила. Существовали высшие учебные заведения вроде Духовной Академии, были у нас архиереи, митрополиты, патриархи, у католиков были кардиналы, папы. Все мудрствовали, каждый по-своему. И вдруг, какие-то самые простые люди все так тряхнули, что все сплошь рассыпалось, как карточный домик...

Так же и все научные доктрины, гипотезы и реальные открытия, и различные изобретения, якобы, достижения ума человеческого до такой степени ничтожны, что равняются в конечном счете полному нулю. Мы — все люди, ничем не выше амебы или плесневого паразитарного грибка... И даже продолжительность жизни нашей совершенно равна с жизнью какого-нибудь комара или мошки. Да это каждый из нас и сам чувствует. Прожил 70 лет, а кажется, что только вчера соску сосал... Живем только воспоминаниями о нашем прошлом, при чем всегда выбираем в памяти только хорошие моменты этой прошлой жизни. От этого нам всегда кажется, что прежде лучше жилось, и прежде люди, окружающие нас, кажется лучше были. А на самом деле все одно и тоже, только каждый из нас постарел, утерял много из своих прежних способностей и чувств. Вкус притупился, слух ослабел, зрение тоже ослабело, понятия от этого изменились и т. далее. Свеча жизни изгорает. Но будет толковать об этом, давай побеседуем о наших житейских мелочных делах...

20 февраля 1929 г.

Дорогая детка Шура! ...Что творит судьба, прямо не поймешь. В Ленинграде от 10 до 17 числа января был съезд всех европейских ученых, собралось 2000 человек из разных стран — из Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Венгрии, Австрии, Персии, Финляндии и других стран. И вот послал на этот съезд и я Горшкова и наших профессоров. Горшков боялся явиться перед таким огромным съездом светил ученого мира, а судьба устроила все наоборот. При первом торжественном заседании профессор, а теперь академик, Вавилов, как председатель заседания встает и объявляет, что в президиум избран Ив. Вл. Мичурин и при этом аплодирует, тогда весь съезд, все 2000 ученых встают с мест и горячо аплодируют, гром во всем зале. И постановляют послать от съезда мне правительственную телеграмму! Вот тут и смотри. Кто этого мог ожидать? Нет, этого оказывается еще мало для целей судьбы. В Америке, в Нью-Йорке собрался тоже съезд ученых и была поставлена до трех раз фильма, снятая в третьем году с нашего питомника, помнишь? И ты была при этом. И вот американские ученые пришли в восторг и постановили послать мне форменное приветствие ко мне с признанием моих, якобы, великих достижений по их мнению!!! Все это, конечно, было бы просто смешно, если бы не так грустно. Дело в том, что жизнь-то ведь уже прошла. Если бы все это случилось пораньше лет на тридцать, а теперь-то, на что мне это нужно? Ну что же, получил от своего русского съезда телеграмму, а затем и из Америки их послание, отослал все в музей к Горшкову, он еще прыгает и мечется с ними и только...

РГАЭ. Ф. 6856. Оп. 1. Д. 801а.

Публикация ЮРИЯ ХЕЛЕМСКОГО

* П. Н. Яковлев — сотрудник Мичурина.

В недавнее время на вступительных экзаменах появился весьма коварный вопрос «Общественное движение в России 50—60-х годов XIX века». Обычно абитуриент вдохновенно повествует о пламенных борцах — Н. Г. Чернышевском и Н. А. Добролюбове, на том дело и кончается. Сегодня мы расскажем о другом общественном движении, о тех людях, кто не звал Русь к топору, а стремился серьезно и последовательно преобразовать страну. В ряду творцов реформ Александра II заметно выделяется личность Юрия Федоровича Самарина.

ВЛАДИМИР ЕРШОВ

РЕФОРМАТОР «ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ»

Наша история насквозь пронизана героями, людьми, перешагнувшими свое время и вовсю «штурмующими небо». При таком подходе человек, просто и основательно делающий свою работу, почему-то становится существом второго сорта, фоном для избранных гениев. Оттого-то и тяжко на Руси либералам — их не любили и не любят.

С начала 40-х годов прошлого столетия к Юрию Федоровичу Самарину (1819—1876) прочно прилепился ярлык «славянофила». Вроде бы к такой дефиниции не очень-то и придерешься. Действительно, перед нами поборник особой роли православия, защитник крестьянской общины и самодержавия, русский националист, наконец. Но в блистательном своем окружении, рядом с Хомяковым и Аксаковыми, Киреевскими и Чижовым Самарин все же стоит особняком, «с лица необщим выраженьем». Немецкая исследовательница Г. Хуке окрестила его «западником среди славянофилов». В чем же своеобразие его личности?

Самарин не был ни революционером, ни ретроградом (несмотря на славянофильскую кличку). Он, по определению учебников литературы, «типичный представитель» своего времени, точнее, двух полярно противоположных эпох — дореформенной и пореформенной России. В каждой из них ему удавалось сказать свое слово, основательное и веское. Из-под его пера практически не выходило умозрительных прожектов: Юрий Федо-

рович прекрасно знал российскую действительность во многих ее проявлениях.

По окончании курса в Московском университете Самарин подумывал (имея все к тому основания) о профессорской кафедре. Но воля отца непреклонна — девять лет (1844—1853) пришлось провести на государственной службе. Это время молодой человек использовал весьма продуктивно: он досконально изучил положение дел в империи, особенно примечая все, что относится к крестьянскому вопросу. По делам Сената и Министерства внутренних дел Самарин детально ознакомился с ситуацией на Украине и в Прибалтике. В итоге долгих размышлений о николаевской империи он сформулировал основную задачу всей последующей жизни: *«Освободить труд»*.

Идеи крестьянской реформы носились в воздухе, приближение перемен чувствовали все, не исключая и императора Николая Павловича. В 1853 году после смерти отца Самарин вышел в отставку и занялся исключительно хозяйством. Ему принадлежали обширные имения в Симбирской и Самарской губерниях. В своих владениях он хозяйствует энергично и неутомимо, получая попутно все новые доказательства гибельности существующих крепостнических порядков. По его подсчетам, эффективность работы крестьянина на собственной запашке на четверть, а то и вполовину выше, чем на помещичьих землях. Попутно Юрий Федорович выдвигает весомые (на его взгляд) доказательства необходимости сохранения и укрепления крестьянской общины. Эту основную аксиому славянофилов Самарин пытается обосновать с практических позиций. В результате формируется идеал Самарина — вольный труд свободного общинника.

В годы Крымской войны Юрий Федорович углубленно анализирует «общественный организм». По его словам, в 1856 году *«мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием»*. Его наблюдения воплотились в оригинальной записке «О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе», над которой он кропотливо работал три года. Старания Самарина не прошли даром — николаевская эпоха кончилась, и в 1856 году, на заре либеральной оттепели, его наблюдения были востребованы и произвели немалый шум в русском обществе. Спустя некоторое время самаринский проект оказался и на императорском столе, но прежде разошелся во множестве списков по обеим столицам, вызывая симпатию либералов и глухое негодование ревнителей прежних устоев.

На конец 50 — начало 60-х годов приходится кульминация общественной деятельности Самарина. Он участвовал практически во всех важнейших органах, имевших отношение к разработке крестьянской реформы 1861 года, причем оказывался, как правило, на решающих участках работы. Сначала он изрядно приложил руку к составлению проекта реформы в Самарском губернском комитете. Местное дворянство приняло в штыки либеральные идеи знаменитого славянофила (впоследствии нелюбовь местных помещиков немало способствовала уходу Самарина из самарского земства).

Самарин стал одним из ведущих деятелей Редакционных комиссий (июнь 1859 — начало 1860 года) и в этом качестве явился автором многих ключевых положений исторического Манифеста 19 февраля 1861 года (впоследствии многие идеи Самарина по настоянию Александра II были препарированы в церковной манере).

Юрий Федорович счел своим долгом не только теоретически обосновывать предстоящие перемены, но и внедрять их в жизнь непосредственно, «личным примером». Сразу после 19 февраля он направляется в свои самарские владения, чтобы воплотить многолетние задумки, долгие годы вынашивавшиеся им совместно с единомышленниками-славянофилами — А. С. Хомяковым, Иваном и Петром Киреевскими, Константином и Иваном Аксаковыми, А. И. Кошелевым, В. А. Черкасским. Самарин сознательно устранился от «мельтешенья в верхах» во имя главного — устранения вековечного российского рабства.

Впрочем, в обеих столицах к этому времени в либералах особой нужды уже не просматривалось: в пореформенную эпоху о Самарине удосужились вспомнить один-единственный раз, когда в 1865 году понадобилось открыть от имени правительства заседание Самарского губернского земского собрания. Но одновременно это событие стало для него поворотным — оставшиеся двенадцать лет жизни Самарин в значительной степени посвятил земским делам. Подобно десяткам виднейших умов России, он возлагал немалые надежды на местное самоуправление и сам упорно работал над «мелкими делишками», хлопоча о нуждах земских школ и больниц, о строительстве дорог и сохранении прав земских учреждений. Самарин не стал баллотироваться в гласные Самарского губернского земства и вскоре направился в Москву. С 1866 года Юрий Федорович становится гласным вновь организованного Московского губернского земства, а после городской реформы 1870 года — Московской городской думы. Здесь его оценили по достоинству: после смерти земство и Дума установили в его честь именные стипендии для учащихся, а собрание Думы постановило повесить самаринский портрет в зале заседаний.

Активно работая в земствах, Самарин, впрочем, особенно далеко не заходил и высказывался против конституционных мечтаний «известной части русского общества». Он допускал существование местных представительных органов, ибо, по его мнению, *«общество, лишающееся своего представительства, есть общество, перестающее существовать»*, но конституцию считал игрушкой безусловно вредной — в российских условиях, по его мнению, она воплотится всего лишь в олигархическое всевластие дворян. О способностях и политических наклонностях многих «лучших людей» из собственного сословия — этой, по его словам, «нелепой среды» — дворянин Самарин был крайне невысокого мнения.

При жизни этот человек не устраивал слишком многих: просвещенные западники морщили нос от его славянофильских воззрений (так, Белинский считал, что от его сочинений «несет мерзостью»). Соратники по «русской партии» порой терялись при столкновении с его либеральными и во многом «европейскими» увлечениями, для официальных властей он был слишком «крайним», а господа разрушители существующего строя встречали в его лице ретрограда, монархиста и гонителя конституции и свободы. Тотальное непонимание — черта, печально характерная для многих выдающихся русских людей эпохи царствования Александра Николаевича. Незавершенность «великих реформ» и крах многих начинаний нередко определялись близорукой «кадровой политикой» и притеснением толковых, но в чем-то неудобных людей. Они хотели и могли работать для России, но их мысли и начинания по большей части ушли в песок. И уже для следующего поколения (не только для нас, воспринимающих историю сквозь «этапы» и героев) Самарин — это просто русский националист, апологет православия и общины. «Забыли», «затеряли» главное, что отличало его от многих: истинное знание русской жизни — от крестьянского двора до петербургских коридоров власти. На стыке двух эпох он впитал в себя коренную черту всеми проклинаемого российского либерализма — мирный, эволюционный путь развития страны, основанный на строгом соблюдении закона: *«Не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме Европейских держав; ибо внешняя сила и политическое значение государства зависит... более всего от крепости общественного организма»*.

ЛИТЕРАТУРА

Дудзинская Е. А. Общественная и хозяйственная деятельность славянофила Ю. Ф. Самарина//Исторические записки. Т. 110. М., 1984.

Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Paris, 1926.

Цимбаев Н. И. Славянофильство. М., 1986.

ТЕСТЫ

«Репетитор» идет верным курсом — вопросы наших тестов в значительной степени предваряют проблематику экзаменационных вопросов (при этом мы, как правило, предлагаем более сложные задания). Следовательно, тот, кто будет усердно упражняться по нашим тестам в течение всего года, имеет верный шанс быстро и правильно разделаться с подобными заданиями на экзамене. А сегодня вам предоставляется возможность испытать себя, ответив на вопросы исторической части «общеобразовательного теста» экономического факультета МГУ.

1. Христианство на Руси было принято в X веке при
   (А) князе Олеге
   (Б) князе Игоре
   (В) княгине Ольге
   (Г) князе Святославе
   (Д) князе Владимире.

2. Главный христианский собор, возведенный в XI веке в Киеве, назывался
   (А) Успенским
   (Б) Архангельским
   (В) Благовещенским
   (Г) Рождественским
   (Д) Софийским.

3. Крупнейшим княжеством на северо-востоке Руси в середине XII века было
   (А) Ростовское
   (Б) Тверское
   (В) Рязанское
   (Г) Московское
   (Д) Владимиро-Суздальское.

4. Высший орган управления Новгородской боярской республикой
   (А) Земский собор
   (Б) Боярская дума
   (В) Поместный собор
   (Г) Сход
   (Д) Вече.

5. Первое крупное столкновение русских дружин и монголов произошло на реке
   (А) Сити
   (Б) Волге
   (В) Клязьме
   (Д) Оке
   (Д) Калке.

6. Князь Александр Ярославич стал зваться Невским за
   (А) завоевание устья реки Невы
   (Б) присоединение земель вокруг Финского залива
   (В) победу над шведами в устье реки Невы
   (Г) победу над рыцарями Тевтонского ордена
   (Д) победу над финскими племенами у реки Невы.

7. Куликовская битва состоялась в
   (А) 1378
   (Б) 1379
   (В) 1380
   (Г) 1381
   (Д) 1382.

8. Юрьев день — это день, когда зависимый крестьянин
   (А) мог не работать на феодала
   (Б) мог жениться без согласия феодала
   (В) должен был заплатить оброк
   (Г) должен был заплатить церкви десятину
   (Д) мог перейти от одного феодала к другому.

9. Приказы — это центральные исполнительные, распорядительные и служебные органы власти
   (А) при царе
   (Б) при Боярской думе
   (В) при Земском соборе
   (Г) органы на местах, представлявшие интересы царя
   (Д) органы местного дворянского самоуправления.

10. В состав армии Ивана Болотникова помимо крестьян и казаков входили
   (А) бояре
   (Б) дворяне
   (В) купцы
   (Г) рабочие
   (Д) монахи.

11. Последний Земский собор был созван в царствование
   (А) Бориса Годунова
   (Б) Василия Шуйского
   (В) Михаила Федоровича
   (Г) Алексея Михайловича
   (Д) Петра I.

12. Петр I добился присоединения
   (А) Крыма
   (Б) Южного Причерноморья
   (В) Польши
   (Г) Прибалтики и побережья Финского залива
   (Д) Северного Кавказа.

13. Полтавское сражение состоялось в
   (А) 1709
   (Б) 1710
   (В) 1711
   (Г) 1712
   (Д) 1713.

14. В ходе Семилетней войны в 1760 году русские войска взяли
   (А) Париж
   (Б) Стокгольм
   (В) Вену
   (Г) Прагу
   (Д) Берлин.

15. Основные мероприятия Александра I в первые годы правления сводились к
   (А) созданию парламента и введению избирательного права
   (Б) учреждению Государственного совета, созданию системы министерств и изданию закона о «вольных хлебопашцах»
   (В) наделению Сената законодательными функциями, созданию системы департаментов и изданию закона о «вольных хлебопашцах»
   (Г) дарованию привилегий купцам и промышленникам, запрещению телесных наказаний
   (Д) созданию тайной полиции.

16. Временнообязанное состояние крестьян, введенное в 1861 году, предполагало
   (А) временную обязанность трудиться на помещика вплоть до особого указания властей
   (Б) обязанность платить выкупной платеж, внесенный государством за освобожденных крестьян
   (В) обязанность временно трудиться на помещика сроком в 20 лет
   (Г) обязанность трудиться на помещика до момента роспуска общины
   (Д) обязанность временно выполнять обязанности по содержанию помещичьих земель до момента их распределения среди крестьян.

17. Народники организовали в середине 1870-х годов серию «хождений в народ», основываясь на идеях
   (А) Бакунина и Лаврова
   (Б) Ткачева и Нечаева
   (В) Кропоткина и Михайловского
   (Г) Маркса и Энгельса
   (Д) Михайловского и Чайковского.

18. Столыпинская аграрная реформа 1906—1911 годов, распуская общину, предполагала
   (А) отселение крестьян на хутора или переселение их на новые восточные земли
   (Б) выдачу крестьянам кредитов и передачу пустошей
   (В) передачу крестьянам части помещичьих земель
   (Г) давала кредиты крестьянским общинам
   (Д) наделяла беднейших крестьян землей за счет наиболее зажиточных

19. Председателем Реввоенсовета (РВС) в годы гражданской войны был
   (А) В. И. Ленин
   (Б) Л. Д. Троцкий
   (В) М. В. Фрунзе
   (Г) Ф. Э. Дзержинский
   (Д) С. С. Каменев.

20. Конституции СССР принимались
   (А) 1918, 1936 и 1977
   (Б) 1922, 1936 и 1977
   (В) 1924, 1936 и 1977
   (Г) 1924, 1936 и 1988
   (Д) 1924, 1936 и 1990

От редакции. Стиль и орфография подлинника сохранены. Предупреждаем, что по крайней мере в двух случаях «правильные ответы» грешат неточностями.

К сведению заинтересованных организаций и учебных заведений: «Репетитор» готов взять на себя разработку подобного рода тестов, а также экзаменационных билетов для различных типов учебных заведений. Обращаться по телефону в Москве: 203-95-45.

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ГОДЫ ПЯТИДЕСЯТЫЕ...

Известный французский историк — участник Сопротивления Марк Блок, расстрелянный гестаповцами в 1944 году, в своем незаконченном труде «Апология истории», размышляя о верхнем временном пределе интересов науки, вспоминал, что его лицейский учитель, уже очень пожилой человек, говаривал: «С 1830 года — это уже не история, это — политика».

Для нас, родившихся до или сразу после войны, пятидесятые годы — это годы детства, период, запавший в память страхами и радостями. Это, конечно же, и политика с ее «холодной» войной и не изгладившейся из памяти только что прошедшей, настоящей; со смертью Сталина, съездами, на которых заговорили о делах «вождя всех народов», эскападами «дорогого Никиты Сергеевича», не устававшего удивлять сограждан всяческими новшествами и заверениями. Годы пятидесятые — время необдуманных решений и несвершившихся обещаний...

Лично для меня годы эти слились в какой-то единый, бесконечно длинный, пыльный солнечный день, в котором спрессовалось очень многое. Зелень хвои, украшавшей колонны и траурные транспаранты, нищие на вокзалах и в электричках. Инвалиды, торгующие всякой всячиной на базарах. Безрукие, безногие, на костылях, деревянных культях и самодельных колясках: дребезжащий звук их подшипников до сих пор стоит в ушах. Инвалиды были всюду. И не только те, кто получил увечья на полях сражений. У нас в школе, например, был долговязый переросток с жестокой кличкой «Руки» — их ему оторвало по самые локти немецкой гранатой. Из-под нелепой, особенно зимой, рубашки с короткими рукавами торчали сизые растопыренные отростки, которыми он владел виртуозно: жестоко дрался, больно хватал за уши малышей. Он слыл непререкаемым «авторитетом» даже среди взрослых.

Остались в памяти праздники в соседних дворах, с обязательной гармошкой или трофейным, отливающим лаком и перламутром

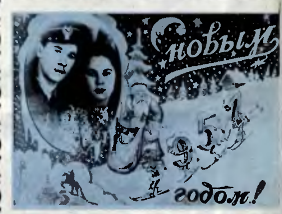

Крым Ялта 16-V-51г. N 519

аккордеоном, выдающим тягучие, невероятно трогательные звуки, также намертво засевшие в памяти. Праздники эти заканчивались дракой. Женщины уносили аккордеон и исполнителя, который без посторонней помощи не мог передвигаться. Наступал вечер... У ворот сидели дворники с метлами и в неизменных фартуках. Власть в округе олицетворял участковый в широченных галифе и в фуражке с плоским козырьком, нелепо сидевшей на его огромной голове...

Снимки тех лет трудно назвать искусством. Жизнь выгнала фотографов из некогда уютных ателье, затолкав в каморки под лестницей, где их можно было отыскать по жестяным табличкам «Срочное фото», путавшимся с десятками таких же убогих «вывесок», среди которых выделялась своей официальной категоричностью одна — «Туалета во дворе нет». Да и фотограф, которого в каком-нибудь уездном городишке еще совсем недавно называли «Граф Фото», из некогда артистической фигуры превратился в обыкновенного ремесленника, вошедшего в унылую систему Коммунхоза.

И все равно эти пожелтевшие от плохой промывки, скрутившиеся от того, что они никогда не знали паспарту, фотографии с незатейливым «фигурным» обрезом — единственной «отделкой» фотопродукции тех лет — доносят до нас непередаваемый аромат пятидесятых, становящихся постепенно ИСТОРИЕЙ.

Фото из личного собрания Владимира НИКИТИНА

Сдано в набор 11.11.92 . Подписано к печати 27.01.93 . Формат 84x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.–отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 331 Цена в розницу — договорная, 25 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.